Багорт

том 2

Суворова
Анастасия

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ян возмужал, Дея столкнулась с превратностями любви. Как им преодолеть произошедшую с их дружбой метаморфозу? Как забыть о вероломствах Влада? Как понять, кто друг, а кто враг, если все так перепуталось? Главные герои не выбирали кем рождаться, но сами определили траекторию пути, и у каждого он будет свой. Три человека, служащие одной идее, три дорожки в некой плоскости бытия. Пути их будут пересекаться, и от соприкосновений этих полетят искры и возгорится пламя. Но что это будет за пламя?

- Багорт
  -
  - Багорт. Том второй
  - Пролог. Полвека назад
  - Прояснение
  - Чего хочет женщина
  - Праздник последней луны
  - Непреодолимая сила
  - Пламя высшего порядка
  - Начало игры
  - Фарфоровое сердце
  - Безумный день
  - Обещание
  - Дебош
  - Долг
  - Жертва
  - Акт возмездия
  - Побег
  - Крушение идеала
  - Накал
  - Большой совет
  - Деин траур
  - Единственный
  - Степень дозволенного
  - Шлем ужаса
  - Единение
  - Тайный лаз
  - Все тайное становиться явным
  - Ходы и лабиринты
  - Секрет женщины
  - Принятие

- Коловрат
- Некая плоскость бытия
- Пришла весть
- Война идеологий
- Решение
- Маневры
- Зерна
- Военное время
- Огонь войны
- Жемчужная тайна
- Черные птицы
- Удар в сердце
- Последний дар
- Эпилог

Багорт
Том второй

Анастасия Валерьевна Суворова

Иллюстратор Анастасия Суворова
Дизайнер обложки Анастасия Суворова

© Анастасия Валерьевна Суворова, 2020
© Анастасия Суворова, иллюстрации, 2020
© Анастасия Суворова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4490-9202-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Багорт. Том второй

От автора

Здравствуйте, дорогие читатели! Перед вами завершающий том романа «Багорт». И коли Вы собрались прочитать этот текст, значит уже познакомились и с первым томом, за что я Вам искренне признательна.

Если Вам пришлись по вкусу мой слог и образ мыслей, спешу сообщить, «Багорт» не единственное мое произведение.

Еще раз хочется поблагодарить Вас за читательский труд, потому как самое ценное для любого писателя — это интерес к его работам.

Так же я хочу выразит благодарность тем людам которые поддерживали меня в моем начинании — моему мужу Роману и подругам: Марианне, Наталье и Соне. Цените друзей и родных, с их помощью невозможное становиться возможным).

Приятного чтения).

Пролог

Пролог. Полвека назад

У прибрежных скал Лонгвина, заселенных кланами Ведов разыгрывалась нешуточная буря. В огромном гроте, где устроили импровизированный зал советов, теснилось три десятка чародеев, не унимающихся уже третий час.

Обычно в этом угрюмом поселении царила тишина, гонимые простым народом чародеи жили замкнуто и скрытно, редко принимали отчаявшихся посетителей, что приходили за помощью, когда кроме Веда ее уже никто не в силах был оказать. Но сегодня в мрачном убежище колдунов разгорались нешуточные споры, волнения и метания. Пять Верховных Хранителей Багорта послали в Лонгвин весть с поистине царским предложением — переселиться угнетаемым Ведам в соседний континент, где их будет ждать теплый прием и особые привилегии.

Веды Лонгвина были наслышаны о терпимости багортцев к их племени и знали, что для своих колдунов те отвели место в большом совете. Но в то, что они окажут такие неслыханные почести чужакам, мало кто верил! Собравшиеся спорили о том, стоит ли принимать предложение Багорта или нет?

Морита Кария — черноволосая красавица с поразительными ониксовыми глазами, дочь сильнейшего перворожденного Веда взирала на весь этот бедлам с тоской и отвращением. Ее попытки урезонить бесновавшихся соплеменников не увенчались успехом и когда на ее здравые доводы ей снова попытались втюхать туманные и весьма расплывчатые понятия о независимости и единстве кланов, она-таки не выдержала.

— Если вам нравиться ваша промозглая, сырая дыра, живите здесь, а я хочу мир посмотреть!

— Не мир ты хочешь посмотреть, а себя показать, — отвечал ей со злобой седовласый, сгорбленный старик — ее отец и старейшина клана.

— Чего же в этом плохого? — парировала Морита. — Какой смыл быть выдающимся Ведом если ты не вправе применять свой дар в полной мере. Ты отец обладаешь способностями превосходящими мощь всего нашего клана, но что они тебе дали, кроме осознания собственного бессилия, в попытках переломить людские предрассудки? Лонгвин никогда не простит нам вековой войны между Ведами, в которой они пострадали. Здесь мы еще вечность будем гонимы из-за ошибки наших праотцов. Я не желаю больше прятаться! Я хочу познать свою силу в полной мере, хочу беспрепятственно пользоваться ею.

— Как ты не понимаешь, Морита, — обратился к ней мужчина, сидящий чуть в стороне от остальных, — это их место в совете, что они так любезно предлагают сильнейшим Ведам — жалкая уловка. На самом деле на тебя там будут смотреть так же косо, как и здесь. Только дома мы свободны от обязательств и принадлежим сами себе, а в Багорте тебя обяжут служить жалким, никчемным людишкам, да еще ограничат со всех сторон законами. Так что не думай о том, что ты сможешь там пользоваться своей магией беспрепятственно.

— Хранители Багорта хитры, — поддержал мужчину отец взбунтовавшейся Мориты. — Они понимают, что единственная сила способная противостоять ему в полной мере сосредоточена в Лонгвине. Серварг растратил своих чародеев, их кланы малы потому что «чистое воинство» слишком усердно гонялось за ведьмами, посжигав их в своих фанатичных кострищах. Ихор вообще не в счет — вся их ведовская мощь перекочевала к нам, сделав неуязвимыми. Багортцы прекрасно понимают, что если мы пойдем на них войной, никакие Хранители не уберегут их земли от пяти сотен озлобленных ведьмаков.

— Не все Веды Лонгвина будут участвовать в войне, если наши безумные правители решаться на нее, — возразила Морита. — С чего мне, например, поддерживать народ, который веками терзает мое племя?

— С того, что за победу нам отдадут половину багортских земель, — вступил в разговор немолодой, но еще крепкий мужчина, что сидел по правую руку от седовласого старца. — Я слышал о том, что наш наместник так жаждет заполучить Мрамгор, что готов отдать нам два граничных замка и оставить, наконец, в покое, если мы поможем захватить Багорт.

— Глупости! — бросила ему Морита. — Досужие сплетни! Наш наместник слишком жаден чтобы отдать два замка, а если он это и сделает, то все равно не оставит нас в покое. Вы как хотите, а я не намерена участвовать в войнах. Не забывайте о нашем предназначении — мы были призваны Источником для того чтобы нести свет знания, а не мрак и ужас разрушений, — добавила она чуть тише.

Мужчина что сидел в стороне ото всех поднялся и подошел к дочери первородного Веда. Несмотря на кажущуюся моложавость, вокруг его тонких губ уже залегли глубокие морщины, что говорило о его улыбчивости. Но сейчас он был мрачен и его блестящие глаза, смотрели на бунтарку с тоской.

— Морита, не начинай, — проговорил он беря ее за руку. — Твое стремление вернуть нам былое величие по средствам служения, ни к чему не приведет. Ты растратишь на этих букашек

свою драгоценную силу, а они тебе даже спасибо за это не скажут.

— Нет, Ихаиль, я не стремлюсь вернуть былое величие всему нашему племени, я хочу его для себя. И я поеду в Багорт, а ты если все еще любишь меня, не станешь удерживать.

— Морита! — прогремел старец, и в гроте на мгновение стало темно. — Ты не можешь покинуть клан!

— Никто не вправе решать за меня мою судьбу, — медленно проговорила Морита, пытаясь унять дрожь в голосе. — Я люблю вас всех, но себя я люблю больше и поэтому не откажусь от мечты, даже ради того чтобы остаться с семьей, — проговорила она смотря в глаза Ихаиля, а потом развернулась и стремительно вышла из грота прежде, чем успели ей возразить.

Опасаясь, что ее решимость даст трещину, Морита Кария, покинула родной дом в этот же вечер. Направилась еще молодая и амбициозная Ведунья не куда-нибудь, а прямиком в столицу Багорта — белокаменный Мрамгор.

Глава 1
Прояснение

Прояснение

— В этом подземелье всегда страшные сквозняки, — проговорил Влад, оборачиваясь к дверям. — Ты увидела достаточно, нам пора возвращаться.

— Разве я не должна занять ее место? — прошептала Дея.

Вед продолжительно посмотрел на бледнеющую девушку. Глаза его, источали яд. Дея была уверена, что нет в целом мире человека, которого он ненавидел бы в эту минуту больше чем ее.

— Пойдем, — проговорил он глухим голосом, — пока я не передумал.

Она сглотнула и, повинуясь его воле, молча направилась к выходу.

Дорога обратно, как это всегда и бывает, показалась короче, но угнетающее молчание и напряженность Влада, которую Дея чувствовала спинным мозгом, делали это путешествие настоящей мукой.

Когда они вышли за пределы замкового сада, Влад шедший впереди, наконец, обернулся к ней.

— Я могу снять кровное заклятие, — предложил он, одаривая Дею по-прежнему тяжелым, но уже не ядовитым взглядом. — Но учитывая твое новое положение, зрячая кровь может тебе еще пригодиться.

— Что значит зрячая кровь?

— Ты связана с могущественной ведуньей, — пояснял он вымученно, — от меня-то уж не надо скрывать, что ты способна если не творить, то по крайне мере видеть чужие чары.

— Способна, — холодно отозвалась Дея.

— Учитывая, какую горячую любовь ты вызвала у жителей Мрамгора, а в особенности у его Хранителей, она тебе еще понадобиться. Но этот сброд меня на самом деле мало волнует. Никто из них не посмеет открыто вредить тебе, а вот Ихаиль… — Влад не договорил, погрузившись в мрачное молчание.

— Ихаиль покинул приделы Багорта, — произнесла Дея, немного помедлив. — Мне посчастливилось видеться с ним перед его отбытием.

Влад криво усмехнулся.

— Ты всерьез думаешь, что его смогут остановить жалкие попытки наших кудесников, когда он прознает, что его план мести мне и Багорту провалился? Да он просачивается через все наши блокады, словно моль сквозь шерсть!

— Это правда, я лично в этом убедилась. Пока его отлавливали в окрестностях Мрамгора, он беспрепятственно

проник в кабинет к Вайесу и имел наглость, ставить ему условия.

На лице Веда отразилось беспокойство, которое, впрочем, тут же сменилось апатией.

— Он самый сильный Вед, которого я когда-либо встречал, Дея, сильнее его только моя мать. Его можно было бы победить лишь хитростью, но и в этом он лучший из лучших.

Дея посмотрела на Влада исподлобья, а потом все же задала главный вопрос.

— Почему ты забрал нас?

— История будет долгой.

— Не дольше того времени, что я потратила на твои поиски. Начинай.

— Я не хотел бы…

— Мне плевать, чего ты там хотел, ты мне жизнь сломал!

Влад вскинул на Дею полный сожаления взгляд.

— История и впрямь будет долгой, не лучше ли нам убраться с дороги? Можем поехать ко мне, там никто не помешает, — предложил он, пряча глаза.

— Если ты думаешь, что после всего случившегося, я пересеку порог твоего дома — ты идиот. Говори здесь!

Влад криво усмехнулся и кивнул, усаживаясь на придорожный валун, Дея последовала его примеру, присев чуть позади Веда. Она не хотела смотреть на его бесстрастное лицо, к тому же боялась, что ее реакция спугнет рассказчика, и он замкнется в самый неподходящий момент. Пришел тот час, когда ей откроются все тайные механизмы, вращающиеся в душе ее злейшего врага.

— Как я тебе уже говорил, меня мучило не только желание отомстить жителям Багорта, но и Земле отплатить за то зло, что она принесла в мой дом. И конечно Ихаиль не смог не воспользоваться безумными идеями неоперившегося подростка, которые так удачно совпадали с его собственными планами касательно Багорта.

— А чем Ихаилю Багорт не угодил?

— Предложение, что полвека назад сделали главы Багорта лонгвинским Ведам, навсегда раскололо их кланы. Ихаиль в те незапамятные времена пострадал не меньше прочих, ему есть за что ненавидеть наш дом.

— Ясно, — процедила Дея.

— Ты знаешь историю Белого острова?

— Да.

— Когда моя мать пыталась побороть младенческий мор, Ихаиль старательно имитировал активное участие в этом деле. И я наивно полагал, что раз он однажды уже помог ей, то

не останется в стороне, когда ей грозило наказание. Я сам пришел к нему и попросил о помощи. У меня тогда уже был готов план по вызволению матери из темницы, не слишком изящный, зато дерзкий, — Влад усмехнулся. — Я собирался похитить ребенка из какой-нибудь крестьянской семьи и связать его со своей матерью кровным заклятьем, а после того как приговор приведут в исполнение, просто ждать. Я был уверен, что рано или поздно вся эта история с Белым островом поутихнет и я про Мориту Карию позабудут. И тогда я смогу подменить сосуд, поместив вместо матери подросшего к тому времени ребенка. Месть ни в чем неповинной Земле в моем юношеском воображении, вообще выглядела до безобразия эпично. Решив похитить еще одного ребенка, я планировал наложить на него проклятье вызывающее звездный дождь. Я прознал, что на Земле люди защищают свои дома собственными силами и такую напасть как звездный дождь не смогут отразить. Погубить планету он, конечно не мог, но шороху должен был наведет порядочного, — Влад снова усмехнулся, а Дея возмутилась, что он с такой иронией рассказывает о своих зверских планах и даже имеет наглость ухмыляться.

Но выказывать свое недовольство она не спешила, нужно было дослушать историю до конца, тем более, что Влад уже продолжал.

— Но то, что в горячке я запланировал как собственное орудие возмездия, должно было стать местью Ихаиля, которой он собирался насладиться сполна через многие годы. Ирония была в том, что под удар попадали все, включая и меня самого. К тому времени я должен был немного подрасти и осознать всю нелепость своих импульсивных и неосознанных поступков продиктованных гневом. Итак, Ихаиль убедил меня в том, что оставлять ребенка с кровным заклятием в Багорте не безопасно, потому как для него придется подыскать няньку, а лишние люди посвященные в нашу тайну увеличивали шанс разоблачения, который должен был повлечь за собой смертную казнь. Оставив же ребенка расти как ни в чем не бывало, дожидаясь удобного часа, мы тоже не могли. Рано или поздно кто-нибудь заметил бы, что дитя очернено заклятьем.

Мой наставник убедил меня, что надежней места чем на Земле для ключа не сыскать. Он сказал, что там есть специальные учреждения, в которых заботятся о детях сиротах. К тому же, он обещал поставить на сосуд дополнительную защиту. А если и этого мало, то ребенка, на которого мы собирались наложить проклятие, можно выбрать из Хранителей. Ну, что с того, что обрушиться звездный дождь на Землю

не сейчас, а скажем лет через десять, говорил он, зато за ключом будет кому присмотреть. Ихаиль обещал позаботиться о том, чтобы сосуд и его Хранитель не разлучались до тех пор, пока мне не понадобиться ключ.

Похитить чадо из семьи Хранителей было задачей не из простых, поэтому я принялся искать внебрачное дитя с таким даром. Поиски длились почти месяц. И вот, наконец, мои старания увенчались успехом. В семье крестьянского плотника было много детей, а его жена, судя по тому что один из малышей имел ту самую ауру, какой обладают только Хранители, была не дура погулять. Но меня не интересовало благочестие мамаши, я нашел необходимое, правда, для того чтобы быть опекуном сосуда, ребенок был еще маловат. Но я решил, что защиты поставленной на вас Ихаилем хватит лет на пять, а там дар Хранителя уже начнет проявляться. Двухлетний крепко сбитый мальчик выглядел вполне здоровым, чтобы принять на себя то количество заклятий, которыми мы с лонгвинским Ведом, собирались его наградить. Ключ я решил взять в этой же семье. У плодовитой мамаши имелся прекрасный младенчик, как нельзя лучше подходящий для этой роли. Вновь наведя сложные чары, которым меня обучил Ихаиль, я проверил не Хранитель ли новорожденный и, убедившись, что он обычный человек, остался доволен выбором. В конце концов, тянуть я больше не мог, очередное судебное заседание было назначено на ближайшую неделю, а это означало, что у меня всего два, три дня на подготовку. Что-то подсказывало мне, что это заседание станет последним, и матери вынесут приговор.

Выпросив у Вайеса последнее свидание с заточенной, я раздобыл у обессилевшей матери кровь и приступил к приготовлениям. Похищение решили устроить во время последнего заседания суда, так как основные силы Ведов и Хранителей в этот момент должны были находиться в большом зале. На нашу с Ихаилем удачу многодетная мать пошла в этот день на речку, стирать белье с другими крестьянскими женщинами.

Разложив свои тряпки у берега, она трещала с подружками, в то время как дети предоставленные сами себе играли на поляне. Сначала в игру вступил Ихаиль. Будучи сильным Ведом, способным управлять стихиями, он вызвал бурю и пока все в панике носились по полю, пытаясь собрать своих детишек, я уволок двоих.

После того как мы с Ихаилем похитили детей, у нас не было времени проверять ауры, оставалось всего несколько часов чтобы наложить необходимые заклятия и создать врата. Поэтому то, что

в суматохе я перепутал младенцев, мы поняли только тогда, когда дело было уже сделано.

На следующее утро весь город обошла весть о том, что во время судебного заседания на прачек налетела невесть откуда взявшаяся буря и, смела половину кустарников, что росли вдоль реки, а когда стихийное бедствие прекратилось, недосчитались двоих детей. У жены крестьянского плотника, пропал сын и вверенная ей дочь Елизаветы Ладгальд — жены ее брата.

Жители еще долго пытались отыскать пропавших детей, но так как от них не осталось и следа, все решили, что малюток утащили волки и поиски все же прекратились. Твоя мать, не перенеся горя, вскоре скончалась, а отец покинул эти места и прожил еще несколько лет, прежде чем отправиться следом за ней.

Так Синий лес остался без Хранителей, а я вкусил первый отдающий душком плод своих стремлений. Мечтаниям о том, что всю эту громкую историю и саму Мориту Карию когда-нибудь позабудут, не суждено было сбыться. Напротив, люди упорно не желали забывать нашу семью.

Я ждал долгих семнадцать лет и, поняв, что ничего не измениться, если я прожду еще столько же, решил вернуть вас обратно. За прошедшие годы я осознал, что винить чужой мир за собственные беды бессмысленно, да и деревню этим уже не спасешь, поэтому решил вернуть обратно не только сосуд, но и Хранителя, думал, снять с него проклятие. Ключом же я по-прежнему собирался воспользоваться, как и было задумано, но меня ждало крушение всех надежд. Ихаиль, так старательно изображавший участие в судьбе Мориты, удивил меня, подложив порядочную свинью. Я слишком поздно понял, что он тоже был одержим местью и распространялась она на весь Багорт, включая саму Мориту и меня.

Откликнувшись на мой призыв и переместившись в Мрамгор, Ихаиль зарекался вернуть сосуд и Хранителя в условное место, но обещания своего не выполнил. Вместо этого он бросил вас как щенков в кольцо Ведов и позволил сбежать, обрушив тем самым на мою голову нешуточные проблемы. Сам Ихаиль тоже скрылся и пока я разбирался что к чему, вы успели спрятаться. А потом начался этот идиотский турнир, и город наводнили толпы приезжих. Как ты сама знаешь, парочек среди них хватало, — Влад тяжело вздохнул и повернул голову к Деи, посмотрев на нее уставшими, пустыми глазами. — Дальше ты все знаешь, — проговорил он поднимаясь.

Дея тоже встала, посмотрев на Влада так, словно видела его впервые. Только теперь, после этой длинной и развинчивающей

его напыщенность исповеди, она по-настоящему ощутила страх. Перспектива оказаться на месте Мориты была поистине ужасающей. Она, наконец, стала понимать, к какой участи готовил ее этот красивый, загадочный и столь желанный молодой человек. Казалось, Дея должна была разочароваться в своем возлюбленном, но вместо этого ее будто удушливое облако стал обволакивать гнев. Он назревал, словно фурункул. И вот этот гнойник лопнул. Не помня себя от ярости, Дея набросилась на Влада и, повалив его на землю, обрушила с десяток ударов в грудь, своими острыми кулачками.

— Да провались ты в бездну, сукин сын! — выкрикивала она, захлебываясь слезами, неожиданно хлынувшими из нее, будто она была переполненной тучей. — Какое ты имел право распоряжаться моей жизнью! Ты — моральный урод, эмоциональный импотент, самонадеянный кретин! Ты хоть представляешь, какую заварушку ты устроил! — шипела она, восседая на нем разъяренной фурией и тряся за грудки.

Не пытающийся уворачиваться от ударов Вед, дождался, когда Дея выместит на нем свой гнев, а потом притянул рыдающую девушку к себе.

Бешеный всплеск эмоций забрал у Деи последние силы, лишив способности сопротивляться. Вжавшись в упругую грудь Влада, она стала понемногу затихать. Всхлипы становились все реже, высвобождался разум загнанный в чувственную западню.

Осознав, наконец, что она разлеглась у самого тракта с тем, кого искала все эти месяцы, мечтая повесить на одной из своих елок, Дея поспешно вскочила на ноги, утирая заплаканное лицо. Влад тоже поднялся и теперь выжидающе смотрел на нее исподлобья. Перепачканный, всклоченный, с мученическим взглядом он не имели ничего общего с тем Владом, которого она знала до сих пор.

— Ты знал кто я, когда подошел ко мне на турнире, верно? — решилась она задать терзавший ее вопрос.

— Нет, — просипел Влад.

— Всемогущий мраморный Влад не распознал во мне собственное кровное заклятие?! — желчно вопросила Дея.

— Его не так-то и просто узреть, — начал он сдавленным голосом. — Без специально наведенных чар его не почувствуешь. Я принял тебя за провинциалку, прибывшую на состязания, чтобы сопроводить своего парня. К тому же, ты не создавала впечатление несмышленого подростка, я думал ты гораздо старше.

— Человек, который выглядит в свои тридцать два на двадцать, не подумал о том, что внешность обманчива?

— Ты права, это было глупо. Но, если честно, я не хотел даже представлять, что ты та, кого я разыскивал все это время. А когда я почуял неладное, было уже поздно.

— Что поздно?

— Не важно, — отмахнулся он. — Ты можешь возненавидеть меня, можешь убить, но изменить мною содеянное, ты все равно не властна. Ты особенная, Дея, необыкновенная, но ты всего лишь Хранитель, повернуть время вспять ты не в силах, — с горечью сказал он.

— А ты значит в силах! — взорвалась Дея. — Для этого ты искал хронодыры? — догадалась она. — Хотел отмотать время назад, до того злосчастного суда или даже до того дня когда к Морите обратились за помощью жители деревни, от которой остался лишь остров, поросший дурманом?

— Да.

— А ты не подумал, что попав в прошлое, позабудешь то, о чем знаешь сейчас? Ведь ты не представляешь, как это работает.

— Но и ты этого не знаешь!

— Как ты себе это вообще воображал?! — распалялась Дея. — Что придешь к себе пятнадцатилетнему и скажешь, — «эй дружочек, поумерь свой пыл, иначе ты рискуешь прослыть первоклассным уродом». А тебе не приходило в голову, что могут параллельно существовать несколько реальностей, в которых события разворачиваются согласно принятым нами решениям, и именно здесь и сейчас ты уже ничего изменить не сможешь? Мы с Яном так и останемся сиротами. Я по-прежнему буду ненавистна Хранителям за инакомыслие. А Ихаиль продолжить шастать у границ Мрамгора, проедая словно моль наши защиты, чтобы однажды прийти и довершить начатое.

Влад продолжал смотреть на Дею исподлобья и молчать.

— Я хотела возненавидеть тебя, но ты не стоишь того, чтобы я засоряла этим чувством свое сердце, — выплюнула она в него едкие слова и яростно свистнула, подзывая Дорену.

Кобылка тот час прискакала и Дея умчалась прочь, ни разу не обернувшись на замершего Влада, провожающего ее взглядом.

Когда она подъехала к лесу, смысл всего происходящего уже осознался ею в полной мере, пересекая красным пунктиром ее жизнь, на «до» и «после». Гнев на Влада, словно кислота разъедал сердце, и череда нелицеприятных видений мелькала у нее в голове. В одном из них она отдавала незадачливого мстителя своим Озерным девам, и они утаскивали его на дно, делая своим пленником. В другом — она разгромляла весь его дом вместе с лабораторией. Но самым сладостным было представлять, как она разбивает дубиной его драгоценную зеркальную

инсталляцию.

В лес она ворвалась выпущенной стрелой и если бы не Дорена, то налетела бы на ближайшее дерево. Встряска немного отрезвила Хранительницу, спешившись, она отпустила лошадь и пошла пешком. Сначала Дея хотела направиться прямиком к русалкам и рассказать им все, что она узнала этим утром. Но представив, в какую ярость впадет лес, узнав кто виновник всех их бед, направилась в сторону дома, стараясь не касаться елей, ведь сейчас ей при всем желании не удалось бы скрыть своего негодования. А деревья могли прочесть все что она думает о Владе.

Мысли беспорядочно носились в голове взбесившимися птицами. Злость на Влада, предстоящий праздник, месть Ихаиля. Она не могла сейчас позволить этой истории всплыть наружу. Неизвестно как на это отреагирует лес, не хватало еще скандала накануне праздника Последней луны, подготовка к которому и без того проходила не гладко.

На секунду она засомневалась, имеет ли право утаивать эту новость и от Яна? Но потом, явственно представив лицо друга, узнающего о том, кто является устроителем всего этого безобразия, она поняла, что имеет.

Девушка знала Яна как саму себя, он ринется на Влада без раздумий, и тогда начнется такая заварушка, которую уже и не остановишь. Одного из них она лишиться точно, а возможно и обоих, ведь когда эта новость всплывет, Влада будут судить, а о суровости законов применяемых к Ведам она уже знала.

Боясь выйти из дому, не поведав ненароком лесу о случившимся, Дея так и просидела весь день у незажженного камина, пытаясь найти решение. Старательно запечатывая свои мысли в самих глубинах памяти, она готовилась к завтрашнему дню. Ей предстояло начать непосредственную подготовку к первой лунной ночи в ее лесу.

Поскольку лес простоял долгое время невостребованным, в нем скопилось много сушняка, и его Дея собиралась разрядить, устроив настоящие пионерские костры во время празднества. Но для того чтобы ее план осуществился, ей были необходимы дровосеки и их она намеревалась попросить у Вайеса, отправившись к нему завтра же. Пытаясь обдумать все детали предстоящих приготовлений в мельчайших подробностях, она яростно сражалась с беспорядочностью мыслей, метавшихся в ее голове. Черным мороком на нее ниспадали последствия сегодняшних событий, расслаивая ее душу. Сердце казалось, покрывается струпьями, оно больше не желало быть ее составляющим, оно отчаянно рвалось наружу, мучая несчастную

девушку.

Ей бы пойти к озеру, окунуться в его целебные воды, растворить свою боль, но нельзя. Единственно на что Дея могла рассчитывать, так это на спасительный сон, но он не шел к ней, как ни старалась она его призвать. Ворочаясь ночью в постели, Дея вдруг услышала, как в двери ее домика постучали. Сначала девушка подумала, что ей это слышится, но стук повторился. Зажигая дампу, она спустилась вниз и, отворив двери, удивленно уставилась на ночного гостя.

— Вы позволите? — спросил глава Мрамгора, закутанный с головы до пят в темный балахон.

Дея кивнула, пропуская гостя.

— Я извиняюсь, что потревожил вас так поздно, но… Но… — Вайес запинался, не в силах подобрать оправдания столь позднему визиту.

— Да вы проходите, садитесь и балахон мокрый снимайте. Я разведу огонь.

Вайес разоблачился и сел, Дея оживив камин, устроилась напротив гостя.

— Говорите же, что привело главу Мрамгора к гонимой Госпоже Синего леса в ночи, — попросила она, стараясь улыбаться.

— Мне стало известно о проникновении в запрещенное крыло замка, туда где располагаются темницы. Влад единственный кому эти коридоры не дают покоя. Я пришел именно сюда, потому что вас с ним видели сегодня недалеко от замка. Мне доложили, что вы… Мм-м-м… Немного повздорили. Это правда?

Дея кивнула и скривила губы, представляя с каким аппетитом горожане, примутся смаковать эту пикантную новость. Какими колоритными подробностями обрастет этот анекдот, а главное, как на нее будут смотреть во время праздника.

— Это вы с Владом проникли в подземелье? — напрямую спросил Вайес.

— Да, — честно ответила Дея.

— Я осмелюсь спросить, зачем он вас туда водил? — проговорил Вайес дрожащим голосом.

— Он показывал мне темницу своей матери.

Вайес устало уронил голову в ладони и замер.

— Вы ведь знаете, зачем он меня туда водил, не так ли? — поняла Дея.

— Догадываюсь, — проговорил он, поднимая голову. — Если дела касаются Влада, то ничего нельзя знать наверняка.

Вайес на некоторое время замолчал, глаза его застыли, он ушел в себя, а потом, не меняя отсутствующего выражения лица,

он заговорил снова.

— Влад рос трудным ребенком. Он всегда был импульсивным, неуправляемым, гневным, но подавал большие надежды в ворожбе. В магической школе ему не было равных, все ему давалось легко, к тому же он был ненасытен в своем стремлении познать как можно больше в области магии. Но было нечто, с чем он справлялся хуже своих сверстников, а точнее не справлялся вовсе. Он не умел контролировать свои чувства, был очень вспыльчив, и уже тогда пугал всех своей изощренной изобретательностью. С ним почти никто не хотел знаться, кроме Адель. Она была единственным ребенком, способным переносить его вспышки неконтролируемой ярости. Впрочем, они никогда, насколько я знаю, не были направлены на нее. Адель не являлась ни Ведом, ни Хранителем, она была просто очень терпеливым и удивительно смышленым ребенком, готовым участвовать в самых опасных экспериментах своего друга. Влад был к ней привязан, однажды он лишил дара речи мальчишку, который не лестно отозвался о происхождении Адель. Ему было всего тринадцать лет, а он умудрился сплести такое заковыристое проклятие, что никто не смог его нейтрализовать.

Но Адель умерла, она была из той самой деревни, что превратилась в Белый остров. Горе Влада оказалось столь сильным, а неспособность справиться с ним настолько разрушающей, что он чуть было не умер от разрыва сердца. Мать откачала сына, с трудом вернув к жизни, но те несколько секунд, на которые сердце Влада остановилось, навсегда изменили его живую и страстную натуру. Морита сама потом говорила, что вернула к жизни лишь слабую тень своего мальчика и то, что умерло в нем в тот день, не в силах воскресить уже никто.

Будучи уже способным Ведом, он пустил все свои душевные силы на преодоление эмоциональных всплесков. Так мальчик ураган превратился в мраморного Влада. Когда его постиг новый удар (он узнал, что его мать будут судить за историю с дурман травой), Влад уже мог ели не контролировать, то по крайне мере прекрасно скрывать от других свои чувства. Он стал скрытен, злопамятен, горделив и обратил свой дар против Багорта и того места откуда его мать принесла проклятие, отнявшее у него все, что он любил, — Вайес снова затих, а потом вздохнув сказал. — С ним всегда было тяжело, особенно после того как я лишил его матери.

Дея смотрела на Вайеса, который выглядел совершенно опустошенным. Уставив чугунный взгляд в пол он, казалось, с трудом сдерживал слезы. Сейчас он не походил на того Вайеса, которого она знала. Всегда сдержанный и учтивый глава

Мрамгора распадался на куски, словно рухнувшая с карниза замка, мраморная статуя. И Дея задумалась, от чего его так тревожит судьба взбалмошного Веда? У всех от него одни неприятности, если это слабое слово могло хоть как-то отобразить тот хаос, что он вносил в жизни людей, к которым имел хоть малейшее сношение.

— Дея, я пришел сказать, что вы вправе требовать суда над Владом, за совершенные им преступления, — проскрипел Верховный Хранитель, безуспешно стараясь придать своему голосу официальность.

— Я не стану обрекать вас на вынесение приговора собственному сыну, — проговорила она внимательно посмотрев на гостя. — Достаточно того, что вы скорбите по его матери.

Вайес вскинул голову и посмотрел на Дею взглядом осужденного на смертную казнь, который только что узнал о помиловании.

— Я сам себя выдал?

Дея кивнула, с состраданием посмотрев на Верховного Хранителя, поразилась, как раньше не догадалась, что за важной фигурой мог оказаться отец Влада, если его гнева опасался сам Горий. Ни вкрадчивый бархатный голос, ни пристальный взгляд и своеобразная вытянутость во всем образе и Веда и главы Мрамгора, не навели ее на мысль о родстве. Ее сбила с толку снежная седина Вайеса и дружелюбный настрой, общительность и умение располагать к себе. Эти качества у Влада если когда-то и были, то полностью атрофировались, за ненадобностью.

— Как вы поняли, что я все еще тоскую по Морите? — спросил Вайес совсем уж просто.

— Никак, — честно ответила Дея, — просто предположила. Ее нет с вами уже семнадцать лет, а вы так и не женились, да и внимания к женщинам я в вас не заметила.

— На самом деле Верховные Хранители редко обзаводятся семьей. У нас отсутствие жены — положительный фактор. Считается, что у правителя не должно быть слабостей, а семья может ею являться. Были случаи, когда враги государства влияли на политику, угрожая близким Хранителя. Меня прочили на место главы Мрамгора как человека без слабостей, но они у меня были и, пожалуй, посерьезней чем у многих, — Вайес усмехнулся, так же как это утром делал Влад. — Любимая женщина, требующая скрывать нашу связь, да сын, оказавшейся взрывной смесью замедленного действия, к тому же не ведающий о нашем с ним родстве. Я рассказал ему свою тайну, только когда он лишился матери. Хотел хоть как-то подбодрить парня. Одно дело мамин друг, принимающий участие в его судьбе, другое —

понимание, что ты не один и у тебя есть родной человек. Но он к тому времени уже натворил дел, о которых я до поры не знал.

Когда мне сообщили о том, что на границе нашли двоих странно одетых подростков, я велел в тайне, минуя главу охраны доставить вас прямиком ко мне.

— А вот скажите мне, кстати, — перебила Вайеса Дея, — почему о нашем появлении сообщили именно вам? Разве у главы Мрамгора нет более насущных забот?

— Видите-ли, — начал Вайес, — после истории с Белым островом, я отдал приказ, сообщать о проникновениях с Земли мне лично. Боялся очередной угрозы.

Мне Морита рассказывала о людях, что на Земле живут, а когда я узнал ваш примерный возраст, у меня в голове будто прояснилось. Мне еще семнадцать лет назад, каким-то странным исчезновение детей показалось. Я решил ждать подтверждения моих догадок, и они оправдывались. Сначала Ян, затем и вы.

— Вы морочили нам голову, говоря, что ничего не знаете о Земле, — пожурила его Дея.

— Разве мог я рассказать вам все, не разобравшись в это истории окончательно?

— И вы знали, что это Влад устроил весь этот бардак? — как можно мягче спросила Дея.

— Знал, — признался Вайес, — точнее подозревал, но проверить никак не мог. Он не предсказуемый, я его хуже вашего понимаю, — оправдывался глава Мрамгора. — Кто его знает, как он отреагирует, если его в лоб спросить, а тут еще непонятности с этими свиданиями. В общем, я запутался и ни в чем уже не был уверен, особенно когда он дал вас спокойно из своего дома увести, целую и невредимую.

Деи было больно смотреть, как распинается перед ней Верховный Хранитель, представший несчастным отцом. Она понимала, что он не меньше чем они с Яном пострадал от Влада. Может в том, что его сын вырос таким, была отчасти и его вина, а может и нет, теперь уже не уяснишь. И все же, Деи жаль было Вайеса.

— Ладно, не оправдывайтесь передо мной, в конце концов, он ваш сын, а выбор между делами государственными и делами семейными никогда не бывает простым. Я не виню вас, я только прошу держать это втайне от Яна. Думаю, вы догадываетесь, если он узнает, кто все это устроил, катастрофы вселенского масштаба не избежать.

Вайес согласно закивал, а потом неожиданно спросил.

— Как вы думаете, ее еще можно спасти? Я уже сомневаюсь, что поступил правильно. Может, упокоение все же было бы

милосердней?

— Вы же знаете, Вайес, изменить можно многое, пока человек еще жив — Помедлив, она добавила, — я знаю, как помочь вашей Морите.

— Нет, ни в коем случае! — вскричал глава Мрамгора. — Должен быть другой способ.

— За семнадцать лет вы его так и не нашли.

— Да, вы правы, — он снова сник, — зато мой сын нашел.

Вайес криво улыбнулся одними губами, и Дея узнала в этой улыбке Влада, снова поразившись, как она раньше не замечала этого сходства. Может потому, что Вайес не представал перед ней в образе простого человека со своими страхами и переживаниями, а всегда был лишь главой Мрамгора и ее опекуном.

— Я обещаю вам, что потребую от Влада покинуть Багорт, — неожиданно выпалил он.

— Нет, — перебила его Дея, порывисто хватая за руку, — если он именно таков как вы говорите, то мы совершим ошибку. Я не хочу, чтобы от его бесконтрольного гнева пострадал кто-нибудь еще.

— Дея, я могу попытаться защитить вас от кого угодно, но не от сына, ведь помимо магии у него есть поразительная способность, красть чужие сердца.

— С этим мне предоставьте справляться самой, — гордо заявила Дея. — У нас есть враг посерьезней Влада. Ваш сын сказал, Ихаиль захочет завершить начатое, когда прознает, что его план мести дал трещину. Не объясните мне, кстати, чем так насолил Багорт этому могущественному Веду с враждебного континента?

Вайес с минуту помолчал, обдумывая, стоит ли раскрывать столь долго хранимую тайну, но потом все же заговорил.

— Это началось очень давно, почти полвека назад. Нам грозила война с Лонгвином, и тогда Верховные Хранители Багорта посовещавшись, нашли решение. Они подумали, что если лишат Лонгвин их основной силы, которая заключалась в многочисленных кланах Ведов, то смогут если не предотвратить, то хотя бы оттянуть эту войну. Жители Лонгвина все еще не простили (в отличие от нас) ту кровавую бойню, что устроили Веды много веков назад, и всячески ущемляли права колдунов. Потому-то они там и жили в кланах, опасаясь перемещаться поодиночке. Мы же предложили им достойный их дару прием и места в совете. Многие согласились и перебрались тогда жить в Багорт, но не из клана перворожденного Веда Кариго. Из того клана ушла только его дочь, оставив своего мужа Ихаиля.

— Ихаиль муж Мориты? — воскликнула Дея.

Вайес посмотрел на ошарашенную Дею и его губ коснулась скорбная улыбка.

— Вы вправе знать всю историю, вы пострадали от этого соглашения с лонгвинскими Ведами не меньше прочих. Я расскажу вам, — проговорил Вайес. — Как я уже сказал, клан Кариго в Лонгвине покинула лишь его дочь. Ее действительно, как и обещалось ждал теплый прием, а спустя несколько лет и место в совете. Морита была натурой противоречивой, жрецы видел в ней отзывчивого, сострадательного к чужим бедам человека и сильную Веду, но был один человек, знавший и другие ее стороны.

— Это вы о себе?

— Да, — протянул Вайес, улыбаясь воспоминаниям. — Я был молод, мне шел тогда двадцать пятый год. Морита говорила, что полюбила меня за тягу к наукам, живой ум и невероятно проницательный взгляд, — он усмехнулся, посмотрев на Дею как-то по-новому, молодыми, лучистыми глазами. — Верховный Хранитель Мрамгора Казимир отличал меня и судя по тому как загружал работай, таская повсюду за собой, уже тогда готовил на свое место. Не смотря на то, что по меркам Ведов Морита была еще довольно молода, я казался ей слишком юным и все же на мое удивление притягательным. Она могла получить мою любовь с помощью ворожбы, но решила быть честна и добилась своего как обычная женщина, что впрочем, не составило для нее особого труда. Я был молод, не искушен и конечно искренне поражен симпатией северной красавицы, чьи драгоценные глаза затмевали разум и более опытных мужей.

Морита получила желаемое — я был поглощен той безудержной страстью, на которую способны только неиспорченные чрезмерным вниманием юнцы. Единственное, что омрачало мою любовь — это требование Мориты держать нашу связь в тайне. Необходимость скрываться удручала и ее саму, но отношения с простыми людьми у Ведов не приветствовались. Морита занимавшая высокое положение в совете, не хотела портить репутацию, выставляя напоказ женскую слабость даже тогда, когда на свет появился Влад.

Долгие пятнадцать лет прожила она со своим сыном в поместье, что ей преподнес за труды Верховный Хранитель Казимир, пока не случилась история, навсегда изменившая наши жизни.

В тот незапамятный год, когда она в тщетных попытках победить младенческий мор, перепробовала все известные ей способы и была уже готова сдаться, к ней пришел я (уже будучи

главой Мрамгора). Я попросил ее обратиться за советом к ее бывшим братьям. Она знала, что этот поступок может повлечь за собой определенные проблемы, но у нас не было выбора. Жрецы Багорта не сталкивались с такой напастью прежде, и не известно к чему могла привести наша неспособность предотвратить мор.

Так было принято решение, повлекшее за собой череду тяжких и разрушительных событий.

Все те годы, что Морита прожила в Багорте, оставленный Ихаиль ждал, когда ей, как и прежде понадобится его помощь. Он верил, что рано или поздно этот час настанет. И он настал. Но к этому времени сердце его уже было отравлено ненавистью. Он не долго думал, прежде чем откликнуться на зов Мориты, поняв, что это его шанс расквитаться и с бывшей женой и с самим Багортом так бесцеремонно отнявшем ее у него.

Он разыграл смирение пред судьбой, уверив Мориту, что рад ее благополучию и старательно изобразив участие, действительно нашел решение проблемы, в простом, но действенном методе; а именно в изготовлении зелья. Злосчастный цветок, которому было суждено уничтожить зажиточную деревню, в рецепт он ввел намеренно. Ихаиль знал, что растение, которое он собирался привести в Багорт, прекрасно приживется в наших землях и станет для Мрамгора настоящим проклятием. Он надеялся, что это заставит Мориту вернуться домой, так как багортцы никогда не простят ей того, что она навлекла на их столицу такую беду. Но он и не подозревал, что наши законы столь суровы. Мрамгор отделался потерей всего одной деревни, а дело его все еще любимой жены дошло до суда. Тогда-то ему и открылась тщательно хранимая ею тайна. Одним пасмурным, ранним утром, к нему пришел щуплый долговязый мальчуган с ее глазами, и попросил о помощи. Не смотря на сдержанность и холодность парня, от Ихаиля не укрылась его внутренняя кипучесть и противоречивый нрав, доставшейся по наследству от матери. «Ох, и напляшетесь вы с этаким кудесником», — сказал он тогда мне лично.

— Д-а-а-а, — протянула Дея, — вы действительно не предотвратили войну, а всего лишь отложили на время. А еще настроили против себя не только правителей Лонгвина, но и их Ведов.

— А Влад поспособствовал тому, чтобы вновь ее развязать, — с горечью добавил Вайес.

— Бросьте вы! Я не хочу оправдывать Влада, то что он сделал — чудовищно, но Ихаиль просто воспользовался удачно подвернувшимся случаем, чтобы навредить ненавистному

континенту. Неужели вы думаете, что не встреть он тогда вашего сына, то не придумал бы чего похуже?

— Да вы правы, — задумчиво протянул Вайес, — и Влад прав — Ихаиль вернется.

— И мы должны встретить его вместе.

— Что вы намерены с ним сделать, если удастся его поймать?

— Вы знаете, у меня не так много карательных приемов.

Вайес согласно покивал, а потом заговорил сам с собой.

— Да, история постоянно повторяется…

— Но ведь мы уже знаем, к чему приводят те или иные поступки, а значит, можем попытаться все исправить, предотвратить опасность, — неуверенно проговорила Дея.

— К сожалению, не все, — печально изрек Вайес, — иначе истории не повторялись бы. Человека мы исправить не можем, не в одночасье.

Они замолчали, погружаясь в невеселые думы, а когда Вайес встал, собираясь уходить, Дея обратилась к нему с мучавшим ее вопросом.

— Почему он не обменял меня на мать? Ведь на деле его интерес ко мне, оказался исключительно практическим.

— Когда он вас похищал, ослепляющая ненависть и жажда мести застилали ему глаза, придавая решимости. Но закончить начатое по истечению столь долгого времени, смотря при этом в глаза невинной жертве, обрекаемой на страдания — совсем другое дело.

— Влад не из тех людей, что останавливается на середине пути.

— Да это так, и будь на вашем месте кто-нибудь другой, он вряд ли бы остановился. Но я подозреваю, что он жестоко наказан за свою ошибку юности любовью к вам.

Не в силах больше сдерживаться, Дея вскричала:

— Почему же тогда он выбрал Родмилу?

— С ней ему проще, — предположил Вайес.

— Чем же сложна была для него я?

— Думаю дело не только в вас самой, просто он отвык от столь сильных переживаний. Ему с вами не забыться. Для него быть влюбленным, все равно, что остаться без кожи. Сама Морита считала, что ее мальчик, способный на безоглядную любовь, умер. Если вы и смогли вернуть ту страстность и горячность, что была в нем восемнадцать лет назад, то эта необузданность, скорее всего снова убьет его.

Вайес протяжно посмотрел в лицо растерянной девушки, а потом подошел и по-отечески обнял.

— Я не в праве вам ничего советовать, моя дорогая, потому

что и сам не знаю, как быть с Владом. Иногда мне кажется, что я с легкостью справился бы с остальными четырьмя замками Багорта, свались они на мою голову, нежели с собственным сыном.

Когда Вайес ушел, Дея вспомнила, что совсем позабыла спросить его о Яне и попросить помощи в устроительстве праздника. Ну что ж, придется завтра прогуляться в замок, решила она, отправляясь в постель.

Чего хочет женщина

Вот уже третий час к ряду Ян гонял замученного Сеслава по площадке, обрушивая на того беспорядочные удары меча. Сеслав неплохо владел оружием, к тому же был ловким, быстрым и выносливым, но даже несмотря на все эти достоинства, он изрядно измотался и стал пропускать удары. В Яна же, казалось, вселилось сто буйволов, он носился по площадке с ошалевшими глазами и, не зная усталости, наносил один удар за другим, уже переставая помнить о том, что бой тренировочный. Когда он чуть было не оттяпал другу руку, навалившись на него всем своим не дюжим весом, парень не выдержал и вдарил вопреки правилам, напарнику по морде.

— Слушай, Ян, — возмутился он, — если у тебя что-то случилось, лучше отправиться в «Пьяного быка» и поговорить по душам, а не бестолково махать мечем, пытаясь зарубить лучшего друга.

— Извини, — буркнул тот, отшвыривая меч в сторону, — я и правда не совсем в порядке.

Сеслав поднял меч друга и, вдев его в ножны, повел Яна в город. Когда ребята вышли на тракт, до их слуха донеслись голоса, которые Ян тут же узнал. Поспешив в сторону говоривших, он замер, пораженный увиденным. Всегда спокойная и сдержанная Дея, кидалась на ненавистного Веда как заправский боксер. Повалив его на землю, она нещадно колотила своими маленькими кулачками по тощей груди Влада. Тот же стоически принимал удары, даже не пытаясь защищаться.

Ян не знал, чем могла обернуться вся эта история если бы не Сеслав, который оттащил его за ближайший кустарник и наказал сидеть тихо и не высовываться. Кусты были довольно далеко и Ян не мог расслышать, о чем конкретно говорили Вед и его подруга, но судя по интонациям, разговор был не из приятных. Наконец, послышался знакомый свист, а за ним и топот удаляющихся копыт. Ян дернулся с места.

— Стой, не ходи, — попросил Сеслав, видя высокую фигуру в черном, стоящую к ним спиной и смотрящую на удаляющуюся девушку. — Пусть он уйдет.

— Почему?

Сеслав покачал головой, поражаясь несообразительности друга.

— Великого и могучего Влада только что побила девчонка! Да это же позор! Ты только представь, как он на тебя озлобиться, если узнает, что ты был свидетелем этой красочной сцены.

— Плевать! Ты сиди тут, а я все-таки выясню, что здесь за мексиканские страсти бушуют.

С этими словами Ян решительной походкой направился в сторону Влада, по-прежнему стоящего к нему спиной.

Заслышав шаги, тот обернулся и бросил брезгливый взгляд на парня.

— Что у вас тут произошло? — требовательно спросил Ян.

— Да так, — лениво ответил Влад, — повздорили. Не беда, милые бранятся — только тешатся.

Ян почувствовал, как в нем все наливается злостью.

— Дея знает о твоих шашнях с Родмилой. Вряд ли она может считать тебя милым.

— Думаешь, изучил ее как самого себя?

— Я знаю Дею лучше, чем она сама себя знает. А, что о ней известно тебе, кроме того, что ты видишь глазами!

— А ну конечно! Такого высокодуховного парня как ты привлекли в ней не раскосые глаза и пышные локоны. И уж конечно не очаровательный изгиб тонких ножек, так похожий на символ, олицетворяющий все неизвестное. Тебе на ее нежные прелести вообще плевать. Только неистово бьющееся сердце, под шнурованным лифом интересует благородного Яна.

В ушах у парня зазвенело, а солнце, казалось, стало жарить с десятикратной силой. Он хотел схватить этого холеного выскочку за грудки и разбить его точеную физиономию, собственным лбом.

Откуда, откуда он мог знать, об этом женственном изгибе Деиных ножек, что и впрямь походили на пресловутую букву «х». Этот ее крошечный изъян, как и все прочие он, будучи влюбленным, воспринимать как очаровательные и даже пикантные особенности. Эти самые несовершенные совершенства так тщательно собираемые им, служили доказательством того, что она не эфемерное сказочное видение, а живая и настоящая. И эти детали всегда принадлежали ему и только ему! А теперь он чувствовал себя обкраденным. У него похитили его тайное сокровище. Деин образ, вызываемый в памяти долгими бессонными ночами, теперь принадлежал еще кому-то.

Пока Ян примерялся, с какой стороны вдарить по физиономии Веда, тот изучающе взирал на парня, готового взорваться в приступе ревности. По его непроницаемому лицу нельзя было определить, доволен ли он выходкой? И хоть Ян не верил, что всегда холодный и сдержанный Влад, может испытывать какие-то эмоции, сейчас он страстно надеялся, что Дея заставит этого ледышку испытать весь спектр малоприятных чувств.

Наконец, игра в гляделки закончилась и одарив Яна прощальной, презрительной улыбкой Влад развернулся, подзывая своего коня, но в этот момент, Ян схватил его за шиворот и резко развернув, впечатал-таки свой увесистый кулачище прямо в тонкий нос Веда.

По лицу удивленного Влада потекла кровь, и глаза налились неприкрытой ненавистью. На кончиках пальцев замерцало белое свечение, и еще до того как он успел выкинуть вперед руку, Ян отлетел к кустам, с треском приземляясь на своего притихшего друга.

Влад подошел к распластавшемся на земле парням и, склонившись над Яном, прошипел в самое ухо.

— Она никогда не будет с тобой. Твои старания заполучить ее, походят на жалкие попытки овладеть молнией.

— Ну конечно, девушка гроза подвластна только Веду, — саркастически бросил Ян.

— Гроза неподвластна никому.

— А что твои коварные приворотные чары? На нее они не действуют? — желчно выпалил Ян.

— Я и не пытался их использовать, наша борьба была честной. Я даже дал тебе фору, — Вед горестно улыбнулся и пошел прочь, утирая с лица кровь.

— Тьма знает, что такое, Ян! — возмущался Сеслав, поднимаясь с земли и отряхивая запачканную куртку. — Ты хоть представляешь, какого врага мы с тобой сейчас нажили?

— Не хочу тебя расстраивать, но я нажил его еще на турнире?

— Извини, друг, но ваши сердечные дела — это ваши дела, а теперь он еще и на меня обозлиться.

— На тебя-то за, что?

— Да хотя бы за то, что был свидетелем ваших разборок!

— Да брось, Сеслав, он тебя и не заметил даже, — успокаивал друга Ян. — Видал как его трясло от злости? А я то думал, что он и впрямь мраморный. Ну, задаст ему моя подруженька! — азартно потирая руки, воскликнул довольный Ян. — Что же у них там все-таки произошло? Никогда не видел Дею в таком бешенстве.

Вся эта встряска удивительным образом подняла молодому Сагорту настроение. Ян не был склонен копаться в причинах событий, что творились вокруг него, а потому не стал допытываться о глубинных смыслах происходящего и сейчас. Его подруга обругала и поколотила ненавистного ему Веда, и это обстоятельство сейчас грело ему душу, одаривая призрачными надеждами. Подхватив свой меч, он встряхнул Сеслава и направился вместе с ним бодрым шагом в «Пьяного быка»

В трактире ребята изрядно надрались. Как Ян вернулся

к себе, он помнил весьма смутно, благо никаких происшествий сегодня не было, и его никто не корил за незапланированный выходной. Хотя когда они вечером наткнулись на Вайеса и тот, завидев, подпирающих друг дружку ребят, пробирающихся в замок с бокового входа, спросил по какому поводу банкет, Ян думал, что нагоняя не избежать. Но пьяненький Сеслав объяснил Вайесу, что мол, его друг сегодня подрался с Владом. Тогда глава Мрамгора потребовал объяснений, которые незамедлительно и получил. А узнав, что Влад и Дея были сегодня утром недалеко от замка, да еще и повздорили, он не говоря ни слова, припустил к себе (надо отметить довольно бодро для свои лет).

Пока Вайес взлетал по мраморной лестнице, поддерживая полы своей накидки, Ян смотрел ему в след и понимал, что что происходит нечто очень важное. Правда эта здравая мысль растворилась в его нетрезвой голове, как только глава Мрамгора скрылся за поворотом. И когда Ян добрался до своих комнат, он уже забыл о столкновении с Вайесом, и думал только о том, как не промазать мимо кровати. Не без труда добравшись нее, он улегся, погружаясь в богатырский, расхрапистый сон. Сеслав приземлился на диване в каминной и, последовав примеру друга, тут же отключился.

Но сон любителей пива чуток и краток, а потому ребята проснулись, как только рассвело. До завтрака было еще далеко и они пошли, а точнее поплелись, в хозяйственную часть замка в поисках живительной влаги. Отыскав бочку с дождевой водой, друзья напились и, чувствуя, что больше не в силах передвигаться, пали жертвами физического недомогания подле нее.

Ян понял, что задремал, когда вокруг них началась кокая-то суета. Разлепив припухшие глаза, он увидел с десяток мужиков, суетящихся над огромной телегой, в которую они скидывали различный инвентарь, в основном пилы и топоры.

Он растолкал Сеслава.

— Эй, — обратился он к полусонному другу, — как думаешь это подготовка крестьянского восстания?

— Дурак ты, это просто лесорубы, — отозвался Сеслав зевая.

— На кой леший их так много-то?

— Поди, да спроси, — недовольно отозвался парень и, перевернувшись на другой бок, тут же снова впал в дрему.

Ян пошел разузнать, что тут затевается, и оказалось, в замке сама Белая Госпожа. Пришла просить у Вайеса с десяток лесорубов, чтобы помогли соорудить кострища к празднику. Сейчас, мол, они соберутся и отправятся в Синий лес. Вайес им за эту работу по пять серебряников обещал.

Узнав, что Дея в замке, Ян сломя голову побежал в свои комнаты. Приняв ледяную ванную и быстро приведя себя в порядок, он направился к Вайесу в надежде застать ее там. Ян рассчитывал, что в присутствии Верховного Хранителя она не станет набрасываться на него с кулаками, а если ему и достанется, то гораздо меньше чем Владу.

Но ни Деи, ни Вайеса в кабинете не оказалось. Тогда Ян побежал в конюшни, решив, что Дея прискакала на кобыле и если она еще не уехала, у него есть шанс увидеть ее там.

Дорена меланхолично жевала отборное сено, стоя в загончике. Удовлетворенный своим маневром парень вышел на свежий воздух, чувствуя новый приступ дурноты. Он решил подождать подругу неподалеку от конюшен в тени вязов, но не успел и как следует расположиться под раскидистыми деревцами, как за поворотом показалась знакомая фигура в светлом платье и жемчужном плаще, волшебно переливающимся на солнце.

Очертания ее перламутрово-огненной красоты растворялось в солнечных лучах, вся она будто светилась и ослепленный Ян зажмурился. В голове тут же всплыли воспоминания — горячие жадные губы, ее дрожащее тело и требовательные руки. Ян напрягся не в силах справиться с накатившим желанием. Он поднялся на ноги, закутываясь в плащ, словно ограждая себя от воздействия Деиных чар.

— Привет, Ян, — проговорила она приближаясь.

— Привет, — Ян покраснел и вдруг понял, что совершенно не представляет, что сказать.

— Ты меня ждешь?

— Да, я узнал, что тебе нужна помощь в устроительстве праздника, — нашелся он. — Вот решил, что могу тебе пригодиться.

К величайшему удивлению Яна, его драгоценная подруга взяла его под руку и пошла вместе с ним к конюшням.

— Мне просто-напросто нужны лесорубы, — говорила она по дороге, — думаю тех, что отобрал для меня Вайес, будет достаточно. Ты же более ценный работник, — она улыбнулась ему своей самой мягкой из улыбок, — твое место в замке, а им придется прожить у меня несколько дней, оборудуя площадку для гуляний. Ты придешь на них?

— Конечно, конечно, приду, — он запнулся, — Дея, я хотел тебе сказать… Я… В общем, то, что было там у реки…

— Не надо, Ян, — остановила его девушка, поворачиваясь лицом.

— Нет, Дея, надо, — настоял Ян. — Я должен быть честен

с тобой. Ты была права когда говорила, что как раньше уже не будет. Я люблю тебя, Дея, и мне всегда будет мало просто дружбы с тобой, — он сглотнул, опуская глаза. — Особенно теперь, когда я знаю какая ты.

— Я знаю, Ян, знаю, — печально прошептала она, — извини.

— Ты не можешь просить прощения за то, что вызываешь любовь. Я соглашусь на что угодно, стану твоей тенью, следующей по пятам. Я даже готов принять твою нелюбовь! Моих чувств, хватит на нас обоих, только позволь мне быть рядом, позволь касаться тебя, не таясь, — проговорил он задыхаясь и потянулся к ней, прижимая к себе.

Он уткнулся в ее плече, закрывая глаза и вдыхая ее дурманящий запах. Дея же замерла, а потом он уловил ее сбивающееся дыхание.

— Ян, — послышался ее тихий молящий голос, — не надо, прошу. Мы можем совершить самую роковую ошибку, — проговорила она отстраняясь.

— Да плевать мне! — вскричал он, — к чему сопротивляться, ели ты хочешь того же! Я же чувствую тебя, Дея, — он подошел к ней и приложил ладонь к ее груди, — я слышу твое дыхание, я вижу желание в твоих глазах, я помню, как это было, Дея. Ты не уйдешь от себя, так зачем же мучить нас обоих?

— Боюсь, ты ошибаешься, Ян, — сказала она печально, — наши желания не так уж и схожи, — она потупила взгляд и направилась в стойло к своей кобыле.

Она уехала не попрощавшись, а Ян так и застыл в дверях конюшни, безвольно прислонившись к косяку.

— Странный народ женщины, — раздался позади него знакомый старческий голос, — никогда не поймешь, что у них на уме.

Ян обернулся и недобро посмотрел на старика.

— Подслушиваешь?

— Нет, — спокойно ответил конюх, — вынужденно имею честь наблюдать ваши душевные томления. Если Господину так важно оставлять в тайне свои отношения с Госпожой, ему следует выбирать более укромные места для бесед.

Ян хотел огреть чем-нибудь увесистым наглого нравоучителя, спокойно взирающего на его страдания, но от рукоприкладства конюха спас пресловутый похмельный синдром, отнимающий у Яна последние силы. Зло глянув на старика, парень спотыкаясь, вышел на улицу. А в спину ему полетели слова конюха.

— Такой видный парень, Верховный Сагорт, покоритель небес, а боится девчонки. Да будь она хоть сотню раз Госпожа, от этого звания она девушкой быть не перестала, а значит хотеть

должна того же, чего и прочие.

— Откуда тебе знать, чего хочет Госпожа, ты — лапоть, — уже багровея от злости, рявкнул Ян, которого раздражало, что кто-то лезет к нему в душу.

— Я человек необразованный это правда, книжек умных не читал и многого не знаю. Однако, я не слепой и потому заметил, что ваша подруга с трудом держит себя в руках. Вам для того чтобы получить желаемое, всего-то и надо перестать сдерживать свою силу.

— Д-а-а-а, — протянул Ян, — Дея была права, называя тебя доморощенным философом.

— Жизнь у меня была длинная, и я не всегда был конюхом.

— И кем же ты был раньше?

— Это не важно, молодой Господин, — отмахнулся мужик, — вы бы послушали старика, вместо того чтобы злиться. Жаль мне вас глупышей, вы зеленые стучитесь лбами во все двери, не ведая, что ключи от них в вас же самих и спрятаны.

Ян решил пропустить оскорбления мимо ушей, памятуя, что Дея приняла однажды во внимание совет этого старика, так почему бы и ему не его выслушать. В конце концов, опыта с женщинами у него, пожалуй, было побольше чем у Яна.

— И как мне, по-твоему, покорить сердце красотки? — небрежным тоном спросил Ян.

— Да очень даже просто. В вас есть то, против чего ни одна барышня не устоит.

Ян только усмехнулся.

— Чего-то я не наблюдаю очереди из поклонниц.

— Не туда смотрите. Подозреваю, что кроме своей подруги вы ни на кого внимания и не обращали.

Ян залился краской, уже жалея, что не огрел чем-нибудь настырного деда, прежде чем он завладел его вниманием.

— Да вы не серчайте на старика, — постарался он смягчить Яна, завидев его тяжелый взгляд. — В вас есть мужество и сила, такая сила, от которой бабы млеют. Какой бы самодостаточной и независимой не была женщина, она жаждет, чтобы рядом был мужчина превосходящий ее во всем. Все они, пусть даже втайне от самих себя мечтают быть побежденными. Только вот кому попало они отдаваться не намерены. В покорности их наслаждение, но чтобы женщина пожелала стать вашей, простого влечения не достаточно. Они поразительно чувствительные создания и обмануть их чутье не в состоянии ни один лицедей. Женщины безошибочно чувствуют силу и вашу уверенность в своем праве обладать ею. Такого как вы, не сможет отвергнуть даже сама Госпожа Синего леса, когда вы, наконец, поймете, все,

что вам необходимо это осознавать, что вы имеете на нее право.

Ян вспомнил, что однажды у него была эта уверенность, и тогда он был близок к цели, но все оборвалось, когда он засомневался.

— С чего ты взял, что во мне есть эта сила и, что я смогу ей воспользоваться?

— В том, что вы сумеете воспользоваться ей, я не уверен, но что она в вас есть, я не сомневаюсь. — Немного помедлив, старик добавил, — человек убежденный в своей правоте, способен остановить любое противостояние лишь энергией убежденности. Это относиться абсолютно ко всему.

— Зачем ты все это мне говоришь?

— Не знаю, — честно признался старик, — может, просто хочу помочь. Мне показалось, она очень важна для вас. Вы достойный, хоть пока и глупый юноша и в вас есть все, чтобы заполучить даже такую как она.

Конюх как-то кисло улыбнулся и побрел обратно в конюшни, а Ян пришибленный проповедью так и остался стоять пялясь ему вслед.

«Может старый философ и прав, — подумал он, — вот подвернется случай, проверю его теорию». Только загвоздка была в том, что с некоторых пор Ян перестал быть уверен, что вправе обладать Деей. Лишь в момент накала страстей, он ощущал невероятный прилив какой-то безудержной энергии. В такие минуты он собой уже не управлял, эта сила вела его, заставляя делать такие вещи, на которые в здравом уме он бы ни за что не решился. Может об этом и говорил ему старик? Но если так, ему было необходимо подчинить эту дремлющую внутри него стихийную мощь, пока она бесконтрольная не натворила дел.

Окончательно добитый умственными потугами, Ян поплелся обратно к бочке с дождевой водой, в надежде отыскать там оставленного друга и вместе с ним отправиться в трапезную.

Глава 3
Праздник
Последней луны

Праздник последней луны

Приготовления к празднику шли полным ходом. Занимая главные позиции в Деиной голове, они дарили недолгую передышку от мыслей о Владе.

Лес постепенно преображался, там где проходили со своими топорами и пилами лесорубы, становилось легче дышать, в новообразовавшемся просторе зазвенел летний воздух, зажужжали и затрепыхались крохотные пархатели, привнося в эти отмирающие уже места суету жизни. Беспорядочно спутанные сухие ветви настырно цеплялись за здоровые кустарники и деревья, не желая сгинуть с лица земли. Они застилали почву не давая расти цветам, а поваленных и гниющих деревьев было столько, что во многих частях леса путнику практически некуда было ступить. Прежний удручающий вид запустения и разрухи, исчезал на глазах. Прошло только два дня, но вековым стволам уже стало вольнее дышать и они словно бы расступались, давая солнцу проходить сквозь неплотно смыкающиеся теперь кроны.

Дея заметила, что с того момента как она поселилась в лесу, зверей стало будто бы больше, или они просто переслали перемещаться исключительно тайными тропами и, наконец, вышли на свет, самозабвенно шурша в кустах, скача по ветвям и крадясь в кружевной тени деревьев. Такое преображение ласкало ее сердце, врачуя ноющие раны, а наблюдать за Озерными девами, готовящимися к празднику, было настоящим бальзамом нежно обволакивающим каждую трещинку ее души. Русалки вязали из водорослей тончайшие сарафаны, искусно вплетая в свои наряды жемчужины, мастерили из того же жемчуга невероятные узоры ожерелий и диадем. Они оказались поразительными искусницами, способными как никто другой, малыми средствами подчеркнуть свою прелесть.

И вот настал долгожданный момент — последний день праздником. Ка только он завершиться и солнце спрячется за горизонт, ее красавицы выйдут из вод Лад озера на стройных девичьих ножках, достанут свои арфы, свирели и варганы и пустятся в пляс, сверкая жемчугом и улыбками в сете костров. А спящий весь гот водяной, проснется и забьет в свой барабан, сотрясая землю и приводя все озеро в движение.

Проснулась в этот День Дея поздно. «Выспись хорошенько, Госпожа, так как ночь тебя ждет непростая», — наказали ей русалки. Встав, далеко за полдень, Дея тут же направилась к озеру, проверять работу дровосеков. Бревна для костров уже были сложены на главной поляне, а ко все этому плотники

соорудили и несколько арок, которые полагалось украсить цветочными гирляндами. Божена помниться, говорила про ритуал для новобрачных. Им следовало заходить в воду через такую арку, и если парень продержится под водой нужное время, то и выходить через нее.

Озерные девы расселись на берегу и шумно переговариваясь, плели себе косы, укладывая их в замысловатые прически, некоторые, правда, предпочли оставить волосы ниспадающими на плечи. Дея увидела среди них Божену колдующую над прической Омеллы.

— Госпожа, — позвала старшая из дев, — нам нужны цветы. Тех, что растут здесь, на гирлянды не хватит, к тому ж не хотелось бы разорять место, где будет проходить праздник. Ты принеси, а мы уж быстренько с ними справимся.

— Хорошо, — сказала Дея и свистнула Дорену, которая чудесным образом всегда паслась поблизости от нее.

За цветами она решила отправиться в несколько мест, чтобы гирлянды получились разнообразными. У ручья, где всегда паслись оставшиеся лани, Дея набрала семицветов и ромашек, с поляны у Отца леса, привезла синеглазок, диких лилий и колокольчиков, а на вершине кручи она добыла для своих сестер сам лик луны, который должен был вобрать в себя лунный свет и засиять в ночном мраке серебром. Этих драгоценных цветов Дея сорвала ровно столько, сколько было арок, по одному в центральный венец. Вернувшись, она отдала цветы русалкам, и те с жадностью набросились на них. Заработали тонкие пальчики, и вскоре Дея увидела десятки прекрасных гирлянд, которые ей предстояло развесить.

К обеду прикатило три телеги, доверху груженые разной снедью и бочками с элем и сидром. Плотники уже доколачивали последние столы и принялись тягать содержимое, расставляя его в случайном порядке. А к Деи тем временем подошел возница.

— Господин передает вам вот это, — сказал он, кланяясь и протягивая девушке сверток.

— Передай Господину мою благодарность и скажи, что я жду его сегодня на праздник, — потом она лучезарно улыбнулась и добавила. — Как и всех желающих насладиться нашим обществом.

Возница засмущался и снова кланяясь, отбыл, громыхая пустыми телегами.

Развернув сверток, Дея только покачала головой, не в силах сдержать улыбки. В нем была жемчужная диадема — очередной подарок Вайеса. Дея повернулась к русалкам и приложила подарок к голове. Восторженный возглас дев не заставил себя

ждать. Все как одна нахваливали подарок, уверяя, что Госпожа будет прекрасна в платье из водорослей и своих украшениях. Дея пыталась деликатно отказаться от этого щедрого подарка, но русалки убедили ее, что в таком платье ей будет гораздо комфортнее постоянно спускаться с ними под воду.

— Представь, во что превратиться твой шелковый наряд, когда ты выйдешь на поверхность, — убеждали ее сестры.

И в памяти услужливо всплыл ее первый проход через водную преграду замка. Пришлось согласиться. А чтобы волосы не свисали мокрыми сосульками, их ей тоже заплели в сложную прическу из множества косичек. Таким образом, от своих подопечных Госпожа Синего леса отличалась только плащом хранителя, да царственной диадемой.

Но вот все приготовления подошли к концу. Нарядные русалки до времени притаились под водой, животные стянулись к озеру и сомкнулись плотным кольцом вокруг него, четыре дровосека ждали подле сложенных бревен, готовые поджечь их по команде Госпожи, а сама Дея в облачении Хранителя и сопровождаемая серебристой ланью стояла на широком плоту в центре озера, усеянного дикими лилиями. Луна пряталась в облаках и единственным источником света в лесу сейчас были солнвейсы, которые бережно хранили последние дни накопленный свет, чтобы подарить его гостям на праздник Последней луны.

До полуночи оставалось полчаса. Дея замерла на своем посту в напряжении, пока не показались точки света вдалеке — это шли первые гости, освещая себе путь кристаллами. Первопроходцы еще не достигли своей цели, а лес уже полнился вереницами светящихся маячков. Они как пунктиры оповещали жителей леса, с какой стороны идут люди, а шли они уже отовсюду, стекаясь к мерцающей водной глади.

Полночь приближалась. Лес замер в нетерпении, ни ветерка, ни шуршания не было слышно в этом напряженном ожидании. И вот когда у берега скопилось уже достаточно народу, из-под водной толщи грянул барабан водяного, извещая о полуночи. Он сотрясал воды так, что Дея с трудом удерживала равновесие на своем плоту, но все же смогла совершить ритуал. Воздев руки к небу, она прокричала:

— Покажи нам свой лик, хозяйка ночных небес! Одари своих детей благословенным светом и пусть исполнится воля твоя!

Воды снова сотряслись от барабанной дроби и облака стали медленно расступаться, постепенно открывая полный диск луны. Когда она показалась целиком, все озеро замерцало сказочным блеском — усеянное жемчугом дно, отражало лунный свет,

придавая поверхности вод зеркальный блеск.

Ни прошло и пяти минут как из воды повылуплялись головки Озерных дев, подплывающих к своей Госпоже и устремляющих ее к берегу. Дея подала знак дровосекам, и они стали поджигать облитые маслом поленья. Те вспыхивали, разнося по берегу жар и красноватый свет, а когда костры разгорелись на берег уже вышла и сама Госпожа Синего леса.

— Мы приветствуем вас на нашем празднике Последней луны! — обратилась Дея к разинувшей рты толпе, в которой преобладали мужчины. — Благодарим, что вы откликнулись. Да начнется же празднество! — Дея вскинула руки и к берегу стали подплывать ее сестры.

Женственные и легкие, грациозные и лучащиеся счастьем, они выходили в своих ажурных, полупрозрачных платьях. Одни шли налегке, другие несли в руках музыкальные инструменты. Когда все они покинули озеро, из-под воды снова послышались удары, но на сей раз это была не короткая барабанная дробь, а ритм, который тут же поддержали русалки. Помпезная и распространяющаяся на многие версты музыка зазвучала как гром.

Те русалки, что были налегке сорвались с места и пустились в безудержный пляс, рисуя своими мелькающими силуэтами завораживающий, пришедший из самих недр сказ о чуде. Они сходились и расходились, образовывая немыслимой сложности фигуры, кружились и порхали тенями на фоне возвышающихся костров. Гибкие, плавные и околдовывающие, они притягивали взгляды, манили, чаровали.

Вскоре не осталось ни одного праздно шатающегося человека, все были поглощены весельем, в котором Озерные девы знали толк. Они звонко смеялись и манили белоснежными ручками, кружили молодых и теряющих головы парней в танце и пели. Пели они много и сладостно, от их голосов замирало сердце, хотелось слушать их бесконечно. Даже самой Деи показалось, что сегодня они поют особенно проникновенно.

— Вы вдохнули в них жизнь, — послышался за спиной Деи голос Вайеса. — Я никогда прежде не видел их такими. Ваша сила передается и им. Боюсь скоро у нас не останется женихов для обычных девушек, все захотят себе в жены Озерную деву, — Вайес рассмеялся, впервые с того дня, когда был у Деи.

— Их осталось не так много, вы же видите, — сказала она, смотря на своих прелестниц, улыбаясь и утирая слезы умиления. — Они так счастливы.

— Да, и это ваша заслуга. Этот праздник никогда не был таким… м-м-м… грандиозным.

— Ну, это-то как раз ваша заслуга. Я не смогла бы организовать такое угощение. Мы, наверное, разорили замковые погреба.

— Нет, что вы, — отмахнулся Вайес, — я заказал все это у фермеров заранее, так что и наши закрома не разорены и они в накладе не остались.

— Благодарю вас, Вайес, за все это, — она обвела рукой столы усеянные яствами, — и за это, — добавила она, проводя рукой по диадеме.

— Глупости, вы подарили мне жизнь сына, я перед вами в неоплатном долгу.

При упоминании о Владе Дея потупилась. Что с ней будет, когда суета празднеств закончиться, и она снова увидит его? Как отреагирует ее сердце, прикажет снова накинуться с кулаками или опять начнет таять как сливочное масло на солнце?

От этих мыслей ее оторвало видение — светлая точка, промелькнувшая в небе и спрятавшаяся в макушках деревьев. Через минуту Дея поняла, что это не видение — это Маюн приближается к Лад озеру. Завидев Страж-птицу, толпа расступилась, давая возможность Верховному Сагорту приземлиться. Любимец публики как всегда эффектно прибыл на мероприятие. Облаченный в церемониальный плащ и традиционный костюм Сагорта, Ян спрыгнул с Маюн и, неся в руках что-то трепещуще-алое, направился к Деи.

— Ты немного опоздал, мой друг, — укорил его Вайес. — Начало было фееричным.

— Да, и я проклинаю себя за то, что припустил его, но я искал это. — Он протянул Деи алый цветок и, приземляясь на одно колено, добавил, — прими его, Госпожа моего сердца.

— Что это? — удивилась Дея, принимая подарок.

— Да это же пасть дракона, — воскликнул Вайес. — Где ты его добыл?

— За сотню верст отсюда. Я прознал, что у подножья кровавой горы они еще сохранились и решил, что если мне удастся сорвать хотя бы один, у Деи появиться настоящая флористическая пиранья.

— Как ты отбился от зверюг, что охраняют их?

— Мне друг помог, — отозвался Ян, подзывая Сеслава.

— Да вы можете мне объяснить, что это за пасть дракона такая? — не выдержала Дея.

— О-о-о, — начал объяснять Вайес. — Пасть дракона — это самый хищный цветок. Его алая красота обманчива, стоит к нему приблизиться, и он слопает тебя, словно мошку какую. Эти красавицы достигают до аршина в диаметре и с легкостью могут

заглотить человека. Им достаточно сомкнуть свои лепестки хотя бы вокруг твоей руки и выпустить сильнодействующий яд. Жертва засыпает, и пасть дракона заглатывает ее целиком. Она не разомкнет лепестков, пока не переварит ее полностью. Но он плохо приживаются, поэтому советую посадить его немедленно.

— Вы считаете? — с сомнением спросила Дея.

— Безусловно, — уверял Вайес. — Ян и его друг рисковали жизнью, добывая это сокровище. Кровавая гора — место мрачное и безлюдное, кишащее чудовищными ящерами, которые не подпускают никого к своим драгоценностям, да и сам цветок как вы поняли не безобиден.

— Как же ты его сорвал, Ян?

— Разузнал способ, — уклончиво ответил тот. — Но этот еще пока детеныш, питается мелкими зверями.

— Подождите-ка, вы предлагаете посадить хищный цветок, который будет питаться моими животными? — недоумевала Дея.

— Ты же Хранитель этого леса, цветок будет служить тебе. Прикажешь, и он твоих зверенышей не тронет. К тому ж он обычно питается солнечным светом, а хищничает, только если опасность почует. В общем, для твоего леса он не опасен, а вот тому, кто задумает ему навредить, он принесет смерть. Разом всех браконьеров спугнет. Вот увидишь — пообещал воодушевленный Ян.

— Он совершенно прав, моя дорогая, — поддержал парня Вайес. — Вам абсолютно нечего бояться.

— Где же мне его посадить? — задумалась Дея.

— Около дома своего посади, — предложил Ян.

— Нет, мне там вряд ли грозит опасность, а вот девочкам мином лишняя защита не повредит. Здесь и посажу, пусть распыляется во все стороны, если он для мирных путников и впрямь не опасен.

— Нет, не опасен, — заверил Ян, и они отошли от празднующих. Чтобы не пугать раньше времени простой люд чудо цветком, посадили его подальше от тропы среди деревьев, но так чтобы ему хватало солнца.

— Когда праздничные ночи кончаться, можешь пересадить его поближе к озеру, — предложил Ян.

— Спасибо за подарок, — поблагодарила она.

— Дея, я для тебя не то что цветок, я саму кровавую гору по камешку перетащу, если потребуется.

— Не надо, Ян, — прошептала Дея, опуская глаза.

— Пойдем, не хочу, чтобы твои сестры подумали, что я похитил их Госпожу.

Они вернулись к празднующим, и навстречу Деи тут же

устремилась тонкая фигурка с развивающимися косичками, за ней шел темноволосый и хорошо знакомый Деи парень.

— Госпожа, — обратилась к ней девушка, склоняясь на одно колено, парень тут же последовал ее примеру. — Мы просим тебя, Госпожа, о благословении.

— Встань, Омелла, и ты, Сеслав, тоже, — попросила Дея. — Это честь для меня. Вы будете первой благословенной парой за семнадцать лет. Идемте же скорей, — проговорила она воодушевленно, устремляясь к аркам.

Завидев первую пару совершающую ритуал, арфистки, а за ними и другие музыканты смолкли. Омелла подвела Сеслава к кромке воды и успокаивающе погладила по руке. Дея и Ян следовали за ними.

— Боишься, — спросила Дея у парня.

— Нет, — ответил тот, смотря на Омеллу улыбаясь.

Улыбка это была сиянием беспредельного обожания и воскресила в памяти Деи холодный образ Влада, который по ее мнению, уже никогда не посмотрит на нее вот так: чисто, открыто, незатейливо-преданно.

Пара ступила в арку, держась за руки, и не успела Дея понять, что все происходит взаправду, как воды над их головами сомкнулись, оставляя лишь след их присутствия в мерном покачивании.

Послышалась барабанная дробь. Дея непроизвольно схватила Яна за руку и сжимала ее все сильнее, пока водяной отсчитывал время, будоража озерное дно и сердца всех присутствующих.

Наконец дробь смолкла. Лес и его гости сделали вдох, но не спешили с выдохом в ожидании чуда. Еще мгновение и из воды вынырнул Сеслав, жадно хватая ртом воздух, а следом за ним и Омелла.

— Получилось! Получилось! — орал радостный парень.

Пара вышла на берег и на них обрушилась ликующая толпа. Выкрикивали поздравления, рассыпались в комплементах перед Омеллой, восторгались смелостью Сеслава, желали долгих лет счастья и пополнения, в общем, всего того, что в таких случаях обычно желают. Парочка была на вершине счастья и прилюдно целовалась, дразня всех вокруг.

Дея смотрела на все это не скрывая слез радости. Столько стараний, сомнений и трудов, наконец, дали свои плоды. Люди пришли, они поверили, а теперь благодаря этим молодым появятся и другие смельчаки. А к концу недели ее лес наводнят толпы влюбленных юнцов, и ее Озерные девы, наконец, сменят свои заунывные, полные печали песни на томные и блаженные. Берег как прежде будет заставлен лодочками, на которых

счастливые влюбленные будут кататься, до прихода новой луны.

Дея вскинула руки, призывая всех к тишине.

— Сеслав! — обратилась она к Сагорту. — Ты показал свою отвагу и доказал любовь. Я признаю тебя достойным моей Озерной девы. Подойдите, мои дорогие, если желаете получить благословение, — проговорила она, протягивая к ним свои руки.

Омелла бросилась к своей госпоже, Сеслав не отставал, и Дея обняв их обоих, подтолкнула к воде. Как только все трое спустились в низ, зазвучал гимн Синего леса, величественный и грозный. Омелла поспешно увлекла своего жениха на дно, а Дея вытащила из волос ленту и, связав ею запястья молодых, вложила каждому по жемчужине, которые они потом повесят друг другу на шею.

Церемония длилась не долго, и когда новоблагословенные вынырнули, гимн все еще играл. Они дослушали его стоя в арке и держась за руки. Чистые, нежные, влюбленные. Сеслав взял жену на руки и, усадив на своего волка, умчался с нею в глушь леса.

Гуляли до восхода солнца, сидя под конец у догорающего костра, пьяные и утомленные, но невероятно счастливые. В эту первую ночь было еще трое смельчаков, что решились нырнуть, а одна из пар даже попросила о благословении. Дею поразила такая поспешность, но отказать она не могла, потому что просящей оказалась Лея.

Повинуясь всеобщему разгульному настроению, горожане и жители ближайших деревень спешили в лес, чтобы приобщиться к гуляниям. Разговоры о заводных и даже разнузданных танцах русалок, небывалом размахе праздника, угощениях и волшебном украшении леса, расходились со скоростью света, и это привлекало не только отъявленных романтиков, но и любопытных девиц, наслышанных о способностях Озерных дев обольщать с первого взгляда. Привлек праздник и уже знакомую Деи молодую торговку.

Шла третья ночь гуляний. Хранительница стояла на возвышении, что устроили ей плотники, чтобы она могла лучше наблюдать за тем, как проходит действо. Ян улетел на еженощную разведку уже почти два часа назад и должен был давно вернуться. Дея из последних сил отгоняла назойливое, тревожное чувство, готовое лишить ее самообладания, когда, наконец, увидела в толпе знакомую фигуру.

Он шел своей выдающейся походкой, будто гвозди сапогами заколачивал, высокий, могучий, прямой как копье. Рядом семенила Ждана в своих белых кудряшках. Она, что-то щебетала, пытаясь дотянуться до его уха, а Ян слегка наклонял к ней

голову.

Дея была так поглощена зрелищем, что не заметила, как на возвышение взошла Лея, подходя к ней со спины.

— Госпожа, ты должна смериться с тем, что он уже не мальчик, да и ты отнюдь не ребенок, — раздался за ее спиной хрипловатый голос Озерной девы. — Она милая девушка и по правде сказать, подходит ему. Но ей никогда не занять в его сердце твоего места. Ты должна понимать, придет время, когда все-таки нужно будет сделать выбор — дать ему желаемое или отпустить.

Дея медленно развернулась к Лее.

— Я начинаю это понимать, — с грустью прошептала она и стала спускаться.

На целую неделю город вместе с его окрестностями будто бы сошел с ума. Большая часть людей спала днем. Одни потому что всю ночь гуляли, другие потому что не могли уснуть. Доносящийся из-под воды барабан водяного был слышен на многие версты в округе. С каждым днем, желающих побывать на гуляньях становилось все больше, и к четвертой ночи празднующие перестали умещаться на приозерных полянах. Они приносили с собой вино и фрукты, пытаясь усластить разборчивых русалок, играли им на домрах и гуслях, пели баллады и даже сражались на мечах за сердца подводных чаровниц. Дея только успевала вязать ленты на руки молодым, а Ян и Маюн каждую ночь присутствовали на празднике, следя за порядком. К концу недели сушняка в лесу осталось ровно столько, сколько могло понадобиться путникам для костров. Все дороги и тропы были расчищены, в водоемах свободно побежала вода, не находя более препятствий в виде полусгнивших бревен. Все вокруг радовало глаз.

Лес, как и город спутал день с ночью, до шести, а то и восьми вечера царила умиротворяющая, сонная тишина — лес дремал. Пробудившись, начинали готовиться к очередному гулянию, плести цветочные гирлянды и косы, складывать костры и накрывать столы.

С каждой ночью настроения праздника все больше менялось. От залихватского первобытного задора уже не осталось и следа, гуляния становились тихими и лиричными. Общие веселые танцы со сменой партнеров, заменили трогательные парные кружения, все чаще можно было встретить не шумные компании пьяненьких молодцев, а мерно прогуливающиеся парочки, которые разбредались по всему лесу.

Солнвейсы исправно делали свою работу, погружая ночные чащи в теплое золотое свечение, а мягкий мох принимал

утомившийся молодых, ушедших далеко от костров. Романтическая атмосфера, царившая в Деином лесу, передавалась всем и каждому. Даже две осины, что росли подле домика Госпожи, переплелись ветвями и стояли будто обнявшись. Сопротивляться этому массовому помешательству не было никаких сил, все искали любви, а находя, отдавались ей без остатка.

Непреодолимая сила

Вот уже четыре ночи Ян проводил рядом с Деей, они с Маюн на время праздников поселились в лесу. Вайес сделал Яну и Сеславу настоящий подарок, отправив их следить за порядком в сам лес.

Дея отдала в распоряжение друга свой диван в гостиной, и хотя он и был для него маловат, Ян не жаловался. Он старался не оставлять подругу одну надолго. Впрочем, за эти пять дней и четыре ночи она ни на минуту одна и не оставалась. Но Яна тревожили не внезапные вторжения или приход Ихаиля, он опасался Влада.

«Кто его психа знает, — думал он, — заявиться еще и, воспользовавшись общим амурным настроением, запудрит Деи голову своими вычурными манерами. Расфуфыренный хлыщ!»

Почему Ян считал Влада расфуфыренным хлыщем, он и сам не знал, наверное, тут сыграла свою роль неординарная внешность Веда. Так или иначе, Яна в сопернике раздражало буквально все, а в особенности то, что им увлеклась его Дея. Он ловил себя на мысли, что всматриваясь в толпу, выискивает знакомую фигуру в черном. Вместо того чтобы высматривать потенциальных дебоширов, он искал объект способный навредить лично ему.

Когда пятая ночь уже растворялась в забрезжившем утреннем свете, русалки приняли свой обычный облик, и гости практически разошлись, Ян узрел-таки на противоположном берегу темное пятно, ведовской накидки. Решив, что это оживают его страхи, он помотал головой и, выбросив ведение из головы, повел утомленную Дею к дому.

Сегодняшняя ночь получилась особенно трогательной. Хозяйке леса пришлось аж восемь раз спускаться под воду, чтобы провести ритуал и сейчас она шла и пересказывала Яну эти волнительные моменты.

Он понимал, что лучшей возможности заполучить Дею, ему может и не представиться. Осталось всего две ночи, после которых романтический флер начнет постепенно развеиваться. Дея снова погрузиться в свои рутинные обязанности Хранителя, его отзовут в замок и меж ними опять появиться отчужденность, мучающая его уже много недель.

Он колебался, боясь нарушить ту стройность и созвучность, что образовалась меж ними за эти пять ночей. Ему требовался подстегивающий стимул, и он возник, как боль после падения. Этот стимул стоял на вершине небольшого холма, что

возвышался за Деиным домом. Темная фигура Влада нечетко, но все же читалась в утреннем молочном марев. Он наблюдал.

Действовать. Немедленно, не раздумывая, пока она его не заметила, а там будь что будет, решил Ян и резко развернув Дею спиной к холму, обрушил на нее весь свой пыл.

Сначала ничего не произошло, девушка просто замерла в нерешительности. Правда, придя в себя, она попыталась высвободиться из объятий, но бросив короткий и требовательный взгляд на друга, увидела, что у того в глазах уже полыхает пурпурное солнце желания. То ли, это пламя перекинулось и на нее, то ли, пять лирических ночей сделали свое дело, а только отбивалась она уже как-то неубедительно, скорее по инерции.

Разгорячившейся Ян, смял своим решительным натиском ее слабую оборону. Он яростно целовал Дею, вжимаясь в ее тоненькое тело, будто хотел пройти сквозь него. Беспорядочно шарил руками по плащу в поисках лазейки, а когда его руки нащупали мягкий живот под тонким, прохладным платьем, его дыхание сорвалось на хрип.

Дея тоже дышала часто, порывисто, словно задыхалась от собственной агонии. Ее тонкие и ловкие пальцы нашли застежку плаща и когда он упал на землю, Яна охватила эйфория. Он подхватил ее на руки и чуть не бегом кинулся к дому.

Взлетев на второй этаж, он ногой открыл дверь в спальню и опустил свое сокровище на кровать. Переводя дыхание, Ян стал медленно расстегивать рубаху, затем шнуровку на кожаных штанах, мимоходом сбрасывая ботинки. Дея смирно лежала на постели, изучая его горящими, шальными глазами. Он стянул штаны и, оставшись в одной расстегнутой рубахе, приблизился к ней, касаясь тонкого вязаного одеяния. Она казалось, ждала с нетерпением этого прикосновения, тело ее дрогнуло и потянулось к Яну. Он же, не веря в реальность происходящего, осторожно и мучительно медленно провел ладонями по ее ногам, приподнимая подол.

— Ян… — прошептала Дея, когда он приподнял ее, чтобы снять подарок русалок.

Парень приложил палец к ее губам и опустил на кровать, подводя свои руки под ее поясницу. Она была словно куколка, хрупкая и тонкая спина Деи, целиком умещалась на его ладонях.

Ян уловил оттенок нерешительности в ее взгляде, но им уже полностью овладела уверенность в том, что Дея должна принадлежать именно ему. И он взял ее, взял, как ему казалось всю без остатка.

Сквозь собственное прерывистое дыхание он слышал ее

неровные стоны, потом она замерла, притихнув, а через несколько шумных ударов сердца, снова вскрикнула и обмякла.

Этот ее возглас и безвольность особенно взволновали Яна. Тот час и по его телу пробежала судорога, а голова упала на Деено плече.

Он не желал размыкать эту тесную, и казалось такую прочную связь, потому и пролежал без движения, уткнувшись в белое покатое плече, пахнущее костром и яблоками, пока не ощутил новый прилив желания.

Почувствовав, что тело Деи тоже напряглось, отзываясь на призыв, он снова заставил ее подчиниться своей воли. И снова был этот короткий возглас и эта волнующая слабость. А потом они просто лежали. Она смотрела на него припухшими затуманенными глазами, он расплетал навязанные русалками косички и гладил ее белый, мягкий живот. Они не говорили, просто смотрели и изучали друг друга с новой еще не знакомой им стороны.

Глава 5
Пламя высшего порядка

Пламя высшего порядка

Густые сумерки уже просочились в мрачное поместье Кариев, погружая комнату с красными обоями во мрак. Белеющая в призрачной темноте фигура пошевелились, свешивая с кровати ноги.

— Проснулась, наконец? — спросил Влад, стоявший у распахнутого окна.

— Если ты чего-то еще хотел, мог бы и разбудить, — пропел тонкий мелодичный голосок.

— Дура ты, Ула, — проговорил Вед, задумчиво глядя в окно.

Голая девица с излишне нарумяненным щеками обиженно уставилась на него.

— В тебе столько жизненной энергии, а ты так вульгарно ее растрачиваешь, — пояснил Влад, словно мог видеть лицо девушки. — Глупости это.

— Эти глупости сделали меня богатой и желанной для многих, очень многих. Даже ты вот не смог мне отказать.

— От тебя разве отвяжешься? — усмехнулся он.

Девица встала и, подойдя к нему, обвила свои умелые руки вокруг его бедер, но Влад брезгливо отбросил их.

— Достаточно, Ула, — огрызнулся он, — я не в настроении.

— Какой-то ты уж больно мрачный, Влад.

— Это мое перманентное состояние.

— Не-е-ет, мой сладенький, я тебя за десять лет не часто таким видела.

— Ты меня любым видишь не часто, слава твоей занятости.

Ула кокетливо поиграла с занавеской, прислоняясь к подоконнику.

— Расскажи мне о своей красотке, — попросила она. — Весь город только и говорит о том, что мраморный Влад ни с того ни с сего, решил выгораживать новую Хранительницу, которую народ за что-то невзлюбил, — она лукаво улыбнулась, а ее взгляд говорил, что от нее бесполезно прятаться. — Я уж думала, что мой единственный друг так и будет до скончания времен утолять голод с помощью этой трески!

— Трески? — Влад непроизвольно улыбнулся.

— Как еще назвать пресное тело этой добродетельной ведьмы.

Влад устало вздохнул.

— Ула, ты получила, что хотела?

Девушка закивала, растягивая сладострастный рот в широкой и довольной улыбке.

— А теперь будь другом, отстань.

— А твоя зазноба, видимо, моим мастерством похвастаться не может, — провоцировала девица, желающая, во что бы то ни стало выпытать интересующие ее подробности.

Влад покачал головой, понимая, что поддается на провокацию, но от Улы так просто отделаться было невозможно, и он это прекрасно знал. Она была его единственным другом среди людей. Еще в ученические годы, он заметил азарт и любовь к жизни в этой простой с виду крестьянской девки. Она хотела попробовать все, испытать себя на прочность, ее подстегивали амбиции, и он немного помог непоседливой девчушке встать на ноги. Просто дал ей денег, когда она осиротела. Девчонка купила себе приличное платье, повозку и чахлого конька, а затем уехала. Вернулась она через три года, в собственной коляске с запряженной в нее породистой тройкой.

Влад ничего не имел против ее профессии, каждый живет согласно своим талантам. Вот только у Улы их было гораздо больше, чем у простой крестьянской девчонки и Влада немного огорчало, что она их так бездарно использует.

— Твоим мастерством вообще мало кто может похвастаться, — ответил он, — Но в том то и разница между вами. Ты знаешь, как привлечь внимание, возбудить интерес, вызвать желание. Ты прикладываешь много усилий чтобы нравиться, старательно притягиваешь взгляды, очаровываешь, твое внимание никогда не дремлет, высматривая новую жертву, в то время как она, не прилагает вообще никаких усилий для того, чтобы заставлять думать о себе.

— Ну и зря, — хмыкнула Ула.

— Ее юная чувственность светиться пламенем высшего порядка, — с чувством произнес Влад, уставившись на луну. — Она не выпячивает этот свет, не стремиться демонстрировать себя всем и каждому. Лишние обожатели ей ни к чему. Она знает — тот, кто достоин коснуться этого пламени, итак разглядит в ней его отсветы, а точнее почувствует.

— Намекаешь, что я окружаю себя мусором?

Влад пожал плечами, подходя к постели и набрасывая халат.

— Ванная в твоем распоряжении, но только после меня.

— Ты уходишь?

— Да.

— Когда вернешься?

— Не знаю, но надеюсь, к этому моменту ты уже найдешь себе новую жертву.

— Какова она, Влад? — спросила девушка удаляющегося

Веда. — Какова на вкус? Она как… — Ула замолчала, встретив его темнеющий взгляд. — Ты не был с нею, — догадалась она.

— Не твое дело, — раздраженно выплюнул Влад.

Но девушка уже не могла остановиться.

— Она не заводит тебя или может, ты хочешь ее сердце, а не тело? В чем причина, Влад? Я точно не поверю, что ты боялся разочаровать ее. Кто угодно только не ты.

— Умила, — протянул Вед предупреждающим тоном и пальцы его заискрились, — если ты не уймешь свое любопытство, я оставлю тебя без ванны, не смотря на наше многолетнее знакомство!

— Ты боишься не ее, а себя, — не унималась приставучая подруга. — Боишься, что если сблизишься с ней, то уже точно не сможешь себя контролировать. Ты не хочешь брать ее тело, пока не завладеешь сердцем, — предположила Ула.

Влад не стал слушать дальше. Не говоря ни слова, он вышел из спальни, оставляя невыносимо любопытную девицу, самой разбираться в своих домыслах.

Как бы он не верил Умиле, ни разу не болтавшей о его его тайнах, а все же не мог рассказать, что единственную достойную его внимания девушку, он лишил всего, когда та была еще ребенком. А в довершении к этому еще и соединил ее с Яном, который теперь путается у него под ногами.

Влад уже начал жалеть, что вздумал вернуть парня обратно, хотя и понимал — его решение, вряд ли могло что-либо изменить, Ихаиль в любом случае вернул бы их обоих.

Размышляя над своей ироничной судьбой, он начинал представлять ее в образе ехидной старухи, чьи шаловливые руки сплели их троих в тугую косу. Как распутать это плетение, Влад не знал. Все что он мог — это подглядывать за самим собой через замочную скважину собственных фантазий. А несносный Ян тем временем все ближе и ближе подкрадывался к Деи, стремясь выкачать весь сок ее юности.

Вот уже несколько месяцев Влад находился в одурманивающем, мутном тумане собственных вожделений — чувств давно забытых, запрятанных в столь надежные и глубокие закрома его памяти, что казалось, они уже никогда не должны были его потревожь. Но они выбирались из своего длительного заточения, жадные и голодные, готовые сожрать его без остатка. И чем недоступней становился объект его желаний, тем настойчивей его донимали мысли о заполучении его любой ценой. Дея разбудила его демонов страсти, и теперь в его межреберном пространстве беспрестанно скребли их когтистые лапы.

Пять ночей он провел в ее лесу, наблюдая издалека, оставаясь не замеченным (почти незамеченным). Лес пропустил Влада, не проявив к нему никакого особого интереса, как в прочем и прежде. Это обстоятельство позволило ему надеяться на то, что Дея каким-то удивительным образом умудрилась скрыть от своих подопечных виновника всех их бед.

Почему она так поступила, Влад не знал, но полагал, что не только особое отношение Госпожи к его скромной персоне подвигло ее на такую скрытность. Было здесь что-то еще, не могло не быть, не так проста его избранница, чтобы руководствоваться только чувствами.

В эту последнюю — шестую ночь Влад рискнул подобраться ближе, ему хотелось рассмотреть свою красавицу, он истосковался по ее румяной красоте.

Она выглядела изможденной и все же, улыбка практически не сходила с ее губ, а этот раздражающий его верзила, постоянно крутился подле нее. Но самое омерзительное, что в них появилось нечто новое, неуловимое. Влад не мог не признать, что они стали невыносимо гармоничны в своем замкнутом круге взаимного трепета друг перед другом. Казалось, все происходящее было лишь декорацией вокруг Деи и Яна. Они же плыли тихие как призраки в этом пространстве вожделения и похоти, принадлежащие только друг другу, чистые и не замаранные суровой реальностью.

Каждый взгляд Деи брошенный на Яна обжигал Владу сердце, и им все больше и больше завладевали удушливые, черные мысли. Но он терпеливо ждал, когда Ян отлипнет от своего цветка и умчится вместе со Страж-птицей, оставив Дею в его распоряжение на целый час. И вот, этот долгожданный миг настал.

Она стояла в окружении Озерных дев, шумно рассказывающих ей о любовных приключениях, когда он подошел своей легкой крадущейся походкой хищника.

— Приветствую вас, Госпожа, — обратился он к Деи, вырастая перед ней во весь свой непозволительный рост.

Его появление встревожило всех присутствующих. Дея подала сигнал русалкам, и они тут же разбежались.

— Феноменальная наглость, — выдавила она, вонзая в него мрачный, граничащий с ненавистью взгляд.

— Это единственное, что придает мне сил.

— Что тебе нужно?

— Хотел увидеть тебя, — он запнулся, — вблизи.

— Посмотрел?

— Да, но я мечтал не только об этом.

— Чего еще ты от меня хочешь? — спросила она устало.

— Тебя саму хочу.

— Что именно из того что во мне есть, ты хотел бы получить? — издевательски спросила Дея.

— Все.

— Слишком много, не унесешь.

Владу хотелось пробить ее непроницаемый кокон отчужденности, но Дея даже не смотрела на него. Отвечая на его вопросы, она продолжала наблюдать за танцующими у костра русалками.

— Дея, я мог бы попытаться смериться с тем, что ты ненавидишь меня, но перестать желать тебя, я не в силах, — признался он.

Госпожа Синего леса, наконец, посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. И была в ней в этот миг неуловимая раздвоенность — она одновременно являлась и любопытным ребенком, и молодой роковой женщиной.

— Что может доставить тебе наслаждение, Дея? — неожиданно для себя спросил Влад.

— Боль, — прошептала она, съедая его глазами. — Твоя боль, Влад!

Он отпрянул, глотая ртом воздух. Ее глаза смеялись, словно говорили, — «ты хотел меня всю? Ну, так получай».

Справившись с минутным потрясением, Влад подошел настолько близко, что ее дыхание колыхнуло его волосы. С силой сжал ее плечи.

— Скучный здесь живет народец, — прошептал он, смотря на нее в упор, — ни святости, ни лютости. Ты сияешь звездой среди этого сброда. Я ждал тебя, как спасение от чувственного застоя, Дея.

— Тебе нравятся страдания?

— Нет, но тем интересней будет наша игра. Какие в ней правила, моя красавица?

— Никаких правил, Влад, все будет спонтанно и взаправду.

— Что ж, надеюсь, мы выживем и не лишимся рассудка.

Глава 6

Начало игры

Начало игры

Неутомимый Ян безжалостно лишал Дею сна, но разоруженная собственной готовностью к близости, она не могла уклониться от его натисков. И когда ей казалось, что она вот-вот раствориться в этой животной чувственности, в этой их молодой неистовости, что походила на деградацию, пришел тот, чей образ был одной сплошной провокацией. И теперь взлелеянный в девичьих мечтах мираж, вновь и вновь вставал перед ней непрошеным гостем. Кульминацией этого наваждения стал момент близости с Яном, во время которого она представляла Влада.

Дея поняла, что все эти перипетии сломали-таки ее моральный хребет. Она действительно страстно желала, еще раз увидеть в глазах Веда боль — ту боль, что сочилась из него, когда он пришел к ней на праздник. Эта его мука, была бальзамом для ее души, сладким медом, сильнейшим возбудителем. Когда Дея сближалась в ту ночь с Яном, она возрождала в памяти изуродованные агонией черные глаза и только сильнее разгоралась. Его страдания стали пищей для нее, без них Дея чувствовала себя неполной, обделенной, неотомщенной и все чего она теперь хотела — это обречь его на еще большие мучения.

В конце концов, желание причинить Владу боль переросло в парною. Казалось, оно текло в ее жилах вместо крови, разрушая ту хрупкую скорлупку, за которой пряталась ее суть в полном своем многоцветии. Отсутствие же в ее поле зрения Веда, только усиливало степень помешательства.

В таком вот ядовитом отваре желчи Дея варилась до тех пор, пока в ее голове не созрел план, который она вознамерилась превратить в жизнь, во что бы то ни стало. Это-то решение и сделалось отправной точкой ее нарастающего безумия, в котором обрывки и случайные картины замысла волочились за каждой ее мыслью.

Когда Дея отшлифовала свой план до блеска, не упустив ни одной мельчайшей детали, она решилась, открыться самому чистому и доверенному, непогрешимому и всепринимающему Отцу леса. В одну из ясных лунных ночей, томимая жаждой исповеди, она, выскользнув тихонько из дому, направилась к заветной поляне — маленькому цветастому подиуму, что напоминал ей театральную сцену.

Вокруг царственного платана потоками струилось холодное свечение, цветы сложили свои хрупкие лепестки, листва не колыхалась — лес спал. Она подошла к огромному дереву

и обняла его, прижимаясь щекой к шероховатой коре.

— Что стряслось, Госпожа, — раздался у нее в голове родной голос.

— Я должна покинуть вас на какое-то время, — отвечала она. — Меня ждет опасное и непредсказуемое мероприятие, и я боюсь, что оно может стать последним в моей жизни. Но я должна решиться на него.

— Раз должна значит действуй, Госпожа, лес будет ждать.

— Но, что же случиться со всеми вами, если я не вернусь?

— Ответ ты и сама знаешь, — печально ответил Отец леса.

Дея еще долго стояла на посеребренной лунным светом поляне, плакала, улыбалась чему-то, снова плакала, потом поцеловала шершавую кору и побрела в дом.

Зажатая в тески собственной одержимости, до этой ночи она еще пыталась сопротивляться своему внутреннему возгоранию, но теперь Деи было очевидно — она поставит на кон все что угодно, лишь бы разыграть свой гамбит.

Не задерживаясь ни секунды в гостиной, она направилась в спальню. Ян спал, уткнувшись лицом в ее сорочку. Дею трогало его щенячье обожание и легкий налет фетишизма, но она уже начинала понимать, что сила Яна велика и, не смотря на его любовь, она ломает ее. Проникая в нее словно вирус, он заражал своей жаждой жизни и могучей, животной неистовостью.

Она ненавидела себя за слабость и за нечестность по отношению к Яну. Он принимал их безотказность за любовь, она же видела истинную суть этой юношеской невоздержанности. Но всего раз, ощутив безвольную негу в его объятиях, она уже не могла противиться его воле. Раздевшись, она легла рядом с ним. Ян тихонько сопел, по-детски приоткрыв рот. Он был безмятежен и счастлив в своем неведении. Дея легонько погладила его по щеке, он дернулся и открыл глаза.

— Ты пришла, — протянул он сонно.

Ей вдруг невыносимо захотелось еще раз испытать тот невероятный полет, что был неотъемлемой частью их близости. Кто знает, чем закончится ее сумасбродная идея, может она видит его в последний раз, так пусть он будет незабываемым. Она скользнула к нему юркой лаской и Ян, обладающий невероятной способностью улавливать ее настроения, мгновенно отреагировал.

В эту ночь она была с ним особенно нежной, ее томные, обморочные ласки не прекращались пока бурная энергия молодости била ключом.

Они уснули, когда ночь уже была готова сдаться новому, нарождающемуся дню, а через пару часов пробудились. Яна

ждали обязанности Сагорта, а Деи предстояло принятие непростого решения: для того чтобы осуществить задуманный план, она должна была поступиться гордостью и просить помощи у Родмилы. Этот последний шаг, на который Дея никак не могла решиться, и оттягивал роковой день.

Пока Ян насвистывая гимн Багорта, принимал ванну, она, расчесывая свои волосы перед небольшим зеркальцем в уборной, раздумывала, как ей отыскать дом Ведуньи.

— Все-таки удивительное место наш Багорт, — разглагольствовал Ян, подливая в ванну горячей воды, — Я даже не представляю, что бы с нами было, останься мы там откуда пришли. Никаких тебе чудес, никаких перспектив, а главное, мы там были абсолютно одни, а здесь… — он мечтательно закрыл глаза, намыливая голову душистым мылом.

— Да, Багорт сильно отличается от нашего прежнего дома. Но ты упускаешь одну немаловажную деталь — здесь, как и на Земле, живут люди.

— Но это же люди Багорта.

— Да, люди Багорта и все же, они просто люди. А все, что касается людей, не бывает однозначным.

— Зато Веды очень даже могут быть однозначны.

— Не говори глупостей.

— Скажешь Ихаиль не урод?

— Скажу, что он наш враг, но это не означает, что у себя дома он не герой. И вообще, что за нелепые ярлыки.

— Это не ярлыки, Дея — это факт. Ты в отличие от них, не раздумывая, отдашь жизнь за свой лес и за Багорт, а они пока все не взвесят, решения не примут.

Твердолобость Яна разозлила Дею, в ней словно нажали какую-то кнопку и разжатой пружиной вытолкнулось наружу все то, что долгое время угнетало девушку.

— Да как же ты не поймешь, Ян!? — вскричала она. — Мы всего лишь рабы крови! Генетические уроды! Машины для службы если хочешь. Нам воздают почести и окутывают ореолом благородства, чтобы поменьше думали о том, что мы ограниченнее в выборе жизни любого крестьянского ребенка, а вся наша хваленая магия принадлежит Багорту! За его пределами мы просто люди, одинокие и никому не нужные люди. А сущность Ведов, в отличие от нашей, неизменна. Они не являются ни чьим оружием и у них есть то, чего нет ни у одного Хранителя — право выбора. Все, кто служат Багорту, отдали ему свои силы добровольно и в Великой войне на смерть шли сознательно, а не по зову крови! И ответственность их выше нашей, а наказания суровей. Задумайся об этом на досуге, — уже

спокойней договорила Дея и вышла из ванной.

Она спустилась вниз и, накинув плащ, вышла на улицу, в надежде найти в жертвеннике что-нибудь съестное. Баночка меда и отрез отличного ситца были ей сегодня подарком. Повертев лавандовую ткань в руках, Дея вздохнула, подумав, что она может ей и не пригодиться, затем приоткрыла крышечку и попробовала мед.

С тех пор как она приняла решение осуществить свой план, ее не покидала мысль, что это приключение ей дорого обойдется. Но выпущенная стрела траектории не меняет. Правда, чем ближе она подбиралась к возможности осуществить задуманное, тем больше ею овладевала холодная рассудительность.

Заварив бодрящий травяной сбор, она нашла в кухне остатки хлеба и, обильно смазав их медом, накрыла на стол как раз в тот момент, когда Ян спустился вниз.

— Ты в порядке? — спросил он, усаживаясь рядом с Деей и приобнимая ее за плечи.

— Все хорошо, — прошептала она, протягивая Яну чашку ароматного чая.

Завтрак прошел в тягостном молчании. Дея хотела поговорить с Яном, может быть даже попрощаться, но мысли никак не желали облекаться в слова, а когда она услышала, как на ее крышу приземлилась Маюн, сердце ее замерло, пропуская удары.

«Сейчас он уйдет, и я опять останусь наедине со своей одержимостью», — подумала Дея, понимая, что сегодня она все же решиться на поход к Родмиле.

— Кажется мне пора, — извиняясь, проговорил Ян и встал из-за стола.

— Да, — механически отреагировала Дея, тоже медленно поднимаясь, — Я тебя провожу.

Как только Ян ушел, она наскоро переоделась в свое самое скромное платье и, скрывшись под неприглядным шерстяным плащом, вышла из дому.

Отыскать дом Родмилы оказалось не трудно. Еще на подъезде к городу ей повстречалась торговая повозка, погонщик — крючконосый, шустроглазый мужичонка, охотно разъяснил «прекрасной», как он выразился Госпоже, как отыскать дом Веды. Она жила на самой границе города, ближе к стене, где прятались в густой тени деревьев немногочисленные дома Ведов, ее был самым ярким, обильно украшенным резьбой.

Дея отпустила Дорену в поля, зеленящиеся еще по-летнему сочной травой, а сама побрела вдоль городской стены к противоположной стороне Мрамгора.

Окраины города не отличались особенно вычурной роскошью, дома были приземистыми, в основном глиняными, цветные окна встречались крайне редко, зато растительности было в разы больше чем в помпезном центре столицы. Этими-то кустистыми и теневыми тропами Дея и пробиралась к заветному дому Родмилы.

Она узнала его, как только показался нарядный, многоцветный фасад, но хозяйки не оказалось дома и Дея, пристроившись на резное деревянное крыльцо, стала дожидаться ее возвращения. Она с терпением, одержимого просидела у порога Родмилиного дома до самого вечера. В конце концов, ее ожидания были вознаграждены; в сгущающихся сумерках, на узкой тропке, показалась знакомая фигура. Дея встала с крыльца и внутренне подобравшись, встретила твердый, недобрый взгляд Веды улыбкой.

Глава 7

Фарфоровое сердце

Фарфоровое сердце

Бросаться в пучину действительно сильных чувств, не биться только не покалеченная до времени юность. Люди, обремененные печальным опытом, остерегаются этих сумасшедших всплесков, способных повредить рассудок. У них уже чересчур отлажено работает механизм самосохранения, не позволяющий ввязаться во что-то более значимое, чем пошлая интрижка. Так они и разрываются между желанием любить и желанием жить, забывая, что любовь и есть жизнь.

Уйти в работу, погрузиться в новые исследования и ни в коем случае не пускать на порог ни одной девки — вот лучший способ забыться, думал Влад. Он слишком хорошо знал, к чему может привести его неспособность контролировать себя. Ему было доподлинно известно, как легко заблудиться в тумане мечтаний и мраке вожделений. Но неутомимая фантазия услужливо подкидывала все новые и новые видения любострастия. Он терял здравый смысл, напоминая себе мечущегося в загоне жеребца. И эти утомительные грезы разума сводили сума, а пытка хоть и была воображаемой, становилась несносной.

Влад работал с удвоенной силой, но на поверку ничего путного из этих сублимированных плевков не выходило, что повергало его в еще большее бешенство. Он хотел заставить бурлить и клокотать энергетические потоки по его прихоти, но пока бурлило и клокотало лишь все его естество. А причиной всему был страх. Впервые в жизни мраморный Влад испытал это щекочущее, тормозящее чувство. И все из-за нее — нежной, хрупкой с виду девушки, нарушившей заплесневелые устои законодательств и негласных правил Багорта. Она раскрывалась перед ним словно розовый бутон, и там — в сердцевине, на бархатной подкладки из пыльцы показалась головка маленького, но хищного дракона. И стоило Владу сунуть нос в этот ароматный бутон, как его тут же опалило пламя ненависти.

Но пугало его не это пламя, а то, что оно ему нравилось. Ему было плевать, что эта своевольная, стихийная девушка может его покалечить. Он хотел ее всю, а более всего ее сердце. О, Ула! Она распознавала такие вещи безошибочно и была абсолютно права в своих догадках. Сердце Деи — вот его истинная страсть. И как бы он не старался отсрочить свое падение в бездну чувственных недугов, одно ему было известно наверняка — долго он не продержится.

Отец застал его за работой. Влад сотрясал дом энергетическими потоками, которые проходили сквозь него

раскатами и завываниями. Несчастное строение содрогалось, и не понятно было как оно еще не обрушилось, погребая под свои обломки самого Веда. Он был истощен и мертвецки бледен, волосы свисали сальными патлами, и даже всегдашний цвет на его щеках сошел, оголяя остроту скул.

— Ты должен прекратить эксперименты с этими энергиями, — сказал Вайес вместо приветствия. — Они медленно убивают тебя.

— Меня убивает каждый прожитый день, — неохотно отозвался Влад, не оборачиваясь. — И поверь, эти эксперименты по сравнению с другими более-менее безобидны.

— Какие еще опыты ты ставишь? — с тревогой спросил Вайес.

— Всегда одни и те же, отец, — говорил Влад лениво, — над самим собой. Хочу знать, где границы человеческих возможностей.

— Ты постоянно забываешь, что ты не просто человек — ты Вед. — Вайес тяжело вздохнул. — Порой мне кажется, что для тебя границ и впрямь не существует.

— У всего в физическом мире есть границы. Тебе ли об этом не знать, — проговорил Влад, повернувшись, наконец, к отцу.

— Так ставь эксперименты на кроликах! — вскричал глава Мрамгора, встретив измученный взгляд сына.

Влад устало кивнул ему, но ничего не ответил.

— Тебя не интересуют другие. Ты всегда был занят изучением только себя самого.

— Что поделать, — пожал он плечами, — лучшую кандидатуру для исследований, я пока не нашел.

— А как же Дея? — поинтересовался Вайес и в этот момент в его глазах заалел злой уголек.

— Ты предлагаешь ставить мои опыты на ней?

— Но можно же обойтись и без практических экспериментов и анализов. Тем более что ты уже их на ней и так поставил предостаточно, — добавил он тише. — Используй метод наблюдения. Она достойный объект для изучения.

Брови Веда сошлись, глаза полыхнули огнем, он уселся прямо на землю и, облокотившись о дерево, заговорил:

— Отношения двух людей похожи на взаимодействие диких энергий. Это соитие изменяет их, иногда до неузнаваемости. Но вот пакость, даже в этом совместном опыте нас интересует лишь то, как меняемся мы сами. Увлеченные собственными метаморфозами, мы зачастую оставляем без внимания то, что вступивший с нами в реакцию человек, тоже преображается. Парадокс в том, что когда мы узнаем своего избранника лучше, превращение уже случилось. Я вот думаю, не исчезает ли то, что

изначально и привлекло нас? Как думаешь, отец, чем меня Дея зацепила?

— Тем, что еще и не проявилось, и ты это прекрасно знаешь. Слишком много думаешь. Твой разум ни на минуту не дает тебе покоя. Боюсь, как бы он не сыграл с тобой злую шутку.

— Да-а-а, он подшучивает надо мной ежедневно и шуточки его и впрямь бывают недобрыми, — Влад криво усмехнулся.

— Почему бы тебе… — Вайес не договорил, вздохнул.

— Что? Стать нормальным, обычным парнем, влюбленным в необыкновенную девушку? Эта роль в нашей мелодраме отведена Яну.

— Может Ян и обычен, но мне кажется, он чаще тебя бывает счастлив.

— Может и так, — согласился Влад, — но золоту не суждено стать оловом.

Вайес утомленно покачал головой и развернулся, чтобы уйти, но сделав пару шагов, остановился и, посмотрев на сына в упор, сказал:

— Сегодня утром была взломана темница твоей матери.

Влад порывисто вскочил, ленивая меланхоличность сменилась тревожным недоверием, а в черном взгляде застыл немой вопрос.

— Она обменяла себя на твою мать, — проговорил Вайес.

Тягучая, вязкая одурь сковала Влада. Он ощутил себя пауком, запутавшемся в собственных сетях, липких, слизких, омерзительных. А Вайес тем временем вливал в него слова, которые доносились до Веда откуда-то издалека.

— Сначала мне казалось, вы готовы весь мир поставить с ног на голову, заставить звезды осыпаться, а луну с солнцем поменять местами, только бы почувствовать хоть толику того, что испытывают обычные люди. Но потом я понял, что вы оба готовы сделать все это и много больше, но по другой причине. В вас кипит вулканическая лава, и ни вы сами, ни кто либо еще не в силах предотвратить извержения. Пока вы мучаете друг друга, Багорт в опасности. Это я тебе как Верховный Хранитель говорю.

Влад стоял и пытался слушать, впрочем, плохо понимая смысл. Отдельно ухваченные слова, упорно не желали выстраиваться в логическую цепочку. Он сделал последнее усилие, и в этот миг нем что-то надорвалось, треснуло, надломилось и неуклюже покосившись, стало медленно обваливаться. Воздвигавшийся долгими годами заслон, рушился как песочный замок, превращаясь в бесформенную груду нелепо сваленных, стремлений, ограничений, опасений, компромиссов

и запретов. Белое, тонкое лицо его обессмыслилось, когда сквозь эту мысленную дамбу прорвался столь долго сдерживаемый поток. В этом потоке было все то, что когда-то чуть не убило юношу с фарфоровым сердцем.

Вайес подбежал к сыну и едва успел поймать обмякшее тело, прежде чем оно встретилось с землей.

Безумный день

Весь день в замке царила суматоха. С самого утра по коридорам сновала охрана, которая обычно работала столь аккуратно, что ее практически никто не замечал. Но сегодня мимо Яна пронеслось три десятка караульных и несколько Стражей, а в довершении ко всему, после обеда Ян видел главу Мрамгора в обществе начальника охраны. Они были не на шутку встревожены, Ян впервые видел Вайеса неспособного скрывать волнение. И никто ничего толком не мог объяснить. Охранники отмахивались, говоря, что ищут в замке Веда, а какого именно и сами толком не знают, Вайес же даже не сбавил шаг, когда Ян попытался его догнать и расспросить в чем дело. Верховный Хранитель то ли сделал вид, что не слышит оклика, то ли и впрямь был всецело погружен в разговор с начальником охраны.

Что происходило в замке после обеда, Ян не знал, потому как проводил с Маюн обычный осмотр вверенных ему территорий. Возвращаясь же в замок ближе к вечеру, он еще будучи в небе увидел, что неразбериха продолжается. У бокового входа, стояла повозка Вайеса и пара удалых молодцев выуживала из нее безвольное тело. Несчастного положили на носилки и быстренько уволокли в замок.

«Ну и дела», — подумал Ян и решился-таки приставить к этому эскорту пару овсянок. Одно дело шпионить за главой Мрамгора и совсем другое за простыми исполнителями его указаний.

Через полчаса овсянки сообщили Яну о том, что бесчувственное тело принадлежало Владу. Его унесли в галерею с витражами и сокрыли в тайном проходе за гобеленом.

«Ну, что ж, видимо именно его и искали охранники», — подумал Ян, но все же решил спуститься к постам и проверить свою догадку.

Подойдя нарочито прогулочным шагом к северному крылу замка, у которого по-прежнему толпились служивые, он скучающим тоном спросил:

— Ну, что братцы, поймали Веда?

— Какой там, — отозвались те.

— В самом деле? — удивился Ян, — А кого хоть ловили-то, поняли, наконец?

— Если б знали, кого конкретно ловим, то может и толк был бы. А так ищем того не знаем кого, который убег туда не ведомо куда, — буркнул здоровенный детина в потертом кожаном нагруднике.

— А чего он натворил-то, этот таинственный кудесник?

— Да нам знаешь, не особо и рассказывают. Ведаем только, будто стряслось что-то в запретном крыле. Навроде как темницу там кто взломал. Да только кажется мне вздор это все и враки! — верзила смачно харкнул себе под ноги. — Что там в этих темницах делать-то, ими уж лет сто пятьдесят никто не пользуется, там окромя костей старых и искать-то нечего. Ты, Сагорт, лучше у Господина полюбопытствуй или у начальника стажи, если поймаешь, конечно. Они сегодня весь день бегают как ужаленные.

Окончательно сбитый с толку Ян кивнул и направился к замку.

«Что ж это получается, не Влада они искали, а другого Веда, а этот тут тогда откуда взялся? Ведь не случайное же это совпадение? — размышлял Ян. — А может Ихаиль объявился? Дея говорила, что он может снова к ним пожаловать, и тогда случиться непоправимое».

И как только он об этом подумал, им овладело тревожное чувство. Словно жадный голубь оно, склевывало последние остатки самообладания, и Ян помчался к конюшням. Его мысли в этот момент вращались только вокруг Деи. Он должен был уберечь свой нежный цветок от надвигающейся опасности, должен был запереть в лесу, пока не разберется в чем дело. Ян несся к Деи с такой скоростью, что чуть было ни загнал бедное животное. Но лес не встретил его никак. Холодный и мрачный он стоял словно погруженный в забытье. Ни звериного шороха, ни приветственного шелеста листвы, ни доносящейся песни русалок.

Подавленный каким-то древним суеверным ужасом, он осторожно ступил на широкую тропу. Луч от кристалла выхватил узкую полоску колеи, оставленную утренней телегой и еще немногочисленные следы. Яну показалась странной эта опустошенность и безлюдность, ведь с тех пор как прошел праздник Последней луны, в лес хаживало множество путников, а сегодня, судя по всему, почти никто не заглядывал.

Недоброе предчувствие гнало Яна к дому Хранительницы, а когда взмыленная лошадь чуть не пала у его крыльца, он понял — что-то произошло. Свет в окнах не горел, дверь была заперта. Ян барабанил по ней, пока не выбился из сил, потом вновь оседлав несчастную кобылу, кинулся к озеру.

На его зов пришла Божена, с ней еще насколько молоденьких Озерных дев. Оказалось, их Госпожа сегодня не появлялась. Девы были непривычно тихи и печальны. Дея всегда приходила к ним утром или вечером, как бы занята не была, иногда и по несколько дневных часов с ними проводила, а сегодня ни разу

не показывалась. Русалки чувствовали — твориться что-то неладное, их Госпожа исчезала.

— Она не с нами, — говорила старшая дева, — мы всегда это чувствуем. Так уже однажды было, когда ее похитили еще ребенком. Она жива, но она не здесь и с каждым часом сердце ее, отдаляется от леса. Мы все слышим, что его биение слабеет.

Руки Яна до этого сжимающие поводья, опустились, а за руками неловко приземлилось на ближайший камень и все его могучее тело. Он сидел и тупо смотрел на воду. Тысячи нитей безволия связали его разум, сделали обездвиженным, безучастным, бесчувственным. Чуть было не начавшийся в нем пожар, словно бы потушили порошковым огнетушителем. И теперь в нем витал только белый порох оцепенения, вытесняющий все прочие чувства.

— Найди нашу Госпожу, — послышался где-то в отдалении молящий голос.

Затуманенным взглядом он осмотрел озеро и не сразу понял, что мельтешение — это не морок, а множество девичьих головок показывающихся из-под воды и взирающих на него с мольбой и надеждой.

— Верни нашу Госпожу, Сагорт, верни ее, — шипели русалки, дергая его за полы плаща.

Он поднялся и, шатаясь, направился к лошади. С трудом превозмогая обрушившуюся на него усталость, он все же оседлал кобылу и пустился в замок.

Разыскать Вайеса, рассказать ему о пропажи Деи — это единственное, что сейчас приходило ему в голову. Но Верховного Хранителя у себя не оказалось, тогда Ян отправился к Горию, но и того не было на месте. Еша — его ассистент, сказал, что мастер с самого утра в скверном расположении, все куда-то бегает, кричит на сестер больше обычного и требует много странных составов, что он готовит по его личным рецептам, а еще шприцев. А к вечеру так совсем обезумел — волосы на себе рвал, чуть не прибил одну из сестричек за то, что медленно готовила снадобья, бегал по лаборатории и все бормотал, что кто-то с него голову снимет.

— А за что с него можно снять голову? — возмущался тощий ассистент. — Он гений! Светило врачевания! Да таких как он, вообще, больше может никогда уже и не будет. Вон как выглядит наш Верховный Хранитель — ему от силы лет сорок пять дашь, а он между прочем, седьмой десяток разменял! А все мастер Горий.

Ян не стал дальше слушать о заслугах лекаря перед отечеством, а выбежал из кабинета и устремился в свою башню.

Там на тонкой жердочке его всегда дожидалось несколько дежурных овсянок. Велев им привлечь всех остальных пташек, он отдал приказ отыскать Вайеса, а сам отправился в комнаты Деи. Слабая надежда на то, что она может быть где-то в замке, все еще теплилась в нем. Конечно, он понимал, что если бы она просто была все это время в своих прежних покоях или у тетки Ведары, русалки бы так не тревожились, но сидеть и ждать когда его посланницы отыщут Вайеса было нестерпимо.

В комнатах оказалось пусто. На кухню она тоже давненько не заглядывала, оставалась библиотека, но до нее Ян не дошел. Овсянки известили о том, что глава Мрамгора сейчас спускается в запретное крыло. Не раздумывая ни минуты, Ян побежал туда в надежде перехватить Вайеса до того, как он переступит порог этого самого крыла.

Верховный Хранитель уже подходил к поредевшей горстке стражников, что толпилась у входа, когда Ян настиг его. Лицо Вайеса было скорбным и осунувшемся.

— А, Ян, хорошо, что ты здесь, — еле ворочал он языком. — У меня для тебя будут распоряжения.

Ян бестактно перебил своего Господина, выпалив на одном дыхании.

— Дея пропала!

— А-а-а-а, — протянул тот, — ты уже в курсе.

— Вы знали?!

Вайес вздохнул так глубоко, будто хотел перегнать через свои легкие весь воздух Мрамгора.

— Ну, что ж, — сказал он, проходя сквозь охрану, — пойдем что ли.

— Да, что происходит-то? — не выдержал следующий за ним Ян.

— Сейчас сам все увидишь, — говорил Вайес, открывая одну дверь за другой. — А пока мы не пришли, пообещай мне, что как только ты получишь все объяснения, приступишь к своим обязанностям.

— Обещаю.

— Хорошо, — удовлетворился Вайес. — Когда вернешься из подземелья, вызовешь Маюн. Нужно будет установить усиленную охрану по всем границам, город и Синий лес охранять особенно тщательно.

— Что случилось?!

— У меня есть все основания полагать, что Ихаиль вернулся, — мрачно сказал Вайес.

— Отправьте меня на поиски, как в прошлый раз!

— Поисковая бригада уже собрана, ты нужен мне здесь.

— Но я боевой Сагорт! — возмутился Ян. — Я мог бы пригодиться при захвате Ихаиля.

— Чтобы захватить Ихаиля и сил нашего совета Ведов не хватит, а бросать на верную смерть единственного небесного Сагорта я не намерен, — металлическим голосом отчеканил Верховный Хранитель. — Мне нужна связь с Ведами, что рассеялись по всем окрестностям Мрамгора. Птицы — самый быстрый и надежный способ связи. Атаку на город или лес нельзя допустить ни в коем случае, поэтому ты будешь здесь и лично проследишь за охраной.

— Как скажете, — пробубнил Ян, понуро опуская голову.

Они прошли еще несколько коридоров, которые оказались пустующими камерами. Жуткие останки заключенных придавали этому заброшенному подземелью мрачно-готический вид.

— Мы почти пришли, — сказал Вайес, останавливаясь у тяжелой двери, которую охраняло двое Стражей.

— Зачем мы здесь?

— Ты искал Дею?

— Она что же, в заброшенной темнице? — ужаснулся Ян.

— Ты поразительно смекалист, — отозвался Вайес, пропуская Яна вперед.

В первое мгновение он испытал радость от того, что она нашлась. Но стоило ему приблизиться к огромному зеркалу, в котором колыхалось изображение его подруги, радость растворилась, словно ее выжгли кислотой, а заодно залили ею все его внутренности.

Дея парила в воздухе или, что там было за границей этой зеркальной глади? Сонный мутноватый лик смотрел на него нестерпимо печально и устало. Глаза почти смыкались, рот же наоборот был безвольно приоткрыт, придавая ее лицу идиотское выражение. Руки болтались дохлыми змеями, ступни вытянулись, по-детски смотря друг на дружку.

— Дея, — позвал он слабым голосом, и веки девушки чуть заметно дрогнули. — Дея!

Он ринулся вперед, но наткнулся на незримую преграду и расшиб лоб.

— Проклятье! Что за выдумки!

— Это не выдумки, Ян, — Вайес подошел к парню и с силой сжал его локоть. — Возьми себя в руки. Вспомни, что ты мне обещал.

— Но что… Где… Это же не она? Это ошибка, чья-то гнусная шуточка, — лепетал Ян, пытаясь выдернуть из своей головы клок волос.

Вайес с силой тряхнул его за плечи.

— Да приди же ты в себя, наконец! Это не шутка, а самая лучшая в мире темница созданная для Веды.

— Для какой Веды? — медленно произнес Ян.

— Для Мориты Карий?

— Ага! — взревел окончательно ошалевший Ян. — Я знал, знал, что этого урода неспроста привезли сегодня в замок! Это он, он все подстроил. Здесь жила в заточении его мать, а он поменял ее на Дею!

— Остановись! — властно гаркнул Вайес. — Влад здесь ни причем, я лично его проверял, а в замке он оказался, потому что ему требуется помощь Гория.

— Надеюсь, лекарь окажется бессилен, — с легким сумасшествием в голосе прошептал Ян.

— Не говори так, он переживает не меньше твоего.

— С трудом верится, что он на это способен.

— Твоя ревность сейчас не уместна, — холодно одернул заносчивого парня Вайес. — Влад нам теперь нужен как никогда. Он и его мать, единственные Веды способные противостоять Ихаилю. Остальные наши чародеи — дети по сравнению с ними.

— Это Ихаиль произвел обмен?

— Больше некому. Думаю, он убедил Дею сделать это добровольно, — проговорил Вайес, доставая из-за пазухи смятый листок. — Ума не приложу, как он смог убедить Хранителя, оставить свой многострадальный лес, — глава Мрамгора протянул Яну листок.

На жеваном пергаменте было начертано размашистым Деиным почерком всего три слова: «это моя воля».

Ян опустился на пол и схватил себя за голову. В памяти всплыл рассказ Деи о матери Влада, которую хотели осудить на смерть, но благодаря Вайесу она получила пожизненное заточение. Теперь на ее месте была Дея. Его Дея! И Ян вдруг почувствовал злость на Вайеса.

— Думаю, ее не сложно было убедить, — проговорил он вполголоса. — Она сочувствовала Морите, считала наши законы излишне суровыми, а в довершении ко всему тяготилась участью Хранителя. Поначалу я думал, что она счастлива среди своих деревьев и русалок. Она отдавалась лесу без остатка. Но потом, она как-то вспылила на ровном месте, и я узнал, что она на самом деле о нас думает, — он поднял на главу Мрамгора потемневшие глаза. — Вайес, она считает нас генетическими уродами, марионетками, которые созданы для слепой службы. Ей была мучительна мысль, что она не может выбрать себе другую судьбу, что обречена быть Хранителем, хочет она того или нет. Теперь-то я понимаю, почему Дея тогда сорвалась. Она делала выбор между

своими обязанностями и еще чем-то. Разве она не должна быть безоговорочно предана своему лесу?

— Нет, не должна. В ее словах есть доля правды, вы действительно самые ограниченные в выборе жизни создания. И все же, вы не безвольные марионетки. В конце концов, кто из нас не ограничен. Вся материя одушевленная или нет — это сплошные ограничения, а наша жизнь не что иное, как преодоление этих ограничений.

— Ага, — уныло протянул Ян, — но выше головы не прыгнешь.

— Но это не значит, что не нужно пытаться. Без стремлений мы бы и с кален не встали, так и ходили бы как приматы.

— Почему, почему она не такая как остальные Хранители? — сокрушался Ян. — Половина флорвиков сошли бы с ума от перспективы занять ее место, а она бросила лес, зная, что никто не может занять ее места. Как, как она могла так обойтись с ним? Со мной? Мне кажется, что это Влад заморочил ей голову, забив ее всякой ересью, — сказал Ян со злостью.

— Дея не та девушка, которую просто заморочить.

— Да и этот ваш Влад, тоже знаете, не лыком шит! — огрызнулся Ян.

— Не забывай, Ян, Дея выросла вдали от дома…

— Это не меняет ее кровь, — оборвал главу Мрамгора парень. — Я тоже вырос в дали от Багорта, однако меня осчастливила возможность работать на общее дело, а ее нет!

— Знаешь, Ян, — неуверенно начал Вайес, — ты только не пойми меня неправильно… — Верховный Хранитель тщательно подбирал слова. — Когда природа одаривает нас чем-то сверх меры, она может недодать в остальном…

— К чему вы клоните?

— В большинстве Хранителей больше отваги и жертвенности, нежели рассудительности.

— Намекаете, что все Хранители — люди небольшого ума?

— Не все Хранители одинаковы. Вы с Деей другие, потому, что выросли в ином мире. Там в вас старательно развивали умственные способности. У нас же при обучении Хранителей, делают упор не на приобретения знаний, а на умение наблюдать.

— Что наблюдать?

— Себя и свое окружение. Это знания другого порядка. Но в Деи эти способности врожденные, она как никто другой зрит в корень и конечно от нее не укрылась вся двойственность вашего положения.

— Меня удивляет одно, — размышлял Ян, — она должна была тогда понимать, что в мире все имеет двойственную

природу. Почему ее так угнетало именно это.

— Знать и принимать — ни одно и тоже, — с грустью проговорил Вайес.

Ян снова уронил голову в ладони, уходя в мрачные думы.

— Как ее оттуда вызволить? — пробубнил он.

— Есть только один способ, — раздался за их спинами знакомый ненавистный голос.

— Я просил тебя оставаться в постели, — с напряжением в голосе обратился к вошедшему Верховный Хранитель.

— Там мне больше нечего делать, — отозвался Вед.

Ян вскочил на ноги, внутри у него все горело, хотелось набить этому бледному полутрупу его импозантную морду. Непроизвольно сжались кулаки, готовые к кровавой каши.

— Умерь свой пыл, Ян! Иначе мне придется и тебя запереть в одной из темниц, — приструнил его глава Мрамгора. — У нас под носом орудует опаснейший Вед, а вы словно псы готовы рвать друг друга, вместо того чтобы объединиться и найти Ихаиля.

— Я не вижу никакого смысла в его поисках, Дею это все равно не вернет, — изрек Влад апатично и направился к зеркалу.

— Подожди-ка, — Ян преградил ему дорогу, схватив за ворот рубахи. Влад при этом безразлично взирал на разъяренного парня. — Ты сказал, что есть способ.

— Ее можно обменять только на мою мать. Но у Мориты сейчас нет сил, она без сознания и поэтому ритуал невозможен, зеркало ее просто не увидит.

— Ну, так накачай ее силой, бесы тебя возьми! Разве ты не самый сильный Вед в Мрамгоре?

— Уже нет, — хмыкнул Влад.

— Что? — вскричал Вайес, не в силах больше сдерживаться.

— Я немного поделился энергией с матушкой, — он криво улыбнулся. — Сейчас я даже кристалл зарядить не в состоянии.

— Что ты наделал, Влад, что ты натворил!

— Мне силы все равно не к чему, — пожал он плечами. — Сидеть в подземелье я могу и так.

— Ты не приблизишься к ней ни на шаг, — зашипел Ян.

Глаза Влада вспыхнули недобрым, отравительным гневом.

— Я не планировал спрашивать у тебя разрешения, — выдавил он.

— А придется, силы то не равны, красавчик, — Ян зло усмехнулся. — Я не позволю вашей семейки и дальше калечить ее жизнь. Приводи свою мамашу в чувства и меняй их обратно!

И тут руки Веда вопреки ожиданиям сверкнули белым. Ян отпрянул, пораженный легким, но ощутимым электрическим разрядом, Влад же облокотился о стену, чтобы не упасть.

— Если вы немедленно не прекратите этот скандал, я приглашу стражников, и вас расселят по соседним камерам.

— Но он должен произвести обмен! — возмущался Ян. — Это темница Мориты, а не Деи! Почему она должна сидеть там вместо нее?

— Она не должна, но обмен вряд ли может иметь смысл, — тихо признался Вайес.

— Что?

— Эту темницу изготовил круг Ведов, специально для Мориты, — начал глава Мрамгора как можно мягче. — Она рассчитана на силы ведуньи, обычному человеку в ней долго не продержаться.

— Она, что же скоро умрет? — выдохнул Ян.

— Нет, не умрет, потеряет рассудок. Как только она сольется с зеркалом, оно завладеет ее разумом. Если Вед еще может как-то противостоять магии, то человек нет. Всего одна неделя и от Деи останется красивое и медленно таящее девичье тельце. Если нам и удастся подлечить Мориту, то на это уйдет минимум пара недель. Боюсь Деи, такой какой ты ее знал, к этому моменту уже не будет.

Ян подошел вплотную к преграде и продолжительно посмотрел на подругу, а затем, сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев, направился к выходу.

Когда за сгорбленной фигурой здоровяка закрылась дверь и отец с сыном остались одни, Вайес устало прислонился к стене.

— Что же это такое? Он лишает меня всего! Сначала Морита, затем Хранительница Синего леса, потом Сагорт, а теперь еще и сын, — взвыл Вайес.

— Ну почему всего? Сын у тебя по-прежнему есть. Правда слабый и жалкий, но ведь ты всегда хотел, чтобы я стал обычным.

— Влад, возвращайся в палату, — умолял Вайес, — тебе нужно восстановить силы.

— Мне плевать на мои силы, — отозвался тот, — я хочу быть с ней пока сон ее разума еще не слишком глубок.

Глава 9

Обещание

Обещание

Шли уже третьи сутки с тех пор, как Влад спустился в этот затхлый подвал. Камера Деи стала и его темницей, он добровольно заточил себя в стенах собственной отчужденности и безысходности. Иногда он проваливался в забытье, но сон не приносил желанного облегчения, он был тяжел и тревожен, а порой и мучительнее действительности, хотя казалось, что хуже той пытки, что одолевала его последние дни и быть не может. Но изворотливый ум находил все новые и новые лазейки, как червь, проедающий себе тропу от стенок яблока к мягкой и сладкой сердцевинки. В тревожном мозгу и надтреснутом сердце было чем поживиться и к концу третьих суток, Вед чувствовал себя вконец опустошенным.

Когда в темницу вошел Вайес, он только отрешенно склонил набок голову, поднимая на отца изможденные глаза — приветствовал. Глава Мрамгора опустился на холодный пол рядом с сыном, его неуверенная рука легла на плече Влада.

— Ты должен поесть, — начал он осторожно.

Влад не отвечал, продолжая ловить взглядом, каждое покачивание в зеркальном отражении.

— Нельзя так себя изводить, — пытался вразумить Вайес сына, но осекся, когда тот повернул к нему лицо.

Глаза некогда полные мысли, огня, горечи или лукавства были мертвы, безучастны ко всему. Помолчав с минуту, Вайес возобновил свои попытки разговорить сына.

— Ты должен справиться. В тебе великий дар и наш мир нуждается в нем.

— Я никому ничего не должен, — вяло ответил Влад.

— Ошибаешься, ответственность за все твои поступки может обрушиться на ни в чем ни повинных людей! Ты должен предотвратить эти последствия.

— Ты так основательно врос в шкуру Верховного Хранителя, отец, — произнес Влад, нажимая на последнее слово.

Настала очередь главы Мрамгора замкнуться. Но пауза продлилась не долго, заговорил Влад.

— Я ждал этого дня семнадцать лет. Все эти годы я жил одним этим днем. И вот, что он мне принес, — он указал на меркнущее отражение девушки. — Вот моя жизнь и она близиться к концу.

— Уходит она, не ты!

— Я хочу последовать за ней, куда бы она ни уходила, но говорят Ведам это не доступно.

— Ты не можешь…

— Я и не собираюсь, все произойдет само.

— Не надо так говорить! От любви не умирают!

Влад посмотрел на него нездорово блестящими глазами.

— Однажды, я видел свое убого скорчившееся тело валяющееся где-то внизу. Я видел его со стороны. Так что не говори мне, что от любви не умирают! Не мне.

Потрясенный Вайес смотрел на сына, испытывая смешанные чувства. Его радовало, что к Владу вернулась способность переживать и сострадать, но пугало то, что эти самые эмоциональные всплески снова отнимут у него сына, только на этот раз уже навсегда.

— Я уже давно умер, — прошептал Влад, растягивая каждое слово. — Умер еще, будучи ребенком. Мне больше нечего бояться и ждать мне тоже больше нечего.

— Ты должен сопротивляться, иначе это все равно что самоубийство!

— Мрак уже стоит на моем пороге, и как только ее разум потухнет, он поглотит меня без остатка.

— Ты несносен, Влад, несносен! — орал Вайес, раздавленный собственным бессилием.

— Ты всегда был чрезвычайно сострадателен, — с издевкой ответил Влад.

— Навести мать, она спрашивала о тебе, — попросил Вайес поднимаясь.

Когда за отцом закрылась дверь, Влад встал и на слабых ногах подошел к барьеру, уткнулся в него щекой и простоял так довольно долго, а потом все же направился к матери.

На улице, когда он вышел из запретного крыла его окликнул голос. Щурясь от дневного света, он заозирался, но никого не увидел. Решив, что у него начались галлюцинации, он пошел дальше, но тут ему на плече легла легкая теплая ладонь.

— Это я, Влад, — послышался у самого уха голос Родмилы.

— Что за конспирация?

— Найди укромное место, чтобы поговорить.

Влад кивнул и повел Родмилу в за отвилку, упирающуюся в тупик.

— Ну, рассказывай, — проговорил Вед когда они оказались в темном, сыром подвале.

— Мне нужно, чтобы ты устроил для кое-кого проникновение в темницу к Деи.

— Зачем? — насторожился Влад.

— Я кое-что обещала ей, — уклончиво ответила ведунья.

— Родмила, не юли, — потребовал Влад.

— Я расскажу… — девушка запнулась. — Не знаю если честно с чего и начать. Несколько дней назад ко мне пришла Дея и сказала, что хочет обменять себя на твою мать, — Родмила предусмотрительно прикрыла ладонью рот Влада. — Она сказала, что только твоя мать способна противостоять Ихаилю.

Влад почувствовал, как его собственные предположения, высказанные однажды Деи, становятся пиками, вонзающимися в сердце.

— Ты сюда своим ходом пришла или на лошади? — спросил он торопливо.

— На лошади, там за оградой стоит.

— Пошли быстрее, хочу видеть все сам.

— Что значит видеть сам?

— Есть у меня одно приспособление, Дея его инсталляцией назвала. Ты девчонка смышленая разберешься что к чему и рассказывать ничего не нужно будет. Покажешь мне как все было.

— Ты, что мои мысли с его помощью прочитать хочешь? — насторожилась девушка.

— Нет, мысли я твои не увижу, лишь события и весьма наглядно. Пошли, пошли, время дорого.

Крепкая, но не молодая кобыла Родмилы не без труда доставила двух седоков к поместью Влада. Он торопливо, чуть не бегом протащил Ведунью через запущенный сад к своему таинственному сокровищу, которое прежде показывал лишь Деи. Ему не терпелось увидеть свою любимую, пусть не теплую и телесную, пусть лишь мираж ее, но все же это было лучше того призрака, что медленно таял в темнице его матери.

— Тут все просто, — говорил он, заводя Родмилу внутрь, — раскачай энергию, зеркала увеличат ее поток, дальше направляй завихрения в нужное русло — вспоминай те события, что хотела мне пересказать.

— И что будет?

— Они проявятся в зеркалах по принципу трансляций из подземелий.

— Хорошо я попробую, — пообещала Родмила неуверенно.

Влад сел в центре и приготовился наблюдать. Родмила работала как добросовестная гимназистка третьего круга, картинно взмахивала руками, развеивала потоки энергии, направляя их в зеркала, самозабвенно прикрывая глаза. Влад весь напрягся, подался вперед, теребя в нетерпении озябшие, тонкие пальцы. Наконец, глянцевость зеркал замутнилась и на его поверхности стал проступать рисунок уже свершившихся событий.

Пряничный домик Родмилы тонул в сгущающихся сумерках, на крыльце сидел человек закутанный в плащ. Вот картинка приблизилась, и Влад узнал в тонкой высокой девушке, прячущейся под капюшоном свою возлюбленную. Дея поднялась с крыльца и встретила недружелюбный, вопросительный взгляд Родмилы улыбкой.

— Чего ты здесь забыла? — зло спросила его подруга Дею.

— Хочешь помочь Владу исполнить его заветную мечту? — раздался голос его драгоценной.

Магическое пространство доносило звуки будто бы издалека, они были приглушенными и зыбкими, как и сами видения, но Владу и этот мираж казался сказкой. Видеть Дею живой и здравствующей было и подарком, и наказанием одновременно.

— Не юли, говори, зачем пришла, — раздался издалека раздраженный голос Родмилы.

— Я знаю, что Влад мечтает освободить свою мать из темницы.

— Это и для меня не секрет.

— Может, ты и способ знаешь? — поинтересовалась Дея.

— Нет, — честно ответила девушка.

— Это не беда, его знаю я.

— Да, что ты, — Родмила саркастически улыбнулась.

Владу показалось, что Дея в этот момент выглядела настолько усталой, что не могла даже реагировать на такую открытую неприязнь.

— Не дури, — сказала она слабым голосом, — и отбрось свою предвзятость, я не пытаюсь тебя обмануть. Все, чего я хочу — это обезопасить Мрамгор от мстительного сумасшедшего Веда и заодно осчастливить Влада, вернув ему мать.

У Влада перехватило дыхание, он чувствовал как его собственная, некогда искусно сплетенная паутина, сдавливает ему грудь. Тонкие ее нити сейчас казались ему стальными прутами, способными раздавить хрупкую сердечную заслонку.

— Какого еще Веда? — с ухмылкой спросила Родмила.

— Ихаиль. Это имя тебе о чем-то говорит?

— Если не ошибаюсь это муж Мориты, но какое отношение он имеет к Мрамгору.

— Самое прямое. Ихаиль пытался отомстить Морите за то, что она его оставила, а заодно и ее сыну. Его месть не вполне удалась и теперь он может вернуться, чтобы довершить начатое. Как ты думаешь, можно считать опасным человека, готового мстить ни в чем не повинному ребенку только за то, что он не от него?

Родмила молчала, недоверчиво уставившись на Дею.

— Я хочу освободить Мориту из темницы, она единственная Веда способная противостоять Ихаилю. Влад сказал, что даже ему этот псих не по зубам.

— Чего ты от меня хочешь?

— Помощь. Я связана с Моритой кровным заклятием и могу занять ее место, позволив ей выйти на свободу. Это единственный способ вытащить ее.

После этих ее слов, Влад уже не надеялся досмотреть все события до конца, клокочущий, мечущийся в плену грудной клетки слабый орган, щемило с чудовищной силой. И все же он продолжал смотреть, не отрывал глаз от зеркал.

Родмила вперила в Дею непонимающий взгляд.

— Ты готова пожертвовать собой, ради этого. В чем подвох?

— Нет никакого подвоха, но жертвовать собой до скончания своих дней, я и правда, не готова. Не забывай, у меня есть обязательства. Я не могу снова оставить Синий лес без Хранителя.

— И что ты предлагаешь?

— Найди добровольца, готового занять мое место после того, как я сменю мать Влада.

— Что! — возмутилась Родмила. — Ты в своем уме?

— Если у тебя есть свои предложения, я готова их выслушать, но не забывай, Ихаиль может появиться в любой момент.

— Нет у меня никаких предложений. Ни один человек в здравом уме не согласиться на такое.

— Вот ты и нашла решение.

— В смысле?

— Найди человека, которому либо жизнь и без того не мила, либо ее в нем осталось совсем мало. Желательно чтобы у него была семья. Посули вознаграждение за его жертву, пообещай, что его родные ни в чем не будут нуждаться, если он согласиться провести короткий остаток своей жизни в темнице.

«Моя ж ты красавица», — подумал Влад про себя и от сердца немного отлегло.

— Правду про тебя народ говорил — ты сумасшедшая. Не стану я опускаться до такого. Если так хочешь помочь, сама себя в жертву и приноси, а ни в чем ни повинных людей не приплетай.

— Какая же ты черно-белая, Родмила. Не удивительно, что Влад не проникся к тебе любовью.

Взгляд ведуньи вспыхнул, а на пальцах замерцало сияние — признак отнюдь недобрый, но Дею это похоже не напугало. Его проницательная возлюбленная уже успела для себя уяснить, что Родмила была слишком положительной и вряд ли смогла бы ее

прибить, даже в приступе ярости.

— По-твоему, обречь многострадальный Синий лес на увядание, сразу после того как он обрел Хранителя более благородно?

— Не беда, незаменимых нет.

— Что-то вы долго мне замену искали, да так и не нашли. Тебе должно быть известно, что Синий лес может охранять только династия Ладгальд и я последний ее представитель. Умру я, умрет и лес.

— Какое мне дело до тебя и твоего леса?

— Ну, раз до меня и моего леса тебе дела нет, подумай о несправедливом заточении Мориты и о страданиях Влада, неспособного помочь собственной матери. А еще представь на досуге, что здесь в ближайшее время учинит окончательно помешавшийся на мести Багорту Ихаиль, пока благородная Черная роза боится запачкать в навозе свои нежные лепестки.

Не говоря более ни слова, Дея запрыгнула на свою кобылку и умчалась прочь, оставив Родмилу принимать решение в одиночестве. Влад же сидел совершенно поверженный. Его избранница оказалась еще более туманна и противоречива, нежели ему казалось. Ее природа была подобна воде, способной менять свою форму и свойства, она была не только загадочна, но и опасна в своей непостижимости.

Прежняя картинка уже расплывалась, словно чернильная капля в воде, ее сменяла следующая. Двери Деиного дома, на пороге стояла закутанная в плащ Родмила, а рядом с ней седой и сгорбленный старик, опирающийся на палку. Его лохмотья мало походили на одежду, во взгляде читалась тоска.

— Впустишь? — спросила Родмила Дею, отворившую ей дверь.

— Лучше поговорить в другом месте.

— Дея, кто там? — послышался из глубины дома голос Яна,

Как только Влад услышал своего соперника, по его лицу пробежала судорога, но он, взяв себя в руки, вновь обратился в слух.

— Это ко мне, я скоро вернусь, — бросила Дея другу.

Засовывая за пазуху холщовый мешочек и набрасывая серый шерстяной плащ, она вышла на улицу.

— Скоро не получиться.

— Не важно.

— Этот старик говорит, что ему осталось жить не больше месяца, а потому он готов помочь Багорту, если Госпожа пообещает не оставлять его семью.

— Как тебя звать, старик? — обратилась Дея к деду.

— Прок, Госпожа, — прогнусавил дед.

— Почему решил, что жить тебе осталось так мало?

— Кишечная болезнь у меня, Госпожа. Чувствую, кончаюсь, а у меня бабка еще не такая старая и внуки.

— Как проведем ритуал, получишь мешок жемчуга. Бабке твоей до конца дней хватит и внукам останется.

— Благодарствую, Госпожа, — промямлил дед, пытаясь кланяться.

— Пока еще не за что, — проговорила Дея, подзывая Дорену. — Куда поедем? — обратилась она к Родмиле, когда ночные гости устроились в повозке, на которой прибыли.

— Ко мне, — бросила Родмила и ударила хлыстом по крупу лошади. Дея последовала за ними.

Влад любовался свой красавицей, поражаясь, как хладнокровно она совершает приготовления своей возможной гибели. Ведь она не глупышка и наверняка понимала, что будь все просто, он и сам бы организовал все это.

Ритуал много времени не занял, дед получил свой обещанный мешок жемчуга и счастливый уснул.

— Доброволец найден, ритуал совершен, что дальше? — спросила Ведунья.

— Дальше самое сложное — нужно достать ключи от темниц.

— У тебя их нет? — вскричала Родмила.

Дея покачала головой.

— Они есть у Влада. Такая связка со старыми ключами не припоминаешь?

— Ты издеваешься? Я нашла тебе этого несчастного, провела ритуал, а у тебя оказывается, даже ключей от темницы нет!

— Я не думаю, что это слишком сложная задача для Веды такого уровня как ты. У тебя есть ключ от самой главной темницы, которую за семнадцать лет еще никто не смог взломать, а простые замки ты думаю, сможешь преодолеть. Если не получиться стащить ключи у Влада.

— Стащить что-то у Влада?! — Родмила замотала головой, поражаясь фантазиям Деи, а Влад в очередной раз восхитился Деиному напору и твердости.

— Прояви чудеса изобретательности, чары поиска там или чего вы Веды используете, чтобы находить потерянные вещи.

— Да где ты только жила все это время? Ни малейшего представления о ворожбе не имеешь. Ну да тьма с тобой, придумаю что-нибудь. Отвезем пока старика в деревню, пусть с родными попрощается.

Они усадили дедка на повозку и повезли в поселение, что недалеко от Деиного леса располагалось. Пока ехали в дом

старика, наказали ему, чтобы отвечая на расспросы родных, упомянул имя Ихаиля.

— Кто таков Ихаиль этот ваш? Чей он будет-то?

— Он не наш, — пояснила Дея, — он из Лонгвина. Скажешь родне, что это он тебе заплатил, про меня и Ведунью не упоминай. Понял.

— Понял, понял, че уж тут не понять-то, — прошамкал дед.

Прощался старик довольно долго, Дея успела даже вздремнуть на козлах. Но вот, наконец, дед подошел к повозке, посмотрел на Госпожу выцветшими опустошенными глазами. Девушка помогла ему усесться.

— Не грусти, Прок, думай о том, что ты многие жизни спасаешь своим поступком, — утешала скорбного дедка Дея.

Он продолжительно на нее посмотрел, в его взгляде была такая жажда жизни, что Дею передернуло. Влад отчетливо видел, как она утерла непрошенную слезу и, запрыгнув на козлы, яростно хлестнула лошадь плетью.

Родмила до дома Деи не поехала, сошла на развилке, что к его особняку вела.

— Как добуду ключи, приду за вами, будь наготове, — наказала она, и картинка в Родмиленом облаке памяти снова начала размываться.

Влад подумал было, что это все, но ему предстояло увидеть последнюю и самую страшную картину, которую Родмила вознамерилась ему показать.

Раннее утро, свет только набирает силу. Повозка его подруги стоит у Деиной террасы. Родмила, закутанная в свой черный балахон, выглядит встревоженной и изможденной.

— Пошевеливайся спаситель невинных Ведов, — буркнула она, открывающей двери Деи. — Если Влад прознает, что я стащила его ключи, голову мне снимет.

Дея завернула в полотенце кусок хлеба и крынку молока, растолкала спавшего на ее диване в гостиной деда и, накинув плащ, вышла к повозке. Когда все устроились, она протянула узелок старику.

— На вот, поешь, пока едем.

— Благодарствую, — прошамкал старик, принимая узелок.

Влад видел, что прежняя Деина решительность пошатнулась. Пока Родмила правила повозкой, она, по-видимому, старалась победить все возрастающее чувство страха, нервно умаляя Родмилу, чтобы та гнала быстрее. Влад снова почувствовал, как его грудь стягивают тугие, стальные прутья.

Подъезжая к замку, ведунья скрыла примечательную компанию от любопытных глаз, как это уже делал Влад,

и к нужному месту они прошли тем же путем, что он однажды показал Деи. Вед обругал себя за то, что не стер из ее памяти этой роковой тропы.

Он представлял, как его драгоценная Дея возрождает в памяти свою первую прогулку по этим местам, как все ее мысли сводятся к его мрачному бледному лицу, черным безжизненным глазам, тонким рукам, надтреснутому голосу.

Почему? Почему ее не парализовало разочарование? Зачем она позволила его черному яду столь глубоко просочиться в свое сердце. Лучше бы она ненавидела его! Но Влад был убежден, что она не ненавидела, она просто хотела заставить его чувствовать то же, что и она — боль, отчаяние, надежду, трепет, желание, потерю. Влад знал, единственное, что придавало решимости Деи — это осознание того, что он захлебнется чувством вины.

Наконец, девушки остановились у последней из дверей.

— Ты готова? — спросила Дея ведунью. Та кивнула. — Хорошо. Как только мы откроем эту дверь, Вайесу станет известно о проникновении. У нас будет от силы полчаса, чтобы все сделать правильно.

— Ну и стерва же ты! — со злостью прошипела Родмила. — Почему я узнаю о таких подробностях только на месте.

— Иначе, ты бы не согласилась, — тихо и виновато отозвалась Дея. — Ну, что идешь?

Родмила с отвращением зыркнула на нее, но дверь все же отперла, вошла в темницу и замерла, пораженная увиденным.

— Ты все еще считаешь, что она заслужила такое наказание? — тихонько шепнула Дея на ухо Веде.

Та поежилась и подошла ближе.

— Мне нужно время чтобы прочесть эти символы. Здесь все не так просто.

— Приступай, — сказала Дея, усаживая старика на свой скомканный плащ.

Прошло десять мучительных минут, прежде чем Родмила заговорила.

— Есть осложнения.

— Какие?

— Я не смогу обменять тебя на старика, пока зеркало тебя не примет.

— Что значит примет.

— Ты войдешь в темницу, и она станет постепенно проникать в твое сознание, замещая нереальными образами твою память. Это позволяет поддерживать в заключенном жизнь. Когда вы сольетесь, оно станет питаться твоими эмоциями, аккумулируя тем самым собственную энергию, чтобы потом отдать ее тебе же,

когда ты встанешь на пороге смерти. Этакий своеобразный замкнутый круг. Ты кормишь ее, она тебя.

— Сколько на это нужно времени?

— От трех дней, до недели.

— Ясно. Как ты поймешь, что оно приняло меня?

— Твой образ помутнеет, как и ее, — Родмила указала на размытое, безвольно колыхающееся нечто, бывшее когда-то великой Ведуньей.

— Осталось ли в ней хоть сколько-то силы и рассудка, чтобы противостоять Ихаилю? — еле слышно прошептала Дея, но тут же тряхнув головой, отогнала малодушные мысли. — Начинай, — твердо сказала она.

Родмила не ответила, молча, приступила к ритуалу.

Дальше Влад уже ничего не увидел, потому что сознание покинуло его. Пришел в себя он от того, что Родмила поливает его холодной водой из кувшина.

— Ну как ты, жить будешь? — спросила она.

— Как ты могла позволить ей сделать это, — укорил ее Влад. — Ты ведь прекрасно знала, что сознание человека не может выдержать магической темницы.

— Ее доводы были довольно резонны, ты не мог этого не заметить.

— Но она же может остаться идиоткой на всю жизнь.

— Ой, это не помешает ей родить наследницу, кажется, она заботилась исключительно об этом.

— Родмила! — вскричал взбешенный Влад.

— Ты несносен!

— А ты не оригинальна в своих эпитетах. Ладно, кровное заклятье прошло успешно и нам осталось дождаться слияния Деи с зеркалом.

— Да, но старик очень слаб. А я уже больше не могу отлынивать от обязанностей. Все Веды отправлены на поиски этого Ихаиля и рыщут по полям и лесам, пока я пытаюсь продлить жизнь нашего ключа, поэтому начинать будем уже завтра.

— Родмила, Родмила, — шептал Влад, покрывая лицо девушки поцелуями, — Родмила, ты не представляешь, даже понятия не имеешь… — бормотал он.

— Да уж вижу, — она раздосадовано одернула руку, — верну я твою Госпожу, чтоб ее…

Влад отстранился, понимая, что его безудержная радость оскорбила чувства девушки.

— Что я должен делать? — спросил он уже спокойнее.

— Завтра заберешь у меня деда и проведешь обмен. Замки

там для тебя не сложные, думаю, разберешься. Сил, правда надо много, но если у меня получилось, то ты и подавно справишься.

— Не справлюсь, — признался Влад, опуская голову. — Я практически пуст, всю энергию матери отдал.

Родмила недовольно всплеснула руками.

— Придумывай, что хочешь, но меня в эту историю больше не впутывай. Я не хочу лишиться места в круге. Если Вайес узнает, что обмен произвела я, пусть даже по просьбе этой сумасшедшей, шкуру с меня сдерет. Все силы брошены на поимку Ихаиля, а он тут и не при делах.

Влад посмотрел на Родмилу умоляющими, полными отчаяния глазами, и она сдалась, тяжело вздохнув.

— Я помогу тебе провести старика в темницу, — обещал Вед.

— Как, если у тебя сил только на поддержание жизни? А я не могу с тобой поделиться, иначе мне их не хватит на вскрытие магических замков.

— Что-нибудь придумаю, отвлеку стражников и ты проникнешь внутрь.

— Без силы?

— Я лишен магических сил, а не мозгов.

— Ну, что ж, на том и порешили. Завтра как стемнеет, мы придем.

— Мне нужны более точные временные координаты.

— С девяти до половины десятого, — сказала Родмила, направляясь к воротам.

— Постой, еще один вопрос — сколько тебе в прошлый раз понадобилось времени, чтобы взломать замки и совершить обмен?

— На сам взлом и подмену я потратила минут пятнадцать, ну и еще столько же на прочтение замков, поэтому еле ноги унести успела. Мне повезло, что Вайес прибежал один, я накинула морок и незаметно вывела старика пока Вайес возился с бесчувственной Моритой. Но теперь у входа дежурит охрана, а под самой дверью торчат Стражи, которые почуют Веда, даже под мороком.

— Да, да их сюда за этим и поставили. Вайес надеется, что тот, кто все это устроил, вернется и его удастся сцапать.

— Если бы это действительно был Ихаиль, то зачем ему возвращаться?

— За своей Моритой — за женой, которая бросила его ради Багорта.

— Ну, дела, — проговорила Родмила, удаляясь.

— Спасибо тебе, — прошептал Влад ей в спину.

Глава 10

Дебют

Дебош

Свою работу Ян выполнял механически. Его личность как бы и не принимала участия в том, что он делал. Впервые за месяцы проведенные в Багорте он не испытывал ни радости от полетов, ни чувства собственной значимости или горячего прилива гордости от того, что ему доверили столь ответственную задачу (с которой не смотря на свою подавленность он прекрасно справлялся).

Город и Синий лес были окружены тройным защитным кольцом боевых птиц. Огромные черные сирэны кружили в небе, неустанно сверкая своими зоркими глазищами и стальными когтями. Сам Ян проводил в небе по шесть, а то и семь часов ежедневно, да еще по стольку же в своей башне Верховного Сагорта или на смотровой площадке. Получал послания от Ведов, переписывал увиденное овсянками, относил отчеты Вайесу.

Трехдневные поиски не дали никаких результатов. Ихаиля ни разу не видели, ни жители сел, ни Озерные девы, ни горный народ — никто. Ян стал было уже подумывать, что всезнающий глава Мрамгора ошибся, и не Ихаиля надобно было искать, а кого-то из своих Ведов, ведь говорил же заморский кудесник, что у него был соучастник в Мрамгоре. Но так никого и не разоблачив, они тогда пришли к выводу, что Ихаиль их просто надул.

Все старания Яна разобраться в этом вопросе, оборачивались неудачей, а все потому, что последние дни он не мог мыслить здраво. Мысли упорно возвращались к тонкому, белому личику Деи, к ее легким, воздушным касаниям маленьких рук, к волнительному изгибу ножек, к извилистому, податливому и такому отзывчивому телу, к шепоту, едва слышному, сбивчивому и вздохам. Все эти сладкие воспоминания, которыми он только изводил себя, перекрывал вновь и вновь всплывающий образ любимой: безвольно обвисший, плавающий в зеркально-эфемерном пространстве. Дошло до того, что он не мог переносить яблочного духа. Войдя раз в кухню, где тетушка Вдара пекла шарлотку, он сначала остолбенел, а потом пулей вылетел вон.

Дабы предотвратить помешательство единственного боевого Сагорта, глава Мрамгора заваливал его работой, не давая возможности погружаться в тягостные мысли настолько глубоко, насколько Яну этого хотелось. Только за полночь, когда ему полагался отдых, он мог позволить себе свидание с любимой. Правда побыть со своей драгоценной наедине не получалось,

проклятущий Вед торчал в темнице сутками. Ему в отличие от Яна, никто не мог приказать патрулировать город или заниматься корреспонденцией.

Когда Ян пришел в первый раз Влад неспокойно спал, привалившись к стене. Он не стал тратить драгоценное время на препирания и тихонько, стараясь не разбудить Веда, подошел к зеркалу так близко, как это было возможно.

Черная, вязкая, обволакивающая опустошенность завладевала им без остатка в минуты свиданий. В немом оцепенении он стоял у ее вялого образа, по несколько часов, и лишь крохотной птичкой билась в последней агонии затухающая искра. Но Ян понимал, что как только потеряет Дею навсегда, неспокойный, бурливый нрав сыграет с ним злую шутку. Уже сейчас он жалел, что Багорт не ведет ни с кем войну. Ему хотелось забыться в водовороте чужих страданий и потерь, погрузиться в чавкающее кровавое месиво, жрать чужую боль и страх, потому что сам он страха уже не испытывал.

Когда он выходил из подвала, чтобы забыться на пру часов, им овладевала грубая, животная жажда насилия не совместимая со сном. Но если ему и удавалось опрокинуться в забытье, обморочный облик Деи вдруг ясно вылеплялся перед ним, оживал в марионеточных конвульсиях, и Ян просыпался весь в бисерном поту.

В последующие ночи Влад молча выходил из темницы, благородно позволяя Яну побыть с его Деей наедине, и это великодушничество его бесило. Он был убежден, что теперь-то Дея уж точно принадлежала ему, даже после смерти она останется его и только его, а Нарцисса этого здесь вообще быть не должно. Единственной его отдушиной было наблюдение за тем, как уходит из Влада жизнь. Он с удивлением замечал, что его давнишнее желание сбывается: Дея все-таки заставила этого ледышку испытать весь калейдоскоп малоприятных эмоций. Только поэтому Ян не пытался выставить Влада, из их общей камеры добровольных пыток.

Шел пятый день заточения его любимой, когда в крепость ворвались овсянки с известием о том, что около входа в запретное крыло кто-то устроил заварушку. Звать Маюн времени не было, поэтому Ян со всех ног ринулся к северному крылу.

Когда он оказался на месте, дебоширов уже связали. Оказалось, что какая-то шпана будто бы прослышала о государственном перевороте и бросилась вызволять из замковых темниц своего Господина. Толпа оборванцев во главе с дерганным Ведом возбужденно драла глотки и устрашающе размахивала вилами и топорами, уверяя постовых, что затевается коварный

заговор.

Ян приказал подоспевшим охранникам, рассовать возмутителей спокойствия по старым камерам здесь же в запретном крыле, пока не подоспеет начальник стражи и не разберется с этими олухами. Когда возмутителей спокойствия связали он заметил, двух удаляющихся вглубь коридоров граничных Стражей.

— Эй, — окликнул он тех, — а вы, что здесь делаете? Вы разве не темницу охранять должны.

— Мы и охраняем, — спокойно ответил один из них. — Пока постовые дожидалась подмоги, эта толпа могла проникнуть в лабиринт.

— Да с этой швалью справились бы и караульные, — возразил Ян.

— Мы охраняем темницы от магического вторжения и должны реагировать на любую угрозу. Но это не тот Вед, которого мы ждем.

— Почему вы так решили?

— В нем силы не больше чем в люстре, — пояснил Страж, направляясь к своему посту. — Да и Вед он никудышный.

Ян последовал за ними, поражаясь, как они плывут по лабиринту, не касаясь земли.

— Сколько прошло времени с того момента как вы покинули свой пост?

— Минут двадцать не больше.

— Да вы с ума сошли! — возмутился Ян. — За это время можно Лувр ограбить не то, что в темницу залезть.

— Ели мы все правильно поняли, ограбить темницу невозможно. Мы лишь следим за тем, чтобы в подземелье не проникали Веды.

— Что же тогда здесь делает Влад?

— Он пуст, в нем силы ноль. К тому же сам Господин ему дозволил.

Когда они уже подходили к Деиной камере, стражи напряглись.

— Здесь еще один Вед, — шепнули они, подавая Яну сигнал, вести себя тихо.

Предвкушая поимку злоумышленника, парень крадучись добрался до заветной двери, но около нее оказался изрядно подпитый Влад. Он еле стоял на ногах и при этом еще пытался взломать дверь шпилькой.

— Ты, что здесь творишь, гнида! — завопил Ян.

— Я, пытаюсь попасть внутрь, ик, — Влад пошатывался и беспрестанно икал.

— Убирайся, пьяная скотина! — прорычал Ян.

— Ладно, ладно, — попытался успокоить его Влад. — Согласен, что не вполне в форме, и все же… — он посмотрел на Яна осоловевшими глазами.

— Пошел вон! — взвыл Ян, борясь с желанием размозжить Веду череп.

Влад поднял вверх руки, показывая всем видом, что, мол, сдается и поплелся к выходу, шоркая ногами и спотыкаясь.

— Эй, — окликнул его страж, — откуда в тебе сила, Вед?

— Восстанавливаюсь потихоньку.

— А если честно?

— Ну, приятель один поделился, а что?

— Ничего иди, только все знают, что нет у тебя приятелей. Осушил, небось, кого?

— Может и осушил, вам-то какое дело?

— Вайес узнает, будет суд.

— А мне плевать, ик.

— Ладно, проваливай, — великодушно позволили они, и Влад растворился в темных лабиринтах.

Глава 11

Долг

Долг

Они чуть было не попались! И главное, тому, чья бездонная глупость и топорность вызвала у Влада бешенство. Пришлось притворяться пьянчугой, пока сокрытая мороком Родмила с бесчувственной Деей на руках, жалась к стене, а потом еще и по-идиотски шарить ногами, заглушая шаги подруги.

Сразу за поворотом он освободил Родмилу от ноши и уже невидимый покинул подземелья. За стенами замка Деина спасительница предусмотрительно оставила повозку.

— Как ты это устроил? — поинтересовалась Ведунья, когда они были уже далеко от ворот замка.

— Приплатил одному хиловатому и жадному до серебра Веду за то, чтобы он устроил массовый дебош возле входа в крыло.

— А эти люди?

— Без понятия откуда он их понабрал. Надул, наверное, потому что нанимать этот скряга, точно никого не стал бы.

— Но их же будут судить! — возмутилась Родмила.

— Зато ты не раскрыта.

— Влад! — угрожающе проскрежетала девушка.

— Да ладно тебе, приведем нашу Госпожу в чувства, что-нибудь сообразим. К тому же, я все равно пообещал этому пройдохе, что вызволю его не позднее чем через три дня.

— И он поверил тебе, — хмыкнула Родмила.

— Конечно нет. Он слабый Вед, а не полный кретин.

— Ты что дал ему клятву? — ужаснулась Родмила.

— А что мне оставалось делать? Магия, постоянно бурлящая в жилах, сильно расслабляет, знаешь ли. А когда ее нет, очень сложно за столь короткий срок состряпать дельный план похищения узницы.

— Энергией тоже у него разжился?

— Нет.

— Ну, это уже слишком, Влад! Кого ты осушил? — укоризненно проговорила Родмила.

— Его сестру, — неохотно признался Влад. — Но она поделилась своей силушкой от чистого сердца. И потом, я ей немного оставил, так что недельку-другую и будет в норме, — поспешно добавил он, видя, как зеленеет лицо подруги.

— Ясно, — процедила Родмила, таким тоном, что Влад сразу понял — его добродетельная розочка догадалась о причине такой неслыханной щедрости.

Повозка накренилась, издав скрипучий стон и Вед услышал удаляющиеся шаги. Вместе с ушедшей Ведуньей пропал и морок

наведенный ею. Влад поморщился, оборачиваясь в пустоту, но окликать подругу не стал. Единственное, что его сейчас действительно заботило — это Дея.

Забрезживший свет надежды на ее спасение, гнал его в лес. Если русалки не смогут привести свою Госпожу в чувства, то никто другой и подавно с этим не справиться, рассуждал он, подгоняя лошадь. Он не знал какая магия в этих Озерных ведьмах, ведь они держали ее в строжайшем секрете и прознать про нее, можно было лишь оказавшись в их волшебном царстве. Правда те, кто там побывал, как правило, уже никому и ничего рассказать были не в состоянии.

Влад гнал повозку, торопясь к спасительному озеру. Когда он въехал в лес, который все эти дни был охвачен сонной одурью, его встретила серебристая лань. Он осадил коня и поспешно откинул полог, показывая безвольное тело их Госпожи, а затем снова припустил к воде. Лань последовала за ним, а вскоре послышались шорохи и хруст ломающихся веток — лес во всем своем живом многообразии, надвигался на него со всех сторон. Повозка грохотала и подпрыгивала на ухабах, еле вписываясь в повороты. Когда она со скрежетом подкатил к озеру, девы уже ждали.

Не говоря ни слова, Влад осторожно, стараясь не дышать, извлек из вороха тряпок тихую, измученную Дею и передал русалкам. Те молча, приняли ношу и тут же скрылись вместе с нею в своем таинственном, только им и ей ведомом глубоководье, а лес обездвижился в пронзительном безмолвии.

Тишина, смыкающаяся вокруг Влада, была абсолютной, неотвратимой, оголяющей перед ним самим его одиночество. Минуты двигались тягучие и тревожные и конца им, как думалось в тот момент Веду, не было. Когда на поверхности появилась голова Божены, он был уже словно хорошо протушенный в собственном соку карп.

— Спасибо, — произнесла русалка, выдергивая Влада из мысленного плена.

— Она будет жить? — спросил он с надеждой.

— Да, но ей потребуется твоя помощь. Дольше мы не можем держать ее у себя, скоро начнется необратимый процесс.

— Какой?

— Госпожа становиться одной из нас, но если покинет озеро, погибнет. Она еще слишком слаба, дай ей немного своей силы, — попросила Божена.

Влад обреченно опустил голову.

— Я дам все, что у меня есть, но боюсь, этого может не хватить. Я почти пуст, — признался он.

Божена обволакивала Влада своим голубым взглядом, благородя так, как это умеют только Озерные девы. И тут Вед неожиданно для самого себя сказал:

— Ты даришь свою признательность, а должна ненавидеть.

Глаза старшей девы широко раскрылись, в них промелькнул испуг. Божена вопросительно склонила набок свой красивый лик, а на поверхности стали появляться все новые и новые русалочьи головы.

— Я повинен в том, что вы лишились Госпожи на долгих семнадцать лет. А еще в том, что она пошла на столь отчаянный шаг ради спасения моей матери. Я слаб и я на вашей территории, — добавил он уже тише, как бы приглашая свершить над ним суд.

Воздух заколыхался от злобного, стрекочущего шипения, Озерные девы раскрывали свой истинный хищный нрав. Но Божена вскинула руку, и те приумолкли, не сводя с него гневных глаз.

— Мы слышали, что в наших бедах виновен Вед с другого континента, — проговорила старшая дева.

— Мы все делали вместе, — продолжал откровенничать Влад. — Но генератором идей, был все ж таки я. Ихаиль помогал мне, потому что его желание насолить Багорту, было еще более глобальным, чем мое — он жаждал стереть его с лица Хоры. Беда была в том, что я этого не знал.

— Ты выбрал дитя Синего леса, чтобы здесь все медленно умирало? — прошипела Божена. — Но зачем тогда помогал? Ведь ты единственный кому было не все равно, все эти годы.

— Нет, я не собирался лишать вас Хранителя, — запинаясь, проговорил Влад. — Я хотел ограничиться двумя детьми из крестьянской семьи. Они были нужны мне, чтобы освободить мать. То, что я совершил ошибку и украл не того ребенка, выяснилось слишком поздно.

Божена тяжело задышала, еле сдерживаясь от искушения убить Влада, над озером снова прокатилось шипящее многоголосое. Вед сидел на берегу с безоружно-опущенными руками и бесцветно взирал на разъяренных хищниц.

— Мы не убьем тебя по одной единственной причине, — проговорила русалка хрипящим шепотом. — Твоя смерть повредит сердце Госпожи.

Влад невольно усмехнулся, да так горько, что его самого передернуло. Не верилось ему, что Дея всерьез разгневалась бы на своих сестер за возмездие.

— Наши пытки и мрак темниц слишком слабое наказание, для твоего проступка. — продолжала говорить Божена, щуря свои

водянистые глаза. — Госпожа оказалась более изобретательна, — русалка лукаво улыбнулась, — твои печали еще не окончены. Но сейчас ты нужен ей, а значит и нам.

Влад кивнул, готовясь сделать то немного, что он еще мог.

— Я возьму с тебя плату за помилование Озерных дев, заметь, наше, не ее.

— Какую? — спросил Влад тихо, казалось ему была безразлична его дальнейшая судьба.

— Нам нужен тот второй. Мы хотим его живым.

— Понятно, постараюсь не убить, когда встречу.

— Если убьешь, займешь его место, — холодно ответила Божена и хлопнула в ладоши.

Началось плавное шевеление, воды закачались и в лазуревых переливах возник отзвук ее прелести. Как только Влад увидел белое пятно ее лица и расползающиеся по водной глади солнцеподобные пряди волос, порывисто встал и двинулся на встречу.

Русалки тянули свою Госпожу к берегу, еле сдерживая слезы, и когда Вед приблизился и заглянул в ее лицо, сам чуть было не содрогнулся от увиденного. Глаза Деи не излучали ни печали, ни боли, взгляд ее проваливался куда-то вглубь, в бездонность собственного я. Он коснулся ее лица и закусил губу, чтобы сдержать крик боли, а потом подхватил ее на руки и вынес на берег.

— Иди, Вед, — произнесла Божена, — исправляй содеянное.

И он пошел, а точнее побежал.

В дом он ее нести не стал, боялся, что помешают. Выбрав небольшую поляну, в центре которой возносился к небесам древесный великан — Отец леса, он поспешно освободил свою красавицу от мокрого платья. Тонкая, пергаментно-бледная и невыносимо далекая лежала она на темной, влажной траве, заставляя сердце Влада болезненно сжиматься.

Стянув с себя одежду, он обтер ее тело рубашкой, а потом завернул в свою накидку. Он хотел отдать ей всю силу, которой обладал, но в тот момент, когда она была уже на исходе, Дея остановила его. Она обратила к нему свой далекий, но уже не недосягаемый взгляд и тихо прошептала:

— Все.

Обессиленный он повалился рядом с ней. Так, еле дыша, они и лежали бумажными, коллажными вырезками на живой жирной земле, что питала их, пытаясь сделать выпуклыми, кровянистыми. Они принимали ее дар жадно и благодарно, наливаясь сочным травяным духом и энергией, что дремлет до поры в каждом живом ростке.

Дея пришла в себя первой, от того что лес настороженно замер, прислушиваясь к доносящемуся издалека топоту. Она бросила на Влада короткий взгляд и подползла к Отцу леса.

— Что происходит? — спросила она, приникая щекой к могучему стволу.

— Всадники, Госпожа, — ответил ей тот.

— Задержать, — приказала Дея, и весь лес пришел в движение.

Легкий ветерок прошелестел в листве и уже через десять минут каждый камешек знал, что всадников нельзя допустить к Госпоже, пока она сама не захочет их видеть.

Дея приблизилась к Владу, он лежал на спине, и вяло наблюдал за ее перемещениями.

— Кто меня вытащил? — спросила она слабым голосом.

— Родмила.

— Где она сейчас?

— Она хотела остаться в тени, — Влад говорил с трудом, любое действие требовало сил, которых у него сейчас практически не было. — Я привез тебя сюда, а твои девы уже привели в чувства.

— Ты отдал мне всю свою силу.

— Всю свою силу я отдал матери, тебе, к сожалению, досталось не так много.

— Много или мало, не важно. Это все, что у тебя было! Почему ты сделал это?

— Еще в темнице я понял, что моя жизнь тает вместе с твоей. Я сделал это не для тебя Дея, а для себя, потому что я хочу жить в мире, где есть ты. Не обольщайся на счет моей жертвенности. Все, что я делаю для других, на самом деле я делаю для себя.

— Как и все прочие, — проговорила Дея, стаскивая с себя накидку Влада, — одевайся.

Она бросила ему его одежду, а сама стала натягивать еще влажное платье.

Влад не шевелился, наблюдал за ней, любовался. Даже в изможденном состоянии она была прекрасна, юна, свежа, налита сладким розовым соком.

— Так бесцеремонно таращиться, даже для тебя перебор, — укорила Дея, застывшего, словно охотник Веда.

Влад попытался подняться на локтях, но тут же снова обмяк, руки предательски тряслись, не в силах удержать его отяжелевшую грудь. Дея подошла, и он позволил ей набросить на себя накидку, наслаждаясь ее легкими, заботливыми руками, мягкими волосами, что щекотали его шею и грудь и ее невысказанным, затаенным волнением.

— А ты? — спросил он, поднимая к склонившейся девушке свое лицо. — Ты, зачем освободила мою мать?

— Ответ тебе не понравиться.

— И все же, — попросил он.

— Твоя мать была сильнейшей Ведой в Мрамгоре. Ты сам сказал, что она единственная кто сможет урезонить Ихаиля, если тот и впрямь вздумает вернуться. И потом, я считаю, что в Багорте наказания для Ведов непомерно суровы. Ни один проступок не стоит той пытки, на которую ее обрекли.

— Не то, — протянул Влад, отрицательно качая головой.

Дея изучающе посмотрела на него, скривила рот в подобии улыбки, а потом все же ответила.

— Я хотела причинить тебе боль, — проговорила она спокойно. — Я ведь предупреждала — все будет по-настоящему. Помнишь?

Влад молчал, осмысливая степень ее одержимости той идеей, что заставила рисковать собой и лесом.

— Ты удовлетворена? — наконец, спросил он.

— Более чем. Твоя мука была мне пищей, пока я находилась в заточении. Она была той связью с реальностью, что не давала сойти с ума.

— Не могу признаться, что мне это доставило столько же удовольствия, — кисло проговорил Влад.

— В том-то и соль, — улыбнулась Дея. — Если бы ты наслаждался собственным страданием, оно не было бы для меня столь сладким.

— Что тобой двигало, Дея?

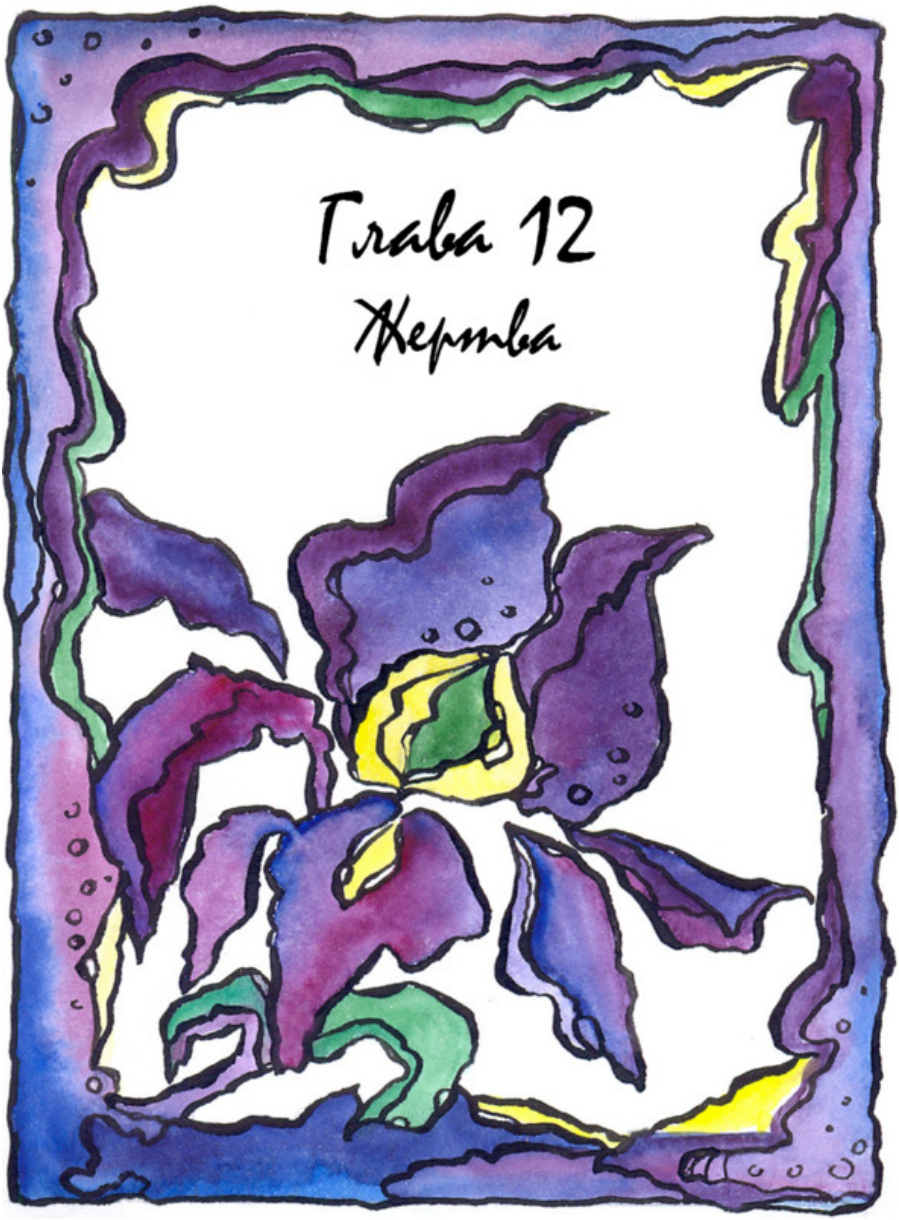
— Злость.

— Ты склонна к крайностям, моя красавица, — размышлял он вслух. — Ну что ж, рано или поздно тебя начнут одолевать страсти противоположные тем, что владеют тобою сейчас.

Дея хотела было ответить ему и скорее всего колкостью, но ее отвлек шум ломающихся веток. Кто-то прорывался-таки сквозь сомкнутые деревья. Недолго думая, она помогла Владу подползти к дереву.

— Спрячь его, — попросила она Отца леса, и дерево скрыло привалившегося к стволу Веда своими ветвями.

Только убедившись, что Влад в безопасности, она приказала лесу открыться.


Глава 12
Жертва

Жертва

Дея сидела в своей гостиной, так и не переодев мокрого платья, ждала Вайеса. Магия зеркала, что давлена над ней в темнице, оставила в душе девушки свой разлагающий след. Мысли были путанными, не оформившимися, не теми, а единственная стройная, навязчиво пульсирующая в ее восполненной голове была о Владе. Слабый и одинокий, он оставался в ее лесу пленником собственного благородства. Какой-нибудь следопыт мог наткнуться на него, поэтому первое, что она потребовала от Яна — это чтобы его помощнички возвращались восвояси.

Ян хоть и неохотно, все же выполнил ее просьбу. Потом он задавал ей какие-то вопросы, она невпопад на них отвечала. Разговор о том, почему Дея так рисковала, совершая обмен, они упорно обходили стороной. Девушка уже было подумала, что Родмила забрала ту записку, что она оставила приколотой к двери темницы, и никто до сих пор не знает, что она сама пошла на этот отчаянный шаг. Она решила, что так, пожалуй, было бы даже лучше, ей ужасно не хотелось выслушивать нотации друга, который и без того был не на шутку взволнован. Ян пытался одновременно и накормить, и переодеть ее, осыпал бестолковыми вопросами, трижды сообщил, что когда проник в темницу и увидел там вместо нее старика, чуть было не ополоумел.

— Ты даже не представляешь, что там началось! — стрекотал он. — Стражники носились взад и вперед как угорелые, начальник охраны распинал их на чем свет стоит, а сама охрана вообще одеревенела от ужаса. У наших действий обозначился вектор, лишь когда появился Вайес. Он единственный увидел послание. Правда на то чтобы его расшифровать, у него ушло почти три часа. И все это время я изо всех сил старался не спятить.

— Что было в послании?

— Только два слова — «она в лесу». Вайес послал лучших следопытов во главе со мной и Маюн, на твои поиски.

— Он точно приедет?

— Да, он выехал вместе с Горием вслед за нами, — Ян внимательно посмотрел на Дею. — Ты действительно не видела того, кто тебя выкрал?

— Я же уже тебе говорила, последнее, что помню — это как погружаюсь в вязкое, сковывающее сознание зеркало. Дальше провал. Очнулась на поляне, незадолго до того как один из твоих

верзил ввалился на нее и истоптал мои семицветы.

— Ладно тебе, не сердись, он ведь нашел тебя — это главное. Вайес ему за это благодарность выпишет, — Ян сел у ее в ног и обнял за колени. — Дея, может, ты все-таки переоденешься?

— Вот поговорю с Вайесом и переоденусь, — отрезала она. — Что же он так долго, может мне к нему навстречу выйти?

— Не говори глупостей, ты еще слишком слаба! — возразил Ян, растирая ее озябшие руки.

Дея заслышала приближающуюся повозку еще до того, как она подъехала к дому и попросила Яна, приготовить ей ванную. Пока ее друг наливал горячую воду, старательно вспенивал мыльный раствор и копошился в склянках с маслами, Дея прошмыгнула на улицу, и как раз в тот момент когда, к крыльцу подъехала повозка. Из нее вышел Вайес со своим несменным помощником, и девушка обрадовалась, что больше никого не придется выпроваживать.

Не тратя драгоценное время на приветствия и разъяснения, она попыталась отправить Вайеса к Отцу леса.

— Там Влад, — шептала она, задыхаясь от волнения. — Он очень слаб, ему нужна помощь Гория.

Девушка рассчитывала, что глава Мрамгора тут же броситься к сыну, но его настолько обескуражило упоминание о нем, что он просто одеревенел, врастая в Деин газон. Слава звездам, Горий его примеру не последовал, а подошел к Деи и посмотрел на нее с таким выражением, с каким обычно анализируют степень душевного недуга, спросил:

— Как Влад здесь оказался?

— Он привез меня из подземелья, отдал русалкам, а затем поделился своей силой, — Дея сглотнула. — Сверх меры.

— А вытащил вас оттуда тоже Влад?

— Нет, — Дея опустила голову, — Я не могу открыть вам имя человека, который помог мне с обменом. Он пожелал остаться в тени.

— С этого места, если можно поподробнее, — пришел-таки в себя Вайес.

— Я сама пожелала вызволить Мориту. Меня никто не похищал, не принуждал и не уговаривал. Это была моя идея, от начала и до конца, — отчеканила Дея.

Глава Мрамгора навис над ней, всверливая свой железный взгляд. «Ну прям как Влад», — мелькнуло в голове у девушки.

— Вы расскажете мне об этом позже, когда я найду сына, — прозвенел он металлическим голосом, и довольно прытко взлетел на козлы.

Как только Вайес и Горий уехали, Дея вернулась в дом, Ян

как раз спускался с лестницы.

— Что ты забыла на улице? — сердясь спросил он.

— Услышала шум, думала это Вайес, но нет, показалось, — врала она без зазрения совести. — Идем купаться?

Ян кивнул, и подхватив ее на руки, понес ее в ванную. Высвободил из почти уже высохшего платья, опустил в медную посудину и стал обливать теплой водой.

— Что-то Вайес и впрямь долго? — размышлял Ян, намыливая Деи голову.

Девушка не отвечала, она растворялась в горячей воде и аромате масел, думая — как же на самом деле мало надо человеку, чтобы почувствовать себя счастливым. А Ян тем временем уже вооружился губкой, приступая к ее ножкам.

— Вот сейчас я тебя намою, в кровать уложу, — приговаривал он, целуя каждый ее пальчик, — и все у нас будет как раньше.

И тут у Деи в голове звякнул неприятный щелчок. Это знакомое словосочетание, это навязчивое «как раньше», уже однажды вторгалось в их жизнь. Тогда их мечтаниям не суждено было сбыться, не сбудутся они и сейчас. Это понимание выросло перед ней, словно встречная повозка на повороте — неизбежное, неотвратимое, пугающее.

«А если не как раньше, то как?», — думала она, погружалась под воду с головой, чтобы друг не заметил ее растерянности.

Накупав свою куколку, Ян выудил ее из ванной и принялся обтирать полотенцем, закутывать в пеньюар, причесывать волосы. Когда он уже взбивал пуховую перину в двери громко и требовательно постучали. Дея направилась открывать, но Ян ее отстранил.

— Я сам, а ты живо в постель.

Но стоило Яну спуститься, она последовала за ним.

Вайес и Горий были уже в доме. Верховный Хранитель отдавал какие-то распоряжения, Ян пытался протестовать.

— Ян, Деи сейчас нужен сон и покой, сидеть и глазеть на свою спящую красавицу, будешь в другой раз, — урезонивал недовольного парня лекарь.

— Отнеси это послание Тоилу и приступайте к работе, — Вайес протянул Яну белый запечатанный квадратик. — Завтра ты уже сможешь вернуться сюда, а сейчас тебя ждет служба. Давай, давай, не заставляй меня упрашивать.

— Вы забираете Яна, — вмешалась Дея.

Парень развернулся и вперил в девушку раздраженный взгляд.

— Я же просил оставаться я в постели!

— Мы о ней позаботимся, — уверил Яна Горий. —

Ступай уже.

Ян смял в недовольной гримасе губы и, поцеловав Дею в макушку, прогрохотал на улицу.

— Что за срочное дело? — спросила девушка.

— Государственное, — отмахнулся Вайес. — Это вы приказали Отцу леса стеречь Влада.

— Да, а что?

Вайес пожевал губы.

— Ели забрали его. Ну да ладно, не в этом дело, я хотел вас просить… — он замялся, — приютить моего сына на одну ночь. Он очень слаб и дорогу до замка может не выдержать.

— Для этого вы выпроводили Яна? — спросила Дея, щуря глаза.

— Не только, — уклончиво ответил Вайес.

— Ведите его, у меня наверху как раз готова постель.

Вайес кивнул, и они с лекарем скрылись в дверях, а через пять минут Влада уже внесли в дом. Он действительно был слаб, страшная сизая маска обрамляла полуприкрытые глаза, черты лица заострились, а кожа натянулась серой, прозрачной калькой. Единственное, что было в нем живым — это крупные бусины испарины, выступавшей на лбу. Жизнь уходила из него, медленно, но неотвратимо.

Мужчины уложили больного на кровать, а Дея скрылась в ванной, чтобы принести полотенце и воду. Когда она вернулась с кувшином в руках, Влад уже даже не силился открыть глаза, лежал иссохшим подобием того полного мысли и чувства юноши, которого она когда-то знала.

Дея сделала несколько шагов в сторону постели, отчего-то они были очень трудны.

— Он спит, — успокоил ее лекарь. — И вам бы не помешало. В вашем случае сон лучшее лекарство. Я оставлю вам пузырек, примите пять капель и отдохните хорошенько. А утром я к вам заеду, привезу тонизирующей настойки.

Девушка с сомнением разглядывала пузырьки, что обосновались на ее прикроватной тумбе.

— Дея, это просто травы, — увещевал лекарь.

— Вам не хуже меня известно, что просто трав не существует. Чем вы опоил нашего любителя простых трав?

— Слабым раствором дурман-травы. Очень слабым.

— Ему нельзя этого!

— Ему нельзя без этого! Сейчас нельзя. — Горий обратил на Дею внимательный взгляд, — осуждаете?

— Вы подсадили его на эту дрянь?

— Нет, но я виновен в том, что в свое время не отучил его

от нее. Я решил, что дурман не так страшен для него как смерть от переизбытка чувств. В конце концов, он не просто человек, не забывайте об этом, — Горий потупился, не выдержав тяжелого взгляда Деи.

Девушка вспомнила, как еще несколько месяцев назад они откачивали Влада после приема таких вот капелек.

— Поверьте, это не самое пагубное из его пристрастней, — продолжал увещевать Горий.

— Что может быть пагубнее?!

— Любовь к вам, — тихо проговорил лекарь, а помедлив добавил. — Наркотиком может стать все что угодно.

Он бросил на девушку тревожный взгляд и вышел. Проводив его, Дея неуверенно села на край кровати, убрала липкую прядь со лба больного и принялась механически вытирать его лоб полотенцем. Вайес все это время сидел в кресле и нервно потирал виски.

— Вы объясните мне, что на самом деле произошло? — наконец, подал он голос.

— Да нечего тут объяснять, — устало проговорила Дея. — Я попросила одного Веда об услуге, он не сразу, но все же согласился помочь мне. Мы нашли человека, которому жить оставалось не больше месяца, хорошо ему заплатили и провели ритуал. Сегодня вечером этот человек, занял мое место в темнице. Вот и вся история.

— Зачем заключенному деньги? — рассеянно проговорил Вайес.

— У него осталась семья.

— Ах, ну да, конечно, — Вайес застыл, словно восковая фигура.

— У меня в гостиной есть диван, — нарушила молчание Дея, — если вы хотите остаться с ним, я вам там постелю.

— Нет, нет спасибо, — встрепенулся он, — вам ведь и самой надо выспаться, а меня ждут дела. — Он поднялся и уже в дверях все же спросил. — Зачем вы это сделали?

— Влад сказал мне, что Ихаиль вернется, а так же дал понять, что никто из наших Ведов не в силах с ним справиться. Вот я и решилась на отчаянный шаг, ведь Морита была одной из выдающихся кудесниц Мрамгора, к тому же женой Ихаиля.

— Только поэтому?

— Нет, не только. Я услышала историю Мориты еще в день турнира, она меня тогда сильно потрясла. Я подумала, что если бы у меня была возможность помочь этой женщине, я бы обязательно это сделала. Я еще не знала, что только у меня она и была — возможность эта.

— Вы рисковали жизнью ради человека, которого даже не знали?

— Я жертвовала своей жизнью ради справедливости.

— Справедливости одной на всех не бывает, Дея.

— Я с вами соглашусь, но попробуйте объяснить это Веде, которую осудили на вечную пытку за то, что она пыталась помочь людям.

— Почему вы не поделились своими соображениями со мной, почему решили все сделать в одиночку?

— А вы позволили бы, последней из рода Ладгальд пойти на это?

Вайес отрицательно покачал головой, Дея так же ответила ему немым кивком.

— Спасибо вам, Дея, — проговорил он сдавленным голосом. — Вы не только не стали лишать меня сына, но и вернули мою Мориту. А между тем, именно эти двое исковеркали вашу с Яном жизнь.

— Не говорите глупостей, — прервала Дея Вайеса. — Морита не сделала мне ничего плохого, а Влад… — она посмотрела на расслабленное лицо Веда, — Влад заплатил за свою злобу.

Вайес еще раз поблагодарил ее и скрылся в дверях.

— Постойте, — окликнула его Дея. — Она будет прежней?

— Со временем. Благодаря вам и Владу у нее есть на это все шансы.

Дея улыбнулась.

— Что ж, значит, все было не напрасно.

Вайес и Горий уехали, оставив ее наедине с одурманенным Владом. Он лежал тихий и недвижимый, лежал там, где прежде бывал только Ян. Неестественная, неживая обстановка эта довлела над Деей. Занявшие ее тумбу пузырьки источали едкий удушливый запах, а когда-то прекрасное тело Веда пугало матовой блеклостью. В ее дом, который прежде дышал радостью и страстью, пробралась смерть со всей своей неприглядной естественностью. Она нависала над ее постелью, сочилась сквозь щели, пропитывая своим смрадом стены и ткани. Она ждала, подгадывала момент, чтобы отобрать у Деи то, что было ей бесконечно дорого.

Не в силах находиться в этом крематории желаний, она накинула плащ прямо поверх пеньюара и отправилась к Отцу леса. У своих дверей девушка обнаружила молчаливую черную собаку, Пес Влада терпеливо ждал хозяина. Дея впустила его, позволив растянуться у ног Веда. Ее тронула преданность этого косматого чудища, и стало спокойней, все ж не одного она его оставляет.

Отец леса стоял могучий и величественный, казалось, ничто не могло поколебать его спокойствия. Этот пятивековой гигант стал для Деи символом жизни. Дерево — брат человека, думала девушка, разглядывая его исполинский ствол и крючкоподобную сеть выступающих корней. Оно так же, как и люди, вынуждено жить в границах материального, должно держаться поверхности, цепляясь за нее всеми силами, уходя вглубь сокрытого, неведанного, темного, но и стремиться к бесконечности, к свободе.

Отец леса давал ей силы, знания, поддержку. Побыв со своим доверенным наедине, она восстановила изможденное тело и успокоила сердце, а затем направилась к Озерным девам.

Несмотря на поздний час русалки не спали, ждали ее прихода. Стоило их Госпоже показаться на поляне у озера, как они оживились, защебетали на все лады о том, как Влад принес ее к ним чуть живую, как ждал сидя на берегу, как признался потом, что виновен во всех их бедах.

— И что вы теперь обо всем этом думаете? — с тревогой спросила она.

— Мы не тронем того, кто дорог тебе, Госпожа, — пропели русалки, — мы потребовали у него второго Веда, того, что ему помогал.

— Что вы с ним будете делать?

Русалки ехидно заулыбались, скаля жемчужные зубки, и Дея поняла, что Ихаилю можно будет только посочувствовать, если он к ним попадет. Эти миловидные хищницы, намеревались превратить его существование в нескончаемую пытку.

Дея провела у русалок всю ночь. Несколько часов она проспала в озере, под чутким надзором самой Божены, а потом встретила рассвет, слушая их новые песни о темноволосом юноше, чьи глаза, словно синь их озера, о рослом дровосеке, что взял в жены не молодую, но горячую деву, о смельчаке копьеносце и многих других. Были баллады и о небесном Сагорте, подарившем их Госпоже Пасть дракона, и о пирах, и о танцах, и о сражениях. Озерные девы мастерски складывали стихи, повествуя обо всех событиях своей жизни. Они умели и знали столь многое, что Дея не переставала восхищаться этими чудными красавицами, ужасаясь, что их существование еще недавно было под угрозой. И все из-за Влада, которого они великодушно пощадили только потому, что их Госпожа была неосторожна и увлеклась их обидчиком.

Деи еще предстояло разобраться в сложных взаимосвязях и законах, благодаря которым она — неразумная и неопытная девчонка носит титул Госпожи и Хранителя. Но теперь она

осознавала сколь многое ей вверено и как велика ответственность за это место, за саму жизнь и гармонию в этом пространстве.

Стыд за детское ребячество и безответственность, за самонадеянность и необузданную лихость, с которой она поставила на кон все, чтобы удовлетворить свои личные прихоти, вдруг заставил Дею почувствовать себя такой маленькой и глупой, что она как заведенная стала убеждать русалок, в недостойности зваться их Госпожой.

— Бремя Хранителя слишком сурово. Никто не справлялся с ним безупречно. Мы не требуем от тебя отречения от самой себя, мы понимаем, что ты человек, а значит должна жить полной человеческой жизнью. Лес может лишь благодарить за твою заботу и те силы, что дает ему твое присутствие, — отвечала ей Божена. — А сейчас ступай, тебя ждет мужчина, которого ты оставила в своей постели одного.

— Божена! Эту постель я раздела только с Яном.

— Это не значит, что так будет всегда, — спокойно ответила та.

Когда Дея вернулась в дом, Влад уже проснулся. Сидел там, где она его оставила, такой же пергаментно-хрупкий, но живой. А на лице при ее появлении забрезжила его всегдашняя, лукавая усмешка.

— Я спал в твоей постели, — сообщил он. — Думаю после этого, я обязан на тебе жениться.

— Странно, что ты все еще холост. Ведь если бы таков был твой истинный жизненный принцип, тебе бы пришлось взять в жены половину Мрамгора.

— В чужой постели я не засыпал еще ни разу.

— Это существенно меняет дело.

Влад не нашел, что ответить на ее нарочито холодный тон и попытался встать, но оказался для этого подвига слишком слаб. Дея кожей ощущала его гнев на свою беспомощность, а может это был ее собственный гнев на себя, ведь рядом с ним она становилась похожа на тряпичную куклу, податливую и безвольную. Рядом с Яном тоже происходило нечто подобное, но его влияние распространялось, лишь на грубое телесное. Влад же походил на мороз, что сковывает течение быстрой реки, обездвиживая ее всю.

Их молчание сгущалось, довлея над ними, выжимая то, что должно было рано или поздно выйти наружу.

— Иногда мне кажется, будто ты пропустила мою жизнь через сито, оставив лишь то, что связано с тобой, — заговорил Влад глухим голосом. — Все прочее развеялось как мука, и только воспоминания о тебе лежат на дне моего сердца застрявшими

камушками. Ты уничтожила все, что прежде было значимо для меня, оставив лишь себя. Ты заноза в моем сердце, Дея. Заноза!

— Болезненная и раздражающая, от которой хочется избавиться?

— Иногда это действительно так, — проговорил он, роняя взгляд на простыни.

Дея пыталась поймать этот взгляд — притворно-равнодушный, который он напяливал, когда старался скрыть подлинность, готовую проступить наружу, как проступает из раны кровь. Но Влад упорно изучал складки на ткани. Загнанный в капкан собственной потребности высказаться он больше не прятался. Ранимый и беспомощный в этом плену простыней, он не смел, поднять на Дею глаз. Она же, чувствовала себя побежденной и уже знала, что была обречена на него еще с момента рождения.

— Ты все еще хочешь видеть меня корчащимся в муках совести? — спросил он, так и не поднимая глаз.

— Не знаю, — ответила она промедлив. — Ты меня осуждаешь?

— Не мне винить тебя за это желание. Я согласен на что угодно, лишь бы твоя игра не заканчивалась, — проговорил он тихо и, наконец, поднял на нее глаза.

Испугавшись откровенности, которая так отчетливо еще никогда во взгляде Влада не проступала, Дея отгородилась от него небрежной репликой:

— Так понравилось?

— Совсем не понравилось, — признался он. — Но это делает нас ближе, а я хочу понять тебя, исследовать, изучить! — с жаром выпалил он. — Раньше я стремился изучить природные явления, понять тайну мироздания, теперь же я хочу познать тебя. Ты мой неразгаданный феномен, Дея.

— Ты воспринимаешь меня как очередной объект научных изысканий? — разочарованно воскликнула Дея.

— Самый важный объект, самый интересный и необъяснимый, самый противоречивый и загадочный, самый желанный, — изрек он, вкладывая в последнее слово тонну нежности.

— И все же, объект исследования, который станет не интересен, как только его изучат.

— Дея, каждый человек — это целая Вселенная, его нельзя изучить до конца.

— Но можно потерять интерес.

— Интерес можно потерять к чему или кому угодно. В человеческих отношениях никто и ни от чего не застрахован.

Почему тебя так покоробило то, что я хочу узнать тебя, ведь когда-то и ты хотела того же, помнишь?

— Я просто думала… Нет, не важно, пусть так.

Влад улыбнулся той самой улыбкой, какую она хорошо знала — улыбкой взрослого, который видит, что ребенок хочет скрыть от него очевидное.

— Ты думала, я влюблен в тебя, — проговорил он, продолжая улыбаться. — Что ж, это действительно так, но от этого я не перестаю быть тем, кем всегда являлся. Люди не меняются, Дея. По крайне мере не в одночасье.

— Кем ты не перестаешь быть, чокнутым ученым? — спрашивала она с издевкой, стараясь заглушить дребезжащее сердце.

Ее поразило, как легко он признался ей. Так просто и не затейливо, словно о погоде говорил.

— Тебя я слышал, тоже называют сумасшедшей, — отпарировал он. — Что ж, у нас есть все шансы стать идеальной парой.

— Потрясающая наглость! Сначала он крадет меня, чтобы сделать ключом, потом отправляет в чужой мир, а когда возвращает еще и соблазнить пытается, — бушевала Дея.

— Согласен, даже для меня перебор. Но поделать ничего с собой не могу, поэтому использую весь свой потенциал, и рано или поздно ты сдашься.

— Узнаю прежнего Влада, — ухмыльнулась Дея. — Применишь весь свой талант заправского ловеласа?

— Это вряд ли, — усмехнулся он. — Я совсем не умею соблазнять девиц.

— Шутишь?

— Вовсе нет. Я не совратил ни одной девушки, а те, что мне доставались, соблазнялись какими-то напридуманными ими же образами, которые они старательно на меня напяливали. Как только эти пташки понимали, что я вовсе не принц, превращенный в нелюдимого циника, их словно ветром сдувало. Ты единственная не пыталась подогнать меня под вымышленный идеал, — он неуклюже подполз к ней. — Дея, ты не можешь отрицать того, что уже случилось. Я же помню как все было, когда мы еще не знали кто мы! Ты была просто девушка, я просто Вед с плохой репутацией.

— Да, я слышала, как тебя называли королем порока, — проговорила она, все же опускаясь на кровать подле него. Не потому что ей этого хотелось, а потому что было невыносимо видеть его таким жалким, беспомощно тянущимся к ней. — Почему люди не могут принять тебя, ведь среди них тоже всяких

чудаков хватает?

— Думаю потому что я сам не могу их принять. В этом корень всех моих бед, — он не удержался от смеха и тот получился хриплым, ломаным. — Они постоянно пытаются представить меня марионеткой, над которой властны лишь низменные желания, напоминая мне, что добродетель — это стремление воли.

— Так же, как и отказ от нее, — бесцветно проговорила Дея.

Влад благодарно посмотрел на нее, неуверенно продвигая свою высохшую кисть к ее румяной руке.

— Да, чтобы прослыть беспринципным подонкам в мире, где почитают добродетели, надо обладать хоть толикой смелости. Только ты способна признать это.

— Признать не значит принять. Меня не интересует, зачем ты так упорно пытаешься казаться не тем, кем являешься. Больше не интересует, — произнесла Дея, одергивая руку, когда пальцы Влада коснулись ее запястья.

— Что мне сделать, чтобы вернуть тебя? — спросил он, разглядывая свою пустую ладонь.

Дея выдержала холодную паузу, а потом все же ответила.

— Уже ничего. Я больше не люблю тебя, Влад, — проговорила она тихим, сдавленным голосом, вставая с постели.

— Но это же не правда, не правда! — кричал он, путаясь в простынях и пытаясь остановить уходящую Дею. — Человек, которому все равно, не хочет причинить другому боль… — доносилось из-за закрытой двери.

Дея убегала из собственного дома, убегала от того, кого она уже почти ненавидела, потому что он ослабил ее волю до предела, разворошил сердце, выудив запрятанное в самый далекий, запретный угол желание. Влад хотел обокрасть Яна и ее саму — лишить любви. Живой, горячей, безудержной любви, которую дарил ей Ян и не мог дать он.

Дея окликнула Дорену и как была в плаще, накинутом на пеньюар, поскакала в замок. Яна она нашла в башне Сагортов. Он был один, сидел за кипой бумаг, привязывая к лапкам овсянок маленькие беленькие квадратики, исписанные его неровным почерком. Не спрашивая занят ли он, Дея согнала птиц, и прежде чем он успел удивиться, накинулась на него словно голодная львица.

Позже, когда им стало тесно и душно в маленькой башне, где теперь царил страшный беспорядок, они оставили ее. Ян нес румяную и утомленную любовницу на руках, нес в свою спальню, чтобы уже не выпускать из нее до самого заката.

Глава 13

Акт возмездия

Акт возмездия

Дея чувствовала, что некая непреодолимая сила уже разъединяет их с Яном, поэтому как могла, оттягивала возвращение домой. Она пыталась насладиться каждой минутой проведенной с ним, вобрать в себя все мельчайшие подробности его образа.

За годы проведенные вместе они основательно срослись, как срастаются два стебля вьюнка, образуя единое витиеватое кружево, а теперь безжалостная рука судьбы раздирала это плетение, рвала, калечила, уничтожала. Ян же, с которым находиться рядом, было так же легко как дышать, даже не подозревал об их участи, беззаботно предаваясь мечтам и строя планы.

Дея смотрела на его родное, мужественное лицо и думала о том, что была непозволительно эгоистична, нуждаясь в нем. И это страшно мучало ее, поэтому домой она возвращалась с тяжелым сердцем, продолжая прокручивать в голове одну и ту же мысль — она опять обманула своего друга, она наказала Яна, наказала за любовь. И наверное чувство вины вконец отравило бы ее, не отвлекись она от своих мрачных дум.

Выехав на поляну и, завидев на горизонте синюю полоску своего леса, Дея почувствовала, что там твориться что-то неладное. Пустив Дорену в галоп, она мчала к своему дому во весь опор, а когда подъехала ближе, поняла — беда уже не просто на пороге и даже не в сенях, она прокралась в сердце дома.

Лес ощерился, сплелся в единый непроходимый комок, а над кронами деревьев носился ветер, срывая с ветвей листву, обнажая и обезоруживая хрупкие молоденькие деревца. Дея пролетела на своей кобыле меж расступающихся пред ней ветвей и кинулась к ближайшему дереву.

«Ихаиль в лесу! Русалки!» — прошелестело у нее в голове.

Не раздумывая ни секунды, Хранительница бросилась к озеру. Она не знала, что может против Веда, которого опасался сам Влад, но нечто безотчетное, непознаваемое гнало ее на защиту своей земли и семьи. А когда она добралась до главной ценности леса чуть было не окаменела от увиденного.

Разбушевавшийся Вед, воплотил один из самых страшных Деиных кошмаров, заморозив ее озеро. На его неровной, заиндевевшей поверхности карикатурными льдинами застыли в разных позах, пытающиеся вынырнуть русалки. Те, что остались под водой колотили хрупкими кулачками по льду, силясь

вызволить из ледяного плена своих сестер. А сам Ихаиль тряс еле стоящего на ногах Влада, отпинывая кидающуюся на него черную псину.

— Где Морита?! — орал он ему в лицо. — Где твоя мать, ублюдок?!

Влад не отвечал, получая за это электрические разряды. Досталось и собаке вцепившейся в сапог Ихаиля, она теперь лежала у его ног, поскуливая и дергая лапами.

— Я отведу тебя к папеньки и предложу обмен, — угрожал Ихаиль. — Посмотрим, кого он больше любит непутевого сыночка или мою жену. А потом я изничтожу…

Договорить Ихаиль не успел, потому что в этот момент разъяренная Дея кинулась на него и, подняв на дыбы Дорену, сбила с ног. Он откатился к озеру, а девушка уже спрыгнув с лошади, бежала к своим замороженным девам.

Не помня себя от гнева, она ударила кулаком по твердому льду, вложив в это движение всю ненависть к Ихаилю и любовь к своим сестрам. И как это уже однажды случалось, вокруг нее с бешеной скоростью закружила воронка. Девушка чувствовала все нарастающую связь с неведомыми ей силами, которые, казалось, только и ждали того, чтобы она их призвала. И Дея сделала это, осознавая, наконец, в чем истинная суть Хранителя. Она выпустила на волю древнюю, могучую силу стихии, противостоять которой мало кто смог бы.

Ураган нарастал, сбивая с ног пытающегося подняться Ихаиля, лед стал крошиться и таять — ее воля ослабила магию чужака. Деревья тянули к возмутителю спокойствия свои корявые сучья, но Вед был силен и хоть и не мог подняться и открыто нападать, оборону держал хорошо.

Убедившись, что ледовые оковы спадают и Озерным девам больше ничего не угрожает, она стала наступать на врага. Тот запустил в нее сгусток черной энергии, и Дея едва успела увернуться, потеряла равновесие и ушла под воду. Но на помощь к своей Госпоже уже плыли русалки, не скрывая своей хищной ипостаси. Их зубы ощерились, когти вытянулись и заострились, волосы тугими лентами опутывали ноги, удирающего Ихаиля. Они шипели и скалились, утаскивая тщетно отбивающегося Веда.

— Стойте, — послышался слабый окрик.

Вынырнувшая Дея обернулась.

Кричал Влад. Покачиваясь, он подошедший к ней. На обнаженном торсе, были видны следы пыток, что оставил ему Ихаиль, волосы спутаны, костяшки пальцев кровоточат, но взгляд прежний — уверенный и сильный.

— Он слишком опасен, даже для них, — пояснил Влад. —

Отдавать русалкам Ихаиля полного магических сил не безопасно.

— Что ты предлагаешь? — настороженно спросила Дея, сжимая свои пальцы на горле пленника.

— Я не предлагаю, я прошу пару минут.

Девушка кивнула, и Влад приблизился к повязанному по рукам и ногам Веду. Он присел на корточки подле своего врага, беря его лицо в свои ладони.

— Не смей этого делать, щенок! — зарычал тот.

Но Влад не стал тратить ни силы, ни время на разглагольствования, а просто выкачал из Ихаиля большую часть силы, бросив русалкам обмякшее тело.

— Вы просили отдать его живым, он жив, — проговорил Влад бодрым голосом, — но это ненадолго. Если конечно он не разживется где-нибудь магической силой. Поэтому, настоятельно рекомендую, держать любые артефакты, которые у вас только есть подальше от этого кудесника.

— Нет у нас никаких артефактов.

— Тем лучше, поиграетесь, а потом слопаете на ужин. Уже решили, кому достанется сердце врага?

— Не твое дело, — прошипели русалки, утаскивая добычу.

— Да, дамочки с характером, — проговорил Влад, подходя к Деи своей грациозной, ленивой походкой.

— Почему ты не убил его?

— Твои прелестницы пообещали мне, что я займу его место, если он умрет. А ко мне как-то вдруг, вернулась жажда жизни, — он размял шею, плавным поворотом головы.

— Да, вижу, — она оценивающе осмотрела его сверху донизу.

Кожа вновь приобрела мраморную прозрачность и свежесть, скулы оделись в кармин, а глаза блестели и улыбались, отражая ее рыжену.

— Узнаю прежнего Влада, — проговорила она, завершив осмотр.

Он хмыкнул, криво улыбнулся, а потом поднял на нее свои невозможные, утягивающие на самое дно глаза и, поймав растерянный Деин взгляд, взял его в плен, не позволяя отвести в сторону.

— Должен признаться, — проговорил он продолжая распинать ее своим насмешливым и в то же время тяжелым взглядом, — что предыдущая неделя не войдет в ипиcок лучших в моей жизни, не смотря на то, что я провел ее рядом с тобой.

— А какая войдет? — стараясь придать тону небрежность, бросила Дея.

— Думаю та, что еще впереди, — проговорил он, хитро улыбаясь. — Ее я тоже планирую провести с тобой, только на этот

раз ты не будешь мутным отражением самой себя, ты будешь моей любовницей.

— Опять за старое? — раздраженно выдавила Дея, и Вед чуть отшатнулся, почувствовав, как ее растерянность уступает место злости.

— Ты великолепна в гневе, моя Госпожа, и все же я предпочитаю, чтобы он был направлен на кого-нибудь другого.

— Тогда и думать обо мне забудь!

— Не могу, — прошептал он, ехидно щуря глаза и наклоняясь к ее уху. — Я получу тебя, моя красавица, чего бы мне это не стоило, ты и сама это знаешь, — прохрипел его тихих, будоражащий голос.

Дея знала, знала потому что он уже почти сделал это, оставалось только сломить ту последнюю преграду, которой она от него заслонялась — Яна. Ее затрясло от одной мысли о том, что Влад мог разрушить их юную, безудержную страсть. А Вед бросил на нее короткий взгляд и скрылся в тени деревьев, унося вялое тело своего преданного Пса.

— Божена, — позвала девушка, когда шаги Влада смолкли.

— Да, Госпожа, — откликнулась вынырнувшая русалка.

Руки ее были изодраны, на скуле малиновым бликом красовался кровоподтек.

Дея торопливо зашла в воду и осмотрела свою сестру.

— Большие ли потери?

— Шесть дев пострадали от обморожения, но они поправятся.

— Что здесь происходило, пока меня не было? — стыдливо спросила Дея.

— Не кори себя, Госпожа, мы сами виноваты в том, что навлекли на себя его гнев. Он пришел незадолго до твоего появления, хотел проверить, верен ли слух о том, что Синий лес опять остался без Хранителя.

— Как он узнал?!

— Когда из леса пропадает Хранитель, жители замечают это рано или поздно, — объяснила Божена. — Наверное, слух о том, что лес стоит притихший, а тебя уже несколько дней никто не видел, дошел до города. Может у Ихаиля есть свой человек в Мрамгоре, а может он вовремя наведался туда. Так или иначе, а Вед прознал, что в замке твориться что-то неладное, а ты пропала. Сопоставил эти два обстоятельства и пришел к правильным выводам. Только вот мы его огорчили, — Божена недобро ухмыльнулась, — сказали, что наша Госпожа цела и невредима, а Мориту свою он вряд ли в ближайшее время увидит. Тут-то он и рассвирепел, заморозил озеро и еще невесть чего мог натворить, если бы Влад его не отвлек. Он, наверное,

магию почувствовал, потому и пришел. Не знаю, как он в столь плачевном состоянии собирался его остановить, но бился он не на жизнь а на смерть, и скорее всего, его постигла бы наша участь, не явись ты. О, Госпожа, как ты была хороша! — Божена восторгаясь, закатила глаза. — Настоящая Ладгальд! Такой была и наша первая хранительница — неистовая, стремительная, величественная. В тебе воплотилась вся мощь латгальской крови, и ты быстро учишься управлять своей силой.

— Мотивация хорошая, — отозвалась Дея, погружаясь в озеро.

Глава 14
Побег

Побег

Влад лукавил, когда говорил Деи, что не силен в искусстве обольщения. Но он действительно прежде не испытывал силу своего обаяния намеренно, в этом просто не было нужды. По-настоящему его занимала лишь ворожба, да еще научные изыскания, которые довольно тесно с ней соприкасались. А то немногое, что ему могли дать женщины, он получал в избытке, не прикладывая ни капли усилий.

У него даже вошло в привычку нарочито-пренебрежительное обращение с девушками. В юности он еще бывал с ними нежен и обходителен, но это усложняло процесс неизбежного расставанья (очень уж скучен и предсказуем был для Веда слабый пол в отличие от его истинных пристрастий). Рано или поздно, а чаще всего рано, ему надоедали даже самыми прелестные девицы. И хоть Влада и не сильно интересовали любовные дела, он все же усмотрел одну простую закономерность; стоило проявить к какой-нибудь особе недвусмысленный интерес, а потом исчезнуть без объяснений, как эта самая особа начинала одолевать его, требуя внимания, а иной раз и чего похуже. Против такого немудреного приема, которым Влад никогда не пользовался нарочно, редко кто мог устоять, нужно было либо совсем не заинтересовать девушку, либо напасть на ту, чье чистое сердце уже было отдано другому.

Вот этот вот простой и единственный как ему казалось способ завоевать мысли Деи, он и избрал. Покинув ее лес, Влад больше не показывался ей на глаза. Неделю за неделей он проводил в мастерской. Выходил Пса, готовил настойки для матери, которая все еще оставалась в замке, даже завершил некоторые опыты, но настоящая работа шла из рук вон плохо.

Ни одной интересной и толковой мысли не рождалось в его голове, сплошной суррогат и имитация. Эта творческая импотенция выворачивала его наизнанку. Влад тщетно пытался искать отдушину в работе с природными материями и стихиями, перерыл все материнские записи о травах и целебных источниках, желая ускорить ее выздоровление, но ни ее самочувствие, ни опыты не могли надолго отвлечь его от мыслей о Госпоже Синего леса.

Теперь он видел ее именно в этой ипостаси, удивляясь как сразу не распознал в ней принадлежности к Хранителям. Может от того, что Дея и сама отрицала в себе эту принадлежность, а может от того, что подсознательно ждал такую как она? Ждал, что, наконец, появиться человек, способный разделить с ним его

мысли и стремления. И конечно он не предполагал, что этот человек окажется одним из Хранителей, одним из этих недалёких, надменных, избалованных общественной любовью слуг Багорта. Но Дея была не такой как они, во многом благодаря самому Владу, ведь это он отправил ее расти вдали от дома.

Чем бы ни занимался Влад, куда бы ни шел и с кем бы ни пытался придаваться бестолковым утехам, надолго забыться ему не удавалось, беспросветная одержимость Деей, сводила его с ума. Он изнемогал, раскаляясь в раздражении от того, что потерял контроль над собой, что не может отдаваться работе как прежде, что она больше не волнует его, не возбуждает интерес.

Он был человеком мысли! Той мысли, что выходит за пределы всего объяснимого, смелой, созидающей, грандиозной! А теперь? Он заставлял себя думать о магии, о книгах, об опытах и экспериментах, отгоняя Деин мираж, как жужжащую мух, неутомимо и назойливо кружащую в его голове. Прежняя пустота его души, словно губка вобрала в себя всю ее яркую, звонкую прелесть. А то, что раньше лишало его сна, заставляя просиживать в мастерской до рассвета, вспоминать о еде только на вторые сутки, теперь было всего лишь способом отгородиться от нее, обмануть самого себя, убедить, что все, что окружало его до ее возникновения, по-прежнему составляет костяк его жизни. Но обман этот был грубым и неумелым, Влад чувствовал, что она украла у него его самого, что он впервые в жизни оказался, зависим от другого человека. Он не был к этому готов, он не знал, что с этим делать и как можно проживать день за днем прежнюю жизнь, которая уже давно изменилась, которая ему уже и не принадлежала вовсе.

Родмила приходила к Владу всего раз, он был нарочно холоден с ней, не видя больше возможности обещать ей то немногое, что давал прежде. Смотреть, как уходит из его жизни Родмила, было болезненно. Да она не понимала и не принимала многого во нем и все же была рядом эти долгие три года, став как он теперь понимал, не просто его тихой тенью, но и другом. Влад успел привыкнуть к ее ненавязчивости, нетребовательности и даже к немым укорам, когда он делал нечто такое, что по мнению его добродетельной подруги, было недостойного «великого ума». Влад тихонечко посмеивался над ней в такие моменты, а иногда и специально злил, провоцируя на недостойное поведение. Потеря Родмилы, была равносильна потери Пса, и если бы Влад не выходил своего питомца, то остался бы совсем один в этой камере абсурда, где подмены ценностей происходили столь стремительно, что он не успевал даже осознавать их.

Так неделя за неделей он терял все, что когда-то составляло его жизнь — интерес к работе, любовниц, сон. А Дею так и не получил. Решив выждать некоторое время, он приобрел лишь неуверенность, прыщавую, юношескую неуверенность в себе самом. Он не знал, как подступиться к ней, что сказать, как смотреть, чем заинтриговать. Казалось, кто-то обстругал всезнающего Влада, сметая флер уверенности, как сметает цирюльник первую растительность на еще молодом, безбородом лице. Он был девственно гол в своем непонимании ситуации, он был безоружен перед ней.

Иной раз на него находило прозрение, и тогда здравый смысл подсказывал, что нужно просто быть самим собой, ведь именно так он однажды уже сумел ее заинтересовать. Но загвоздка была в том, что эти прозрения случались с ним все реже и реже, напоминая перегорающей кристалл, конвульсивно подрагивающий от нехватки энергии.

На смену осознанной действенности, пришел хаос, апатия, нерешительность, тяжелая одуряющая ломка. Иногда Владу казалось, что он тонет, неуклюже пытается барахтаться, но движения занимают непомерно много сил и он все глубже и глубже погружается в воды собственного бессилия, увязая в страхах и отчаянии.

Сколько ему потребовалось бы времени, чтобы победить нерешительность, неизвестно. Неясно так же, мог ли он возненавидеть Дею за то, что она отняла у него самое дорогое, самое сокровенное, то, что собственно и делало его тем, кем он был — интерес к магии и наукам. Дойти до крайней точки невозврата, ему помешала беда.

Когда листва в окрестностях Мрамгора уже претерпевала сезонные изменения, сменяя окрас с изумрудного на охристо-коралловый, а Синий лес, поражал всеми оттенками сиреневого, случилось то, чего Влад ждал и опасался больше всего.

Влекомый потертым бархатом осенних полей он бродил по ним часами, вбирая чистый, прозрачный воздух просторов и дух смерти таящийся в пожухлой листве. Собирал травы, механически проделывая монотонную работу, чтобы в очередной раз усыпить себя, впасть в некий будничный транс. Но в тот день, несмотря на дремлющую настороженность, всплеск силы он почувствовал почти сразу. Не ощутить его, было невозможно. Вдалеке, у самого горизонта, где виднелась сиреневая полоска заветного леса, творилось что-то немыслимое. Страшной силы воронка поднимала в небо остатки листвы, а от самого того места тянуло чудовищной, враждебной магией.

Не тратя ни секунды на раздумья, Влад стал плести сложный

узор магических завихрений, образуя врата. Точка неведения была близкой, поэтому работа не заняла много времени, но когда Влад ступил из белой, светящейся арки в то место, которое мысленно представлял, он не сразу узнал его.

Озеро бушевало, пытаясь выйти из берегов. Сумасшедшей силы воронка била прямо из его середины, поднимая столб воды и закручивая попадающие туда листья, камни и обломанные ветви. Под водой шла битва — это Вед понял сразу.

Наскоро наложив на себя самые простые защиты, он бросился в озеро. Там бушевало настоящее сражение. В бешеном водовороте, сверкало и вспыхивало магическое пламя, сотрясая почву. Весь жемчужный ковер засосало в это коловращении, делая воронку почти непроницаемой, но Влад все же попытался прорваться сквозь нее, хоть и понимал, что даже его магических сил не хватит на то, чтобы продержаться под водой дольше двадцати минут.

Заслон был столь плотным, а вращение таким быстрым, что Влад потратил на проникновение внутрь слишком много времени. И пока он растрачивал драгоценные минуты и силы, атаки Веда, который долгое время был пленником русалок, приняли поистине угрожающий характер.

Как только Влад продрался вглубь сражения, он увидел, что темница Ихаиля разрушена. Подле нее в неестественных позах и с искаженными лицами лежали павшие в бою Озерные девы. Вед метал сгустки черной энергии — страшного, запрещенного в Багорте оружия, способного выжечь сознание того, в кого этот сгусток попадет. Разъяренные русалки кружили подле него, с трудом уклоняясь от магических ударов, и пытались загнать обратно в темницу.

Влад был уже близко, когда Божена изловчившись, набросилась на Ихаиля сзади. Русалка запустила в Веда свои непомерно длинные когти, раздирая ему грудь, ее волосы опутывали его словно змеи, а зубы уже заострились, готовясь вырвать кусок мяса из жилистой шеи врага, когда он сумел-таки схватить ее руку.

Яркая вспышка ослепила всех на несколько мгновений, а потом Влад увидел обожженное тело старшей девы, медленно падающее на разоренное дно.

Секунда оцепенения, в которое впали обитатели леса и сам Влад, позволила Ихаилю прорваться сквозь кольцо окруживших его русалок, но тут озеро завибрировало от страшного крика. Словно ультразвук прокатился он по всему лесу, оглушая и повергая всех в шок. Дикий, древний ужас, который может вызвать только нечеловеческое создание. Это был крик отчаяния,

потери, ненависти, крик, выражавший такую боль утраты, что казалось, он сам мог погубить все вокруг.

Призыв своей Госпожи, подхватили все русалки, и теперь озеро сотрясалось и колыхалось с силой извергаемого вулкана. Влад зажал уши, не в состоянии выдержать эту какофонию, а Дея в этот момент бросилась за Ихаилем и, накрыв его своим хрупким телом, проявила неженскую жестокость. Вцепившись заострившимися зубами в плече Веда, она вырвала у него кусок мяса, и тут Влад заметил, что и ее пальцы неестественно удлинились, глаза из зеленых превратились в абсолютно синие, без белков, а волосы змеями извиваются, пытаясь повязать, не желающего сдаваться беглеца.

Она обращается, понял Влад и сделал то, за что в Багорте осуждали на смерть без суда. Он направил поток магической силы в Дею и уже успевших окружить ее дев — он одарил русалок, которые и без того обладали собственной магией, своей силой, а сам поспешил на поверхность, чувствуя, что еще мгновение и он встретит свой конец.

Вынырнув, он сделал несколько жадных глотков, прямо в воде обновил ослабевшую защиту и кинулся обратно. Там в жутком комке, сплелись русалки во главе со своей Госпожой и мечущий искры Ихаиль. Дея преображалась, русалки теряли своих сестер, а Ихаиль набирал силу, выпивая магию из Озерных дев.

Вспомнив, над чем он работал последние месяцы, Влад собрал всю волю в кулак и решился испробовать новый прием, который прежде ему еще никогда не удавался. Он надеялся, что до этого момента ему просто недоставало мотивации, сейчас же ее было предостаточно, и он рискнул. Притягивая и вбирая в себя всю силу из земли, воды и камня он стал трансформировать ее в некий магический купол. В теории эта магия должна была сработать как детский сачок — накидываешь его на нужный объект и выбрасываешь в заранее открытые врата.

Влад работал на пределе сил и возможностей и у него получилось. Страх потерять Дею, оказался сильнее страха упустить Ихаиля, поэтому он метнул светящуюся сеть в комок из обнаженных тел, сверкающей чешуи, змееподобных волос и острых когтей, меж которыми высвечивались редкие вспышки красного магического пламени. Сам он уже не надеялся выбраться из озера живым, но в последний момент чья-то рука схватила его, утягивая в схлопывающееся пятно света, и Влада вместе со сражающимися выбросило на берег.

Русалки, оказавшись не в своей стихии, неуклюже барахтались, цепляясь за отмахивающегося Ихаиля. Дея, рвала

на нем волосы, обращаясь уже в себя прежнюю, но проклятый Вед, все же сумел подняться на ноги. Тогда Влад оттолкнул Дею и сам атаковал Ихаиля.

Они завертелись в настоящем поединке. Влад был силен и быстр. Ловкими, едва заметными пасами он опрокидывал Ихаиля, но тот неизменно вставал и снова оборонялся. Насосавшейся магии Озерных дев, этот опасный противник сейчас был практически неуязвим, и вскоре попытки вымотанного Влада, он отражал уже с легкостью, сам при этом даже не пытался наступать, экономя силы. Влад держался только за счет злобы, опыта в магических поединках ему катастрофически не хватало, он проигрывал и Ихаиль это знал.

Дея приказавшая русалкам уходить под воду и помогать раненым, тщетно пыталась подступиться к борющимся. Но они передвигались так быстро, что общая картина их драки смазывалась, превращаясь в какой-то нелепый ритуальный танец. В конце концов, измотав Влада, Ихаиль нанес ему несколько сокрушительных ударов, которые свалили его.

Упав на землю, он потерял сознание, а когда очнулся Ихаиля уже не было. Звон в ушах, нестерпимая жажда и тошнота встретили Влада, когда он понял, что все кончилось.

Голова его лежала на коленях Деи, она плакала, бормотала, что-то бессвязное, жалобно подвывая и всхлипывая. В изодранном платье, с растрепанными волосами и засохшей на губах и подбородке крови, она все еще походила на обращающуюся русалку. Шеки, по которым текли слезы, окрасились в голубую кровь Озерных дев — признак того, что обращение вот-вот должно было случиться. Она чуть было не стала русалкой!

Влада трясло, но он попытался сесть, тогда-то сокрушающаяся над его израненным телом девушка и заметила, что он пришел в себя.

— Влад! — выдохнула она.

Он посмотрел на нее, морщась от боли, а Дея утирая подолом платья слезы, уткнулась в его грудь.

— Ну, зачем, зачем ты не дал нам его убить? — шептала она.

— Вы бы не справились, — отвечал он ей, так же шепотом. — Он выпивал твоих русалок как стакан молока. Он лишал их не только магии, но и самой жизни, при этом становясь только сильнее.

— Я могла убить его, меня он выпить не мог!

— Ты обращалась, Дея, — прошептал, он обхватив ее лицо ладонями, а потом посмотрел прямо в налитые голубым маревом глаза. — Ты становилась одной из них.

— И пусть! — упрямо дернула она подбородком.

— Я бы мог сказать, что не хотел лишать лес Хранителя, но на самом деле… — он опустил глаза. — Я не мог потерять ту Дею, которую знал.

Она сглотнула.

— Девочка моя… — протянул Влад, оглаживая ее мокрое от слез слицо.

Дея не дала ему договорить, она потянулась к нему и коснулась его губ. Вкус соленой крови и яблочный дух закружил Влада. Он обнял ее, задыхаясь от счастья, но в этот момент услышал клекот боевых сирэнов.

С неба посыпались страшные черные птицы, а через несколько секунд на поляну уже приземлялась Маюн, с восседающим на ней Яном. Сагорт спрыгнул с птицы, когда та еще не коснулась земли, подбежал к успевшей отстраниться от Влада Деи.

— Что тут происходит?! — воскликнул он.

— Уже ничего, — проговорила Дея упавшим голосом и разрыдалась.

Одним рывком Ян поднял ее на ноги и прижал к себе, а сам повернулся к пытающемуся встать Владу.

— Я предупреждал тебя, чтобы ты держался от нее подальше, — прорычал он.

— Тише, Ян, тише, — усмирила его девушка, отстраняясь, — Влад нас спас.

— От кого?

— От Ихаиля. Он сбежал, — она закрыла рот ладонью, превозмогая новый приступ рыдания. — Я прошу меня простить, — проговорила она неживым голосом, — я нужна моим сестрам.

Она подошла к Владу, опустилась на колени и взяла его руку.

— Благодарю, — прошептала она, а потом обратилась к Яну. — Пошли сообщение в замок, пусть пришлют лекаря, Влад сильно пострадал в сражении.

Ян набычился, бросая свирепый взгляд в сторону Веда. Дея подошла к другу и гневно посмотрела в его серые, мечущие молнии глаза.

— Он спас мой лес, моих сестер и меня саму от этого взбесившегося монстра. Он рисковал собственной жизнью ради нас, — просипела она, — поэтому он останется в моем доме, до прихода Гория, а ты проследишь за тем, чтобы с ним ничего не произошло, пока я со своими сестрами. Дождись меня, Влад, — прошептала она Веду, проходя мимо.

Глава 15

Крушение идеала

Крушение идеала

Ян не посмел ослушаться, привел Веда, которого била мелкая дрожь в Деин дом, уложил на диван, даже воды принес, ляд его подери. Отправив, как она и просила сообщение в замок, он остался ждать Гория на веранде, не мог находиться рядом с Владом. Снова этот гад оказался подле Деи раньше чем он! Яна бесило, что он не просто опоздал, он чуть было не потеря ее и сейчас должен был благодарить Влада за то, что Дея и ее сестры живы.

Она вернулась спустя час и только для того чтобы убедиться, что о ее спасителе позаботились. Сидела около него, пока не прибыл Горий вместе с Вайесом.

Как Вед оказался здесь первым? Почему она нянчится с ним, будто наседка? Эти и другие мысли не давали Яну покоя, пока его любимая, обтирала Владу лицо полотенцем, поила, приподнимая голову, укутывала во все имеющиеся у нее покрывала. Она настояла на том, чтобы Веда оставили у нее и лекарь сгрузил на стол в гостиной целый арсенал колбочек, баночек и сушеных корешков.

— Каковы ваши потери? — спросил Вайес, когда они вышли из дома.

— Двенадцать моих сестер погибли, — выдохнула Дея. — Все молодые и многие из них уже несли в себе новую жизнь.

Яна словно окатило кипятком. Он, наконец, осознал, что это была не просто драка двух Ведов. Пока он летел к своей Госпоже во весь опор, здесь происходила настоящая бойня, унесшая много жизней. Вот почему Дея так возится с Владом, ели бы он не помог, погибли бы весе русалки.

— Мы обязательно его найдем, — не вполне уверенно пообещал глава Мрамгор.

— Уж постарайтесь, иначе за себя не ручаюсь, — голос ее стал металлическим. — Я затоплю весь мир, но найду это чудовище, я сожру его живьем и без соли, если он попадется мне не глаза еще раз и мне будет плевать, что вы там ему наобещали.

— Дея! — в ужасе выдохнул Ян, понимая, что ее угроза — не фигура речи. Все знали, русалки — хищницы и способны разодрать человека голыми руками.

Она резко обернулась к нему, вонзая нечеловеческие, абсолютно водяные глаза и прошипела:

— Осуждаешь? Он убил Божену! Выжиг, превратив в кусок обуглившегося мяса. Я хочу его сердце! Я не прошу его живого, за желание наказать Ихаиля, мои сестры заплатили слишком

дорогую цену. Мне нужно лишь сердце. Достань мне его!

Она не походила на прежнюю Дею, нежную, легкую, воздушную и светлую. Сейчас перед ним была не девушка, уже не девушка. Глаза залила неестественная голубизна, рот кривился, подрагивая в уголках, а волосы шевелились, словно живые ленты. Что-то древнее, темное, отталкивающее было в ней сейчас, что-то сковывающее волю самого Вайеса. Ян отшатнулся, а Горий подхватил его под локоть и торопливо зашептал в самое ухо.

— Чего таращится? Кого ты ожидал после всего этого увидеть, румяную гимназистку? Она дитя, брошенное в огонь войны. К тому же, в ней течет кровь Озерных дев. Следуй за ней.

И Ян последовал. Весь остаток дня они готовили погребальные костры, которые жгли ночью. Похороны длились до самого утра, в несвойственной для русалок, давящей тишине. Озерные девы были подозрительно спокойны, как и их Госпожа. Она приняла свой прежний облик, но осанка стала еще строже, будто в нее вогнали жердь, щеки вобрались, а глаза смотрели сквозь предметы и людей. И было и еще нечто незримое, неосязаемое, оно тонкой пеленой легло на весь ее образ. От нее теперь веяло кровью, жестокостью и немного слезами. Ее прежняя сочная сладость теперь была с привкусом горечи и терпкости.

Она пугала Яна, он не понимал этой перемены, не мог разглядеть за этим новым и звериным прежнюю Дею, не мог и боялся, что ее больше нет. Он даже не стал спорить, когда она попросила после похорон, оставить ее одну. Только проводил до комнат и помог улечься в постель.

Когда он выходил из ее дома, Влад выглядел уже вполне здоровым, сидел на диване, уперев подбородок в свои долговязые ноги, и провожал Яна нехорошим, сощуренным взглядом.

— Что мучительный разлад идеала с действительностью не дает покоя? — спросил он издевательски, когда Ян был уже в дверях. — Ты серьезно думал, что она твое светлое, доброе, вечное? Нет, я не спорю, света в ней предостаточно, как впрочем, и всего остального.

Ян не выдержал и подойдя к Веду схватил его за лацканы.

— Если ты это видел и раньше, почему волочился за ней как пес?

Влад одернул Яна, небрежно отряхнув рубаху, словно парень мог испачкать ее своим прикосновением, затем встал и вышел на улицу. Ян последовал за ним.

— У меня нет проблем с принятием всего того, что ее наполняет, — просто ответил он, когда дверь за ними закрылась.

— Ой, только не говори, что вы сошлись на любви к идеям

о мировой скорби и воссоздании теневой стороны человеческой души!

— Ты еще забыл идею о самоценности творческой жизни, — в такт раздраженному парню ответил Вед.

Ян тяжело вздохнул, понимая, что переспорить Влада ему не удастся, а бить по морде строжайше запрещено.

— Ты действительно умен, — согласился он, наконец, с общественным мнением, — но при этом чудовищно беспринципен. Ты ведь уродуешь ее.

Влад поморщился, будто услышал пошлую и не смешную шутку.

— Я всего лишь помогаю ей вскрыть скорлупку, птенчик вылупляется сам и не по моей прихоти. А то, что он оказался не миленькой шебутной овсянкой, а когтистым сирэном, не моя вина.

— Однажды, ты потеряешься в безднах собственного разума, и ее за собой утащишь.

— А это знаешь ли, большой вопрос, кто кого свалит первым, я ее в бездны разума или она меня в пучину дикого, животного и необузданного?

— Не смей так о ней говорить, — пробасил Ян, наступая на Веда. — она не такая.

— А какая? — не пытаясь уклониться, отвечал Влад. — Золотая и пушистая? Нет, мой друг. Ты думал, знаешь ее всю как она есть? Думал смог изучить ее, просто находясь рядом и наблюдая. Нет, — протянул он, — познать кого-то, можно лишь вступив с ним во взаимодействие.

И тут настало время Яна издевательски скалиться.

— А я и вступил, — проговорил он и вольготно оперся на перила, демонтируя своей расслабленностью превосходство над соперником, который судя по всему, и не подозревал о том, что Ян уже получил заветный плод, за который они оба боролись.

Довольный своей выходкой, парень все шире улыбался, наслаждаясь эффектом. Влад как-то постепенно обледенел, глаза его из матово угольных, превратились в сверкающие черные шары. Он вобрал в себя воздух и медленно выдохнув, проговорил тихо и устало:

— Вы оба этого еще не осознали, но дав то, чего ты так желал, она тебя наказала.

— Завидуй молча, жердь, — презрительно хмыкнул Ян, окидывая соперника смеющимся взглядом. — Ей не за что меня наказывать.

— Ошибаешься, — промурлыкал Влад. — Своей любовью ты разрушил вашу псевдо-семейную идиллию.

Ян только посмеялся ему в ответ.

— Ты не понимаешь о чем говоришь, потому что ты не знаешь ее, как знаю я. Какое же это наказание?! Это самое яркое и сладкое, что есть у меня в жизни.

— И каково тебе будет знать, что самое яркое и сладкое прошло, когда она бросит тебя? — выплюнул в блаженное лицо парня Влад. — Кто может быть у тебя после… — договаривать он не стал, потому что в этот момент дверь открылась, и в желтоватом световом прямоугольнике возникла фигура Деи.

Девушка замерла, настороженно вглядываясь в лица разговаривающих.

— Беседуете? — поинтересовалась она.

— А ты не видишь? — отозвался Ян.

Она кивнула.

— Не мутузите друг друга и на том спасибо.

Влад бросил на нее ледяной взгляд и зашел в дом.

— Что ж, я, пожалуй, пойду, — дергано проговорил Ян, — мне тоже отдых не помешает.

— Ян, — позвала она.

Парень подошел. Дея уткнулась головой и ладошками в его грудь. Как раньше, как в детстве, когда ее кто-то обижал, и она шла к нему, прижималась к его щуплой тогда еще грудь, и влажнила футболку своими детскими слезками.

Сейчас Дея не плакала, и Яна это пугало. Он поднял ее лицо и посмотрел на него, выискивая ту Дею, которая еще вчера была с ним. Где-то под мутноватой маской ненужного нового, еще пряталась та яблочная девчонка, та лакомая, приносящая блаженство Дея. Он осторожно поцеловал ее, пробуя на вкус то, с чем теперь придется мириться, но к его удивлению ничего не изменилось. Она была такая же теплая и мягка только немного скованная, будто инеем прихваченная.

«Это пройдет, — подумал Ян, — сегодня она потеряла сестер. Это пройдет», — утешал он себя, покидая ее лес.

Глава 16

Наказ

Накал

Она спустилась проверить Влада, полагая, что Ян уже ушел, но Веда не оказалось на месте. Его плащ и сапоги были здесь, но их хозяин исчез. Впрочем, то, что он ушел не далеко, она поняла почти сразу, за дверью раздавались голоса, и она поспешила проверить, не убиваю ли друг друга те, кого она никак теперь не могла потерять.

Они стояли на террасе и подозрительно мирно беседовали. Деи даже показалось, что ее появление разозлило их. А потом Влад поднял на нее глаза и так обморозил своим черным как ночь взглядом, что она сразу поняла — он уже знает об их с Яном близости.

Но она не боялась ни холодной злости Веда, ни ревности своего любовника, все ее естество сейчас было готово отрицать любую действительность. Она больше не могла горячо и живо реагировать на происходящее, как делала это прежде. По телу и душе уже разлилась та чудодейственная анестезия, которая приходит как защитный кокон, в который если не спрячешься, то погибнешь.

Все произошедшее еще не в полной мере осело в ее сознании. Она понимала, что Ихаиль сбежал, что двенадцать ее сестер погибли, что спас их Влад, и она ни за что теперь не отпустит от себя этого несносного мужчину, не смотря на то, что он узнал о ее отношениях с Яном. Все это она понимала, понимала, но не осознавала в полной мере. Наверное, именно поэтому она и ходила теперь, как правильно заметил Ян, словно инеем прихваченная.

Она была нежной весенней травинкой, только пробившейся на свет, впервые почувствовавшей ласку солнца и холод ветра, травинкой, готовящейся к настоящей жизни и не догадывающейся, что готовой к ней быть нельзя. Даже если ты знаешь, что идет беда, тебе все равно суждено будет застыть, скованной в жестокий лед отчужденности — защиту от невыносимой реальности. А если не придется — то не миновать беде.

Она вошла в дом, когда Влад был уже одет.

— Уходишь?

— Да, — выдавил он, вбивая в нее колкий, блестящий взгляд.

— Останься, — попросила она.

— Зачем? — Вед приблизился к ней вплотную, и она ощутила его нервную дрожь. — Ты, правда, была с ним?

Дея не стала юлить.

— Поражена, что тебя это удивляет.

— Удивляет? — проскрипел он. — Да меня это бесит! Нет, даже не так — убивает!

— Напрасно, он же не слопал меня как кусок пирога.

— Еще скажи, мне немного оставил!

— Не кричи, — проговорила она спокойно и отошла к камину. — Чего ты ждал, Влад? Думал, после того как охладеешь, я начну обивать пороги твоего дома? Ты организовал всю эту историю с географией, и думал, что после признания, я буду продолжать на шее твоей висеть?

Влад застыл не дыша, прикрыл глаза, и Дея буквально кожей ощутила исходящую от него угрозу.

— Если ты думаешь, что его первенство остановит меня, то ты так и не поняла, с кем имеешь дело, — медленно проговорил Влад. В голосе его в тот момент было что-то от ломаного стекла, звякающее, обоюдоострое, опасное. — Может он и был у тебя первым, но последним стану я, — проговорил он, медленно наступая и сбрасывая с себя плащ, развязывая шнуровку на рубашке, будто она могла стеснить порыв его ненависти и страсти.

Дея попятилась, уперевшись в камин, а когда он приблизился и вжал ее в холодный гранит, простонала:

— Ты делаешь мне больно.

— Как и ты когда-то, моя красавица. Не строй из себя невинность, я видел твой истинный облик — Госпожа с голубой кровью.

Дея попыталась оттолкнуть его, но Вед держал ее слишком крепко. Она даже ощутила знакомое покалывание и замерла, боясь, что он может выйти из себя.

Облик Влада сейчас казался ей несовместимым со всем живым и реальным. Густым мраком вылеплялось пространство вокруг него, распространяясь и занимая всю анатомию ее жилища. Черный блеск глаз въедался в сознание, а алая полоска губ медленно размыкалась, превращаясь в воображении Деи, в зияющие врата алчущей жертв бездны.

Маршруты ее мыслей напутывали хаотичную паутину. Дея теряла ориентацию в собственном мире пространственных восприятий и когда она была уже готова рассыпаться на молекулы непонимания, он просипел ей в самое ухо:

— Я мог бы и заставить.

Его живой голос, возникший, как ориентир, вытолкнул ее из обморочного оцепенения. Отзвук его слов зазвенел в ушах, стремительными линиями пересекал все ее существо, приводя в движение каждую клеточку.

— Но не делаешь этого, — проговорила она, наконец, чужим голосом. — Ты не хочешь послушную куклу. Тебе нужно мое неподдельное желание. Даже самые независимые и самодостаточные нуждаются в любви. Ты хочешь, чтобы тебя любили, чтобы я тебя любила, поэтому ты не заставишь меня.

Влад отпустил ее, отходя на несколько шагов назад.

— Да хочу, — признался он после длительной паузы. — И получу, как уже обещал.

Его холодная и непоколебимая решимость, напугала Дею, и Влад прочел это в ее глазах.

— Боишься? — спросил он, удивившись.

— Да?

— Чего же?

— Того, что ты сделаешь нечто такое, что мы не сможем исправить, — прошептала она.

— Почему же ты не боишься своих поступков? Ведь некоторые из них тоже нельзя исправить!

— Мою невинность, например? — прошелестела она, отводя глаза.

— Да, прах тебя возьми! Этот опыт останется с тобой на всю жизнь, и изменить уже ничего нельзя. Первый раз, может быть лишь однажды. И он был с ним, а не со мной! — Влад отошел от нее и упал в ближайшее кресло. — За, что ты наказываешь меня, я еще могу понять, но за что ты так с Яном? За любовь и бескорыстную преданность? Хотя, это не ново, за любовь люди расплачиваются не реже чем за предательство.

— Почему ты считаешь, что я его наказала?

— Потому что ты все равно выберешь меня. Но самое ужасное, что я не смогу забыть о том, что не в моих, а в его объятиях ты стала женщиной.

Пауза нависла над ними гирей, готовой сорваться и размозжить непрочную, трепыхающуюся в нервных конвульсиях, но все же остающуюся связь.

— Если ты считаешь, что именно это делает девушку женщиной, — заговорила Дея не терпящая, удушливого молчания, — то я глубоко разочарована. Вы мужчины, придаете близости слишком большое значение. Для женщины, важнее быть единственной в сердце. Для вас же, единственным в постели.

— Только не говори, что думала обо мне, когда была с ним, потому что это еще противнее.

— С чего ты взял?

— Да с того, что я не верю тебе и знаю, кого ты любишь на самом деле!

— Откуда такая уверенность в моей любви, заглядывал

в будущее?

— Нет, вспоминал прошлое!

— М-м-м-м, и не веришь, что мой интерес к тебе выветрился, — говорила она, накручивая на палец свой золотистый локон.

— Называй вещи своими именами.

— А я и называю.

— Дея, ты оплакивала меня еще несколько часов назад. Ты поцеловала меня, — прошептал он, снова подходя к ней.

— Я и его целовала, — проронила она, пряча глаза.

Тянущаяся к ней рука Влада, брезгливо одернулась, и он отстранился, поворачиваясь к ней равнодушной, ничего не выражающей спиной.

— И почему же ты это делала? Тебе не терпелось познать все грани отношений между мужчиной и женщиной? Так не терпелось, что ты выбрала в качестве подопытного кролика своего нареченного братишку? Так ты, кажется, его когда-то называла?

Говорить с его спиной было невыносимо. Дея пыталась уловить хоть малейшее шевеление острых лопаток или слабый поворот головы. Но он сокрылся от нее под этой непроницаемой оборотной стороной.

— Мы всегда все делали вместе, — оправдывалась она. — И потом, ты сам разбудил во мне эти желания.

— Но выбрала то ты не меня, а его! — прокричал он, наконец, разворачиваясь к ней всем торсом.

Дея увидела, как болезненно искрятся расширенные глаза, как неровно ходит грудь, колыхая черный шелк рубашки, как сжимаются губы, пытаясь, врасти одна в другую.

— Ты не можешь понять причин, по которым я сделала это, потому что думаешь, что я выбирала. Но я не выбирала, я просто … — она кусала нижнюю губу, не находя подходящих слов чтобы описать то, что происходило между ней и Яном. — Я просто подчинилась, — наконец, проговорила она тихо.

— Он что же силой тебя взял?!

— Нет.

— Тогда я вообще ничего не понимаю! Дея, ты ведь не рабыня чтобы быть у кого-то в подчинении, — он сжал ее плечи, всматриваясь в глаза. — Я не смел прикоснуться к тебе, ждал, пока ты расцветешь, а эта грубая скотина облапал мой нежный цветок своими ручищами…

— Поэтому ты ни разу даже не поцеловал меня, в то время как с Родмилой у тебя все складывалось отлично?! — зло выплюнула Дея.

— Я ждал, когда ты будешь готова!

— Ну, что ж, ты проглядел этот момент, — бросила она, сбрасывая его руки и отворачиваясь.

— А Ян, значит, нет? Завидная чуткость.

— Не чуткость, Влад, не чуткость, все гораздо прозаичнее. Сколько девок тебе нужно перетаскать в свою постель, чтобы ты, наконец, понял — сложно сопротивляться, когда мужчина настолько убежден в своих правах на тебя.

— Да половина города после праздника Последней луны, спит и видит тебя в своих койках! — проорал он, разворачивая ее.

— Но среди них всех нашелся только один, который решил, что имеет на это право.

— Тебя послушать, так ты кому угодно отдалась бы, будь он в себе уверен!

— Но я отдалась не кому угодно, а человеку, которого знаю с детства.

— Все равно, — отмахнулся Влад. — Это какие-то звериные инстинкты!

— Не спорю, но от этого они не становятся слабее, так что не стоит их недооценивать.

Степень накала, до которого оба они уже дошли, становилась опасна и они это видели, но сбавить лихие обороты не так-то просто, и Влад продолжал на нее наступать.

— Хочешь сказать, что пока я благородно ждал твоего цветения, Ян — этот не тонкий, быкоподобный чурбан уловил своим звериным чутьем то, чего не заметил я?

— Именно что звериным, — подтвердила Дея. — Это дикие энергии, они тебе не присуще.

— Этого ты хочешь, да? — Влад смотрел на нее с непониманием. — Отчего же ты испугалось, когда решила, что я получу желаемое без твоего согласия?

Дея подошла к нему, нарушая все мыслимые границы и положив ладонь на его неспокойную грудь, прошептала.

— От того, что тобой управляла злость.

— А им, что управляло, похоть?

— Не пытайся обесценить его чувства в моих глазах. Ян такой, каким его создала природа, он выражает свою любовь, как умеет. Ты другое дело, — проговорила она мечтательно, — ты совершенен. В тебе есть глубина, ты знаешь, что обладание телом и обладание сердцем ни одно и то же. Ты не позволяешь себе животного, низменного, ты всегда остаешься чист. Если ты утратишь эту свою волю — ты перестанешь себя уважать, а я не хочу, чтобы это произошло из-за меня, — закончила она, убирая руку.

Влад застыл. По его лицу пробежала тень удивления, затем она сменилась нежностью, но заговорил он без лирических ноток в голосе, а скорее с издевкой.

— Знай же, моя красавица, им тоже управляет злость. На меня, за то, что я встрял в ваш маленький, замкнутый мирок и на тебя, за то, что ты меня впустила. Его злит даже разница нашего происхождения, потому что она мешает ему сойтись со мной в равном поединке. Он отчего-то думает, что смог бы от меня избавиться, просто начистив однажды мою, как он выражается, холеную морду. И эта самая злость придает ему уверенности. Он считает тебя своей собственность, думает, что ты можешь ему принадлежать.

— А ты значит, так не думаешь?

— Ты не можешь никому принадлежать, — проговорил Влад, тоскливо улыбаясь. — Кто угодно, только не ты. В этом и есть твоя прелесть. Даже когда ты рядом, ты все же недосягаема. Ты как солнце — даришь луч света и тепло, но тебя нельзя удержать, наступает время, и ты исчезаешь. Я боюсь, что однажды на меня перестанут хоть изредка попадать твои лучи, тогда для меня начнется вечная ночь.

— Но солнце светит одинаково для всех. Отчего же ты так зол на то, что и Яну досталось немного тепла?

— Дея, ты издеваешься? — Влад посмотрел на нее уставшим взглядом и, подобрав с пола плащ, накинул его размашистым жестом.

— Уходишь?

— Да, думаю на сегодня достаточно. Предпочитаю убраться прежде, чем мне захочется убить тебя.

— Ты не причинишь мне зла, — с детской убежденность прошептала она.

— Мне бы твою уверенность, — проговорил он, касаясь ее лица дрожащей рукой, по которой прокатывались электрические разряды.

Дея вздрогнула, но не отшатнулась, лишь зажмурилась, готовая уже ко всему.

— Боишься, — догадался Влад, опуская руку ниже. Он огладил ее тонкую шею, ключицы, но как только ладонь достигла часто вздымающейся груди, он отстранился. — Ты можешь врать мне сколько угодно, но не твое тело. Я вижу, чего оно от меня ждет. Но знай, я не прикоснусь к нему, пока не услышу от тебя то, чего больше всего желаю, — проговорил он, выходя за дверь.

— Ты вернешься? — крикнула ему в след растерянная Дея.

— Если ты этого хочешь.

— Хочу.

Он обернулся, чтобы подарить ей короткий, утомленный взгляд, прежде чем закрыть за собой дверь, и на Дею сошел холод опустошенности. Она еще немного постояла перед захлопнувшейся дверью, словно надеясь, что Влад вернется, а потом направилась в кухню.

Сделав себе чаю, она пошла в спальню, но открывая дверь, пролила на свой белоснежный пеньюар несмываемую коричневатую жидкость и расплакалась, разглядывая стремительно расползающееся пятно.

Глава 17
Большой совет

Большой совет

Утром к ней пришло официальное приглашение от главы Мрамгора — ее ждали на большом совете. Дея еще никогда не принимала участия в общих собраниях, но полагала, что они мало отличаются от заседаний государственной думы. Перспектива просидеть на скучном мероприятии, выслушивая чопорных Хранителей, омрачило свежее, солнечное утро. У нее и без того было предостаточно дел, но положение обязывало ее принять приглашение и она его приняла.

Облачившись в свой легендарный жемчужный плащ, она заплела двенадцать траурных кос, стянув их в один тугой узел, и отправилась в замок.

Когда она подъехала к конюшням, то поняла, что Дорену придется оставить под открытым небом. Все стойла были заняты, повозки, телеги и одноместки, запрудили всю плошать перед главным входом. Конюхи носились взад-вперед, пытаясь усмирить лошадей, которые чуяли неподалеку волка. Огромная серая тварь развалилась на пожухлой траве, подставляя свою морду осеннему солнышку. Передав Дорену на попечение конюхов, Дея направилась в замок.

Как попасть в зал советов ей объяснил Вечко, встречающий всех вновь прибывших у главного входа.

— Как пройдете на третьем этаже всю анфиладу комнат, так направо и сворачивайте, там лесенка будет вверх, — тараторил низкорослый ключник. — Вот значит, по лесенке той поднимитесь и на шум идите. Они непременно шумят, без того у них никак нельзя, — важно поясни Вечко.

Дея представила себе толпу крикливых, закостенелых, словно дятлы бьющих по голове Хранителей, в обществе которых, ей предстояло провести невесть сколько времени. И без того не радостное расположение духа, совсем очернилось.

Девушка воспользовалась всеми советами ключника; взошла на третий этаж, прошла великолепную анфиладу комнат и, отыскав лесенку, поднялась наверх, но шума не услышала. Лестница обрывалась небольшой площадкой, от которой в три стороны отходили коридоры. Дея тщетно напрягала слух, заглядывала в каждую отворотку, но везде царила поистине неживая тишина.

Ей ничего не оставалось, как исследовать все коридоры по очереди. Пройдя вперед, она попала в плохо освещенное крыло, с множеством дверей расположенных так близко друг к другу, что ни одна из них не могла быть входом в зал совета.

Дея вернулась на развилку и на этот раз пошла влево, но не успела сделать и нескольких шагов, как услышала, что еще кто-то поднимается по лестнице.

«Подожду», — подумала она, застыв.

Легкие, быстрые шаги приближались, и вот на площадке мелькнула, темная вытянутая фигура, тут же скрываясь в противоположном коридоре. Дея глубоко вдохнула, позабыв выдохнуть, а удаляющийся человек вдруг обернулся, будто мог уловить этот звук.

— Дея? — проговорил запыхавшейся Вед.

— Нет, Екатерина вторая.

— Все никак не могу привыкнуть к твоим шуткам, — проговорил он, подходя к ней, — наверное они из того мира, в котором ты выросла.

— Именно. И это мир всегда будет стоять между мной и Багортом.

— Главное, чтобы не между нами, — отшутился он, беря ее под руку.

Дею поразила перемена его настроения, еще вчера он боялся убить ее, а сегодня разговаривал так, словно жуткого скандала и не было.

— Зал советов в той стороне, — проговорил Влад, внимательно изучая ее потерянный взгляд. — Нас, наверное, уже заждались.

— Нас?

— Да, Дея. Мы — те немногие, кто имеет реальное представление об Ихаиле. Тема сегодняшнего заседания — угроза со стороны Лонгвина. Вайес ждет нашего доклада.

— Но я не готова к докладу!

— Не беспокойся, говорить буду я, ты лишь согласно кивай и отвечай на те вопросы, на которые не смогу ответить я. Думаю таких будет не много.

Они остановились у огромных деревянных дверей в конце коридора. Вся поверхность полотна была украшена искусной резьбой, отображающей сцены суда, казни и еще каких-то непонятных действ.

— Я никому не позволю обращаться с тобой неуважительно, — прошептал Влад, приподнимая поникшую Деину голову, когда они остановились у дверей.

Дея подняла на него глаза, и чуть было не задохнулась от неподдельной, так украшающей его лицо нежности.

— Тогда идем, — так же тихо ответила она, и Влад открыл перед ней двери.

Зал советов был огромен, строг, даже, пожалуй, аскетичен

и удивительно светел. Будто багортцы верили, что при таком ярком освещении, никто не решиться творить несправедливость или попросту лгать.

Кафедра находилась в середине круглой залы, скамьи же располагались на некотором возвышении в несколько ярусов. Дея обратила внимание, что они поделены на сектора, в одних расположились жрецы, в других горный народ, в третьих лесные обитатели. Секторов было много и Дея не сразу отыскала свой. С десяток мужчин и женщин, преимущественно в зеленых плащах сидели на третьем ярусе и с любопытством разглядывали вошедших.

Тишины, впрочем, в зале действительно не было. За кафедрой стоял Вайес и вещал что-то, когда пара зашла внутрь.

— Мы не можем применить к осужденному, одно и то же наказание дважды, — говорил глава Мрамгора.

— Давайте придумаем ей новое, — предложил лысоватый мужичек с первого яруса.

Дея бросила на него беглый взгляд и поморщилась. Мужичонка был неприятным: сгорбившийся, с цепкими, щурившимися глазенками и неуемными, в каком-то предвкушении потирающими друг дружку узловатыми пальцами. Представитель горного народца повернул свое лицо к вошедшим и как-то сник, потупился и даже вжался в спинку лавки.

— Что, Некрас, пытаешься снова упрятать мою мать в темницу, — проговорил Влад прямо с порога, вколачивая в мужичка недобрый взгляд.

— Влад Карий! — осадил Веда Верховный Хранитель. — Уважайте совет и ведите переговоры согласно правилам. Я дам вам слово, и вы выскажете все, что думаете по поводу освобождения и возможного заточения вашей матери, а пока сядьте на полагающееся вам место.

Влад сел в самый конец, а Дея тихой тенью проследовала за ним. Она прижималась к нему как к щиту, словно боялась, что все эти люди могут разом накинуться на нее.

— Не бойся и говори только в случае крайней необходимости, — шепнул Влад.

Вайес еще некоторое время выслушивал предложения по поводу дальнейшей судьбы Мориты Карий, а Дея поражалась, как он может быть столь бесстрастен, столь государственнен и холоден, ведь решалась судьба не просто его женщины, а матери единственного сына. Но спустя некоторое время девушка уловила нить того тончайшего кружева, что плел глава Мрамгора вокруг этой истории. Он умело и поступательно

подводил к тому, что повторное применение наказания не только нежелательно, но и просто невозможно. Дея так же поняла, что Вайес скрыл ото всех истинных спасителей Мориты. Приписав все случившееся к делам рук Ихаиля. Он выдвинул предположение, что Ихаиль, дескать, как и многие Веды, оставшиеся в Лонгвине, был оскорблен тем, что Морита нашла себя в Багорте.

— Для совета не секрет, — говорил он, — оставшиеся на враждебном континенте Веды, все эти годы только и ждали, чтобы отомстить Багорту за то, что он разобщил их кланы.

Вайес предлагал не тратить время на разгадывание целей, которые преследовал Ихаиль, высвобождая свою бывшую жену, потому как копаться в чужой голове, все равно что пытаться различить в ночном лесу голубой и розовый цветок.

— Так или иначе, — довершил свой доклад Вайес, — Морита Кария в данный момент не представляет для Багорта никакой угрозы, так как находиться в крайне слабом состоянии, в отличие от ее мужа, которого сумела поймать Госпожа Ладгальд.

Скамьи заскрипели, и девушка тот час ощутила на себе сотню недоброжелательных взглядов.

— Но она же и упустила его, — прошамкал кто-то из верхних рядов.

Дея непроизвольно вскочила с места, выискивая того, кто бросил ей это оскорбление.

— Господин, Мстислав! — осадил выступившего Верховный Хранитель. — Имейте уважение! Синий лес в трауре, Госпожа Ладгальд потеряла двенадцать сестер, пытаясь остановить Ихаиля, который собирался сровнять с землей весь Мрамгор. И поверьте мне, ни один из вас не повторил бы ее подвиг.

— Почему его не поместили в темницу? — спросил представитель Ведов.

— Так сложились обстоятельства, — отвечал Вайес. — И потом вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-то сбегал от русалок?

В зале воцарилась гробовая тишина.

— Итак, — продолжил Вайес. — Это трагичное событие показало нам, сколь силен и опасен наш враг. Я прошу, взять слово Дею Ладгальд и Влада Кариго — тех немногих, кто видел его силу в действии и хоть сколько-то мог ей противостоять.

Влад повел Дею к кафедре и только теперь она разглядела на противоположной стороне немногочисленную группу Сагортов, устроившихся во втором ряду. Ян сидел рядом с Сеславом и пристально смотрел на нее. Дею передернуло от его взгляда, было в нем что-то острое и в то же время сострадательное.

Влад сразу взял слово, подробно рассказав о битве с Ихаилем. После чего, его засыпали вопросами, большинство которых изобиловало непонятными терминами. В дискуссии учувствовали в основном жрецы, пытаясь доказать свою состоятельность, но Влад снова и снова критиковал все их подходы к решению сложившейся проблемы. Выходило, что в Мрамгоре нет такой силы, которая могла бы остановить Ихаиля в одиночку. Только объединив всех Хранителей, они могли надеяться на успех. Но Веды во что бы то ни стало хотели собрать группу для поисков того, кого не смог одолеть и сам мраморный Влад, да еще при помощи русалок.

— А почему Госпожа Синего леса все время молчит, — вдруг спросила тонкокостная миловидная женщина в черном плаще, — Госпожа Ладгальд, подскажите нам, как отыскать убийцу.

— Нет смысла искать Ихаиля, — проговорила Дея устало. — Он сам скоро придет к нам.

— Что это значит?

— Не тратьте время на его поиски. Потратьте его на то, чтобы подготовиться к его приходу. Неужели вы думаете, что это была случайная акция психа одиночки? — говорила Дея уже окрепшим голосом. — Нет, это была провокация, чистая и хорошо спланированная. Но даже если я и ошибаюсь, он не простит нам того оскорбления, что мы ему нанесли. Поверьте, месяц в плену у Озерных дев — не самое лучшее приключение. Он поднимет все оставшиеся кланы в Лонгвине и направит их против нас. Представьте мощь нескольких Ихаилей и подумайте, на что вы потратите оставшееся время. А еще подумайте о том, что нам сейчас нужен каждый Вед, когда будете обсуждать повторное заточение Мориты Карий. Я бы на вашем месте, позволила ей снять с себя ярлык недостойной, который вы так упорно пытаетесь на нее навесить, в огне предстоящей войны. Я слышала, что когда-то она стоила десяти, таких как вы. Сейчас не время казнить своих, сейчас время объединяться.

Речь Деи вызвала настоящую бурю. Хранители повскакивали со своих мест, стараясь, перекричать друг друга. Единодушного мнения о предположении, которое высказала Дея не было, поэтому со всех сторон послышались обвинения в ее адрес.

Тут не выдержал уже и Влад, он пообещал, что если совет продолжит нелестно высказываться в адрес Госпожи Ладгальд, он нарушит запрет о применении магии в этих стенах и разнесет их еще до прибытия Ихаиля. Вайес тут же урезонил разошедшегося сына, но с трибуны не снял. А напуганные багортцы поумерила свой пыл в отношении Госпожи Синего леса. Но споры не прекращались, и, видя, что они ни к чему не приводят, Вайес

объявил часовой перерыв на обед.

Шумная толпа рассыпалась по замку, тесня его жителей в уютных трапезных. Вайес увел Влада, Дею и Яна в свой кабинет. За большим рабочим столом, который спешно накрыли к обеду, девушка оказалась между двумя парнями. Ни один из них не желал уступать другому, стесняя ее своими попытками, привлечь внимание. Когда подали горячее, Вайес предусмотрительно заявил, что сам поухаживает за ней и соперники были вынуждены отступиться.

— Я как всегда восхищен вашей способностью говорить кратко, но емко, — сказал Вайес, отрезая Деи кусок баранины. — А еще вашей удивительной способности, наводить переполох, — он хитровато улыбнулся. — Думаю во втором заседании, мы сможем предложить проголосовать за отмену наказания для Мориты.

— А если они все же проголосуют против? — спросила Дея, принимая тарелку.

— Тогда вы напугаете их тем, что Ихаиль снова освободит свою жену, но на этот раз точно сравняет Мрамгор с землей. Дея, неужели вы думаете, что я позволю свести на нет, все ваши усилия?

Девушка поймала озадаченный взгляд Яна.

— Эй, — позвала она его.

Ян сделал вид, что не расслышал. Тогда Дея повернула к себе его лицо, которое парень старательно прятал в тарелке.

— Если ты проголосуешь против, я об этом узнаю, мой друг.

— У нас свободная страна.

— Ага, еще скажи демократия. Я думаю, ты сделаешь что угодно, лишь бы насолить Владу. Но знай, если ты проголосуешь за заточение Мориты — ты оскорбишь меня и Вайеса. А теперь можешь использовать свое право голоса, сколько влезет.

— Моя дорогая, вы слишком строги к Яну, — елейным голосом пропел Вайес. — Я уверен, что он и не думал голосовать за заточение.

Ян же ничего не ответил, лишь уткнулся в тарелку, старательно орудуя ножом и вилкой.

До конца обеда они обсудили возможный исход всей этой ситуации и пришли к единодушному выводу, что Дея права и Ихаиль действительно не оставит нанесенное ему оскорбление без отмщения.

— Вед, положивший столько лет на месть Багорту за то, что он отнял у него жену, теперь-то уж точно так просто нас не оставит, — говорил Влад, и даже Ян не мог с ним не согласиться.

Вайес пустился в пространные рассказы об Ихаиле. Поведал, что тот весьма изобретателен и может настроить против Багорта не только Ведов, но и правителей Лонгвина. По всему выходило, что с трудом сохранявшийся мир снова был под угрозой. И причиной этому было именно то, что в прошлый раз сумело остановить войну — переселение Ведов.

Заседание совета продлилось до самого вечера. Багортцы галдели, словно стая некормленых сирэнов. Обсуждали возможность наступления Ведов с враждебного континента и вероятность открытых военных действий со стороны самого лонгвинского правительства. С воодушевлением и даже неистовством дискутировали о переподготовки военных сил Мрамгора. Не забыли посчитать и примерные расходы на нужды обороны, заготовку провианта в тайных кладовых Мрамгора и многое, многое другое.

Когда все были уже порядком измотаны, Вайес предложил проголосовать за отмену наказания для Мориты Карий. Собравшиеся повозмущались, но все же проголосовали, как это обычно делалось в Багорте. После того как Верховный Хранитель предложил остаться тем, кто согласен с принятием положительного решения в данном вопросе, зал опустел примерно на половину.

У Деи сжалось сердце. Девушка непроизвольно вцепилась в руку Влада, боясь, что вскочит и закатит скандал, если окажется, что осталось меньшинство. Но вот подсчет присутствующих был закончен и Вайес объявил, что большинство проголосовало за отмену повторного заточения. Он поблагодарил оставшихся за милосердие и сознательность, после чего распустил заседание.

Влад с Вайесом отправились в палату Мориты, а Дея поняла, что настало время обновлять гардероб и поспешила к портнихе. Ян увязался за ней.

— Наконец-то, Дея, наконец-то, — галдел он по дороге в мастерскую к Виле. — Наконец-то, мне не надо тащить тебя к портнихе волоком. Ты уже знаешь, какое платье хочешь заказать или может сапожки или …. — Ян не договорил, мечтательно закатывая глаза.

Что он там себе воображал Деи и представлять не хотелось. Она шла за вполне конкретным заказом, в котором были и сапожки и многое другое, но совсем отличное от того о чем сейчас думал ее друг.

Вила встретила ребят с воодушевлением и сразу затараторила о долгожданных тканях из Серварга, что прибыли на прошлой неделе. Она уверяла, что они как нельзя лучше

подойдут Деи, потому что из них получатся поистине величественные наряды. Но девушка остудила щебечущую хозяйку мастерской, потребовав лист пергамента и кисть с тушью.

Получив требуемое, она стала старательно вырисовывать силуэты, а потом и примерную выкройку ее бедующих нарядов. Ян заглядывал ей через плече и почесывал в затылке, не решаясь комментировать творчество подруги. А когда все было готово, и девушка протянула лист портнихе, та поморгав огромными глазищами, спросила:

— Это вы для себя, Госпожа?

— Да, — ответила Дея и принялась объяснять, как именно она видит этот костюм и из чего его лучше всего сшить.

Вила замахала руками.

— Протестую, протестую, — верещала она, старательно тараща глаза. — Это неслыханно, это срам! Госпожа Синего леса хочет обрядиться как разбойница.

— Это не наряд разбойника — это удобный, универсальный костюм, который понадобиться мне… — она запнулась.

Ну не говорить же, в самом деле, портнихе о возможном нападении Лонгвина. Разболтает всему Багорту, как пить дать, разболтает. Пришлось сочинять про тренировки с Маюн.

— Послушайте, Вила, мне очень нужен этот костюм и именно такие высокие сапоги, — чуть не слезно просила Дея. — Если вы сошьете мне его, я соглашусь на любое платье из ваших новых тканей, которое вы для меня смастерите. Обещаю.

— Даже с воланами и воротником стоечкой?

— Только умеренными.

— Хорошо, — сдалась портниха, и ребята вышли из ее мастерской.

— У меня такое ощущение, будто я только что выиграла как минимум Куликовскую битву, — выдыхая, призналась Дея.

— Не мудрено. Ты бы ей еще косуху и гады заказала и попыталась объяснить, что в той деревни, из которой ты приехала, так ходят все уважающие себя незамужние девицы.

— Ладно тебе, Ян, — посмеялась Дея. — Ты-то ведь понимаешь, что в кожаных штанах бегать за неуловимым Ихаилем проще чем в развивающихся кружавчиках.

— Я да, — Ян улыбнулся, останавливая Дею, — а все потому, что я в отличие от Вилы видел тебя в джинсах и еще помню, как ты в них соблазнительна.

Он притянул ее к себе, жадно смял в поцелуи губы, а потом вжал в стену и накинулся со всей свой неудержимостью, которая обуревала его при одной только мысли о том, что скрывалось под деиными одеждами.

— Ян, — позвала его задыхающаяся девушка, — ты, наверное, забыл, у меня траур.

Тяжело дыша, он отстранился от нее.

— Я тебя провожу.

— Не стоит.

— Я не спрашиваю, — проговорил он бесцветно.

Только теперь Дея поняла, что Влад был прав — он действительно считает ее своей собственностью.

Ей бы разозлиться, но спорить с Яном она сейчас не хотела, в его глазах багровело неутоленное желание, а еще злость. Дея смотрела на друга и не узнавала его, столь четко проступали сейчас на молодом, но уже таком суровом лице все его мысли. А думал Ян только о том, как бы скорее добраться до ее мягкого, податливого тела и завладеть им, как бы обезволить ее, лишить покоя.

Ту юношескую и безудержную агонию, что разжигали они в минуты единения, Ян принимал за любовь. Ему и в голову не могло прийти, что Дея отдавалась ему, не чувству того же, что испытывал к ней он сам. Поэтому увидев ее сегодня в обществе Влада, он чуть было не свихнулся от ревности, а сейчас хотел лишь одного — взять реванш, доказать самому себе и ей, что она его и только его. И что так будет всегда.

И все же, он не мог не признать ее право на скорбь по убитым сестрам, потому отпустил, но отказа не принял, а лишь приготовился ждать, когда снова возьмет свое, снова утвердиться с правах, сминая Деину волю своим буйным, безудержным желание обладания.

Глава 18

День траур

Деин траур

Дни потянулись унылые, безрадостные. Жизнелюбивый Ян чах в молчаливом томлении. Деин траур длился уже почти три недели. Лес стоял тихий, печальный, даже русалки не пели своих песен. Дея приходила к ним, как и прежде, но они просто тихонько сидели, молчали и думали каждая о своем. Ян не ходил на эти безмолвные собрания, это была не его скорбь, он чувствовал себя там чужим, чего нельзя было сказать о Владе. Тот изредка, но наведывался к Озерным девам, которые с того памятного дня прониклись к Веду непостижимой для Яна любовью.

Выходило, что он умудрился стать лесу другом. Запуская свою магическую лапу в самое близкое и личное для Деи, он окутывал ее своей незримой паутиной внимания, которого его подруга, казалось и не замечала. Он оберегал ее от всего, будто она ваза хрустальная. Нет, про то, что Дея в некоторых моментах действительно хрупка как ювелирное изваяние, Ян и сам знал, но он предпочитал быть ее единственным защитником, хоть это и становилось все трудней.

Несмотря на свой нелюдимый нрав, Госпожа Синего леса все же сыскала сторонников, и теперь ее дом периодически походил на малый совет. Старый Хранитель Хвойного леса, что вступился за нее, когда совет явился оспаривать ее права, пара Ведов не входивших в круг жрецов и многие защитники водоемов, приняли ее сторону, не давая Яну побыть с подругой наедине.

Всего несколько раз ему посчастливилось застать ее одну, но и тогда он не решился склонять ее к близости. Смиренно волоча за собой романтический шлейф, он предпочел вздыхать, в нетерпении дожидаясь снятия траура.

Работа стала единственной отдушиной парня. Маленькая и уютная комнатка в самой высокой башне замка — пристанище небесных Сагортов, всюду сопровождающие его овсянки, приносящие и уносящие вести, Маюн и тренировки с Сеславом — вот что теперь занимало почти все его время.

Яну нравилась его жизнь, нравился кураж и лихость, с которой они с Сеславом организовали разведывательную деятельность, нравилось быть в курсе всего происходящего, нравилось принимать самостоятельные решения. Доверительность главы Мрамгора льстила Яну, маслила его самолюбие. Он рвался выполнять все более сложные и ответственные поручения. А звание Верховного Сагорта, которое ему дали, как он теперь понимал, в долг бедующих

заслуг, толкало его на бедовые поступки.

Без Деиного участия он почти забросил библиотеку, все больше полагаясь на оружие. Они с Сеславом подавали большие надежды, и Вайес недолго думая, определил их в задругу. Этот небольшой отряд лучших воинов Мрамгора мог соперничать разве что с аполой самого Боремира, в которую входило всего две дюжины воинов, да не просто воинов — богатырей! В задруге же состояло четыре дюжины солдат и столько же учеников, но удержаться среди них было трудно. Ежедневные тренировки по три-четыре часа, после которых приходилось отлеживаться в лазарете, выдерживал не каждый. Яну трижды зашивали руку, а Сеслав страдал от сотрясений.

— Еще парочка таких промахов и тебе в конец мозги вышибут, а твоя Омелла найдет себе мужа посообразительней, — подшучивал над другом Ян.

Но парень отмахивался, утверждая, будто русалки редко разводятся, а мозгов у него еще на пару месяцев хватит. А там глядишь, он чему-нибудь и научиться.

Так проходили дни. Ян мужал, все уверенней утверждался в статусе Сагорта, привлекал внимание, в особенности женское. Поначалу он его и не замечал вовсе, те девицы, что в замке жили, свой интерес проявляли деликатно, сдержанно, не в пример Ждане. Торговка так одолевала парня своими визитами, что он, в конце концов, стал от нее прятаться. Единственное, что его в этой ситуации забавляло — так это Деина ревность.

Однажды она наведалась к нему в башню и столкнулась с Жадной. Девушка смирно сидела в уголке и помогала Яну привязывать письма к птичьим лапкам. Любила она эту незатейливую работу, которая позволяла ей побыть рядом с любимым, бросая на него украдкой косые взгляды. Сидела Ждана тихонечко и Яну не мешала, к тому же своими шустрыми девичьими пальчиками она делала эту работу быстрее Сагорта, потому Ян ее и не гнал, хотя понимал, что не честно это.

Так вот однажды, когда Ждана уже заканчивала работу и собиралась уходить, как обычно без стука и предварительных шорохов (умела Дея ходить тихо как тень), вошла его возлюбленная и, усмотрев в их тихой идиллии, нечто романтическое, одним лишь только взглядом взбаламутила все пространство кабинета. Ждана не говоря ни слова, выпорхнула из башни, и еще неделю не показывалась. Дея же молча, посмотрела на Яна, злобно сощурила глаза и удалилась с гордо поднятой головой. Ян ее потом конечно догнал и долго оправдывался, но прежде нахохотался вволю.

После этого случая пошел о Госпоже Синего леса недобрый

слух — будто бы она собака на сене, прибравшая двух самых видных молодцев. По Владу-то не больно кручинились, хоть и видный он был, а все ж трудный больно. Местные девицы знали, что каши с таким не сваришь, только сердце потреплешь и вся радость. А вот за Яна у них на Дею обида была. Молодых злость, да зависть брала, старухи сетовали на то, что связала этакого ладного да складного молодца судьба с непутевой самодуркой. Что, мол, пропадет он с ней, а мог бы простой да порядочной девушке достаться, кабы не краля эта. Думать они так думали, но распространять свои мысли за пределы семьи не спешили. Все ж таки Госпожа Синего леса как-никак — лицо во всех отношениях почитаемое (должно быть). Так или иначе, а слухи, что вода — дырочку найдут. Об отношениях Яна и Деи, они ходили разные, но достоверности в них было мало.

— Госпожа-то наша новая слыхал, че удумала? — подслушал раз Ян, разговор двух пастухов. — Новый закон протолкать хочет — чтоб бабам по два мужа иметь дозволялось.

— Ты такие разговоры-то вести не моги! — испуганно зашипели ему в ответ. — Знаешь, как нашу новую Госпожу Вайес жалует? То-то. А если Сагорт молодой прознает, что ты как баба сплетни развозишь, язык те вырвет и без соли своей душеньки скормит. Глупости это! Они с Яном брат с сестрой, а Влад за ней таскается известно почему.

— Почему?

— Да потому, что все пред ним как снег мартовский мокнут, а она, иш ты, нос воротит. Вот он и вскобелился паскуда.

— Да ты нашего мраморного таким горячечным видел когда? — не унимался первый. — Он же, как пес кидается, ежели про нее кто не так подумает.

— Нешто, как заполучит ее, так и обмерзнет весь, как раньше был сделается.

— Баба моя слыхивала, что уж и заполучил, от того и бешеный такой. Волшебство сказывают, в ней особенное есть — ежели она кого к телу свому сахарному допустит, считай, что все — пропал человек.

— Куда пропал?

— Ну, вроде как прилип к ней намертво, про других баб, и думать не могет. Во какая — рыба-голубая!

— Ты, Зов, хуже бабы, чесно слово — брешешь и не краснеешь.

Дальше Ян слушать не стал. Пошел в «Пьяного быка» и надрался до букашек в глазах. Хотел смыть неприятный осадок, не вышло. Понимал он, конечно, что народ гнилой везде встречается и сплетни — это его излюбленное развлечение. Врали

обо всех мало-мальски значимых людях, плохих, хороших — неважно. Даже о Боремире слух один недобрый ходил, будто он по девкам ходок знатный, да больно зажимистый и грубый. Берет, дескать, любую не спросясь. Однажды будто бы жену гончара к рукам прибрал, а когда за нее муж вступился, пришиб. Враки, конечно, не мог он, глава самой ополы ведь, первый воин в Мрамгоре.

В общем, знал Ян про то, что люди ерунду всякую болтать большие молодцы, но не давал ему покоя один вопрос. Откуда они прознали, что Дея и впрямь будто сахарная и, что после нее все остальные девицы молью блеклой кажутся?

Пил Ян горько, в одиночку. Толи ответ на терзавший вопрос найти хотел, толи голову потушить, чтоб не выдавала вообще никаких мыслей. Чтобы пусто в ней было как в старых замковых подвалах. Да так упился, что и не помнил, как до комнат своих добрался. А на следующий день маялся от похмелья, даже тренировку в задруге хотел прогулять, больным прикинуться, но все же пошел, себе на горе. Сломали ему на той тренировке руку. А какой он к бесам Сагорт с одной рукой?!

Горий утешал, что перелом не самый каверзный, недели за три срастется, а пока Ян теорию наверстает и левую руку потренирует.

— Какой же ты задружник, если только правой биться можешь, — говорил лекарь, помешивая в мисочке белый, вязкий раствор. — А что письма писать не можешь — не беда. Мы помощничка пришлем, давно тебя пора от этой рутины освободить. Есть у тебя кто на примете? — спросил он и ехидно так подмигнул, чем Яна крайне удивил.

«Надо же, серьезный человек, а тоже сплетнями не брезгует», — подумал Ян, но вслух сказал, — есть, парнишка один, Молчаном зовут. Целыми днями в библиотеке просиживает. Говорят, работать хочет, аж не может.

Горий вопросительно на парня посмотрел, поулыбался и пообещал добыть ему ценного помощника к завтрашнему же утру.

Думал Ян, что с подручным ему как-то вольготней станет, что сможет к Деи почаще наведываться, но ошибся. Бумажную-то работу за него и впрямь Молчан почти всю делал (парень оказался на редкость способный и Яну страшно благодарный за такое продвижение), но свободного времени не прибавилось. Те часы, что он на корреспонденцию тратил, теперь полагалось проводить в библиотеке. Тоил назначил ему экзамен, и Ян как заправский студент строчил шпаргалки на маленьких клочках пергамента. На тренировках его, как и прежде гоняли по три часа,

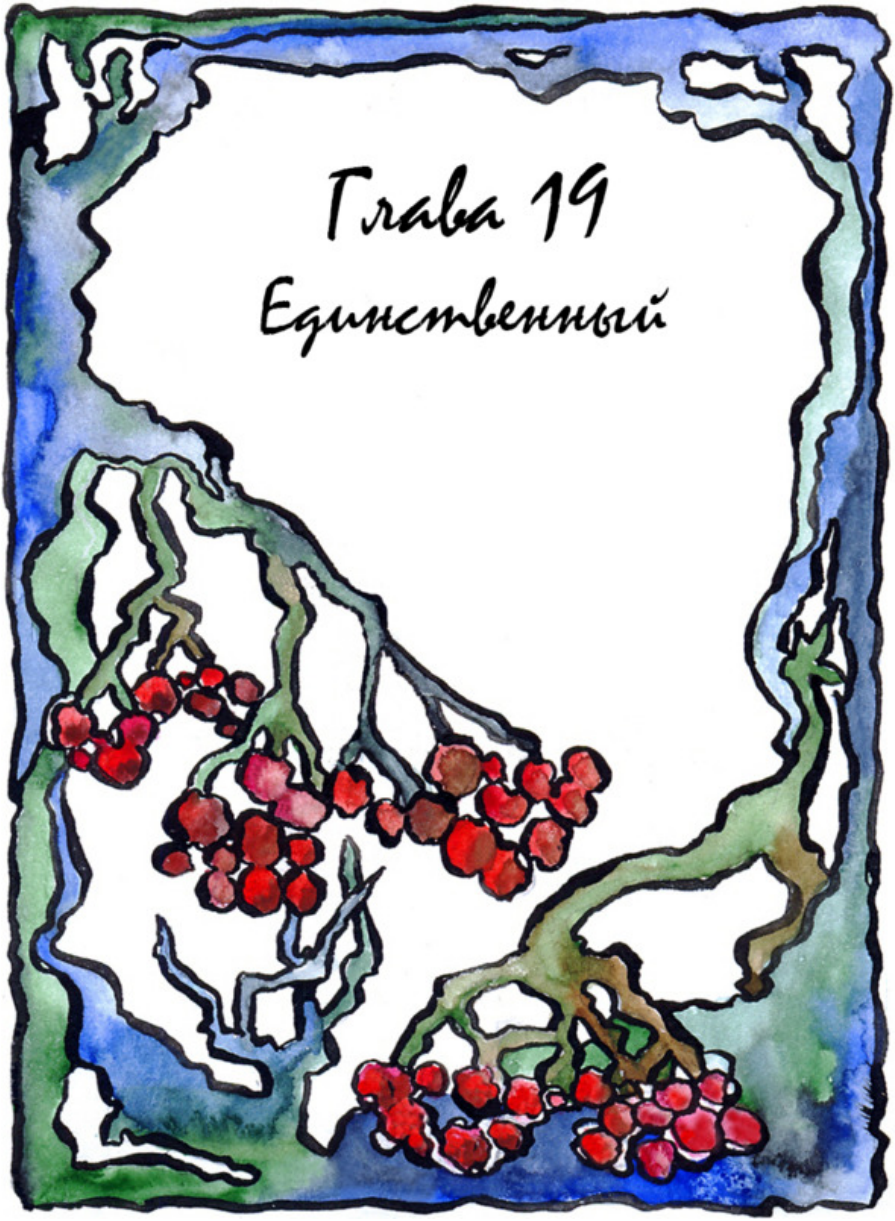
разве что щадили — новичков подсовывали, и Ян довольно быстро научился от них левой отбиваться. К тому же на обычную гигиену тратилось непозволительно много времени, а еще девушки и их назойливые мамаши в трапезных сильно докучали. Каждая считала своим долгом, чуть не с ложечки накормить доблестного воина, претерпевающего такие муки ради их спокойствия и блага. Мамаши таскали на его стол тарелки и кружки, ненароком подсаживая к нему своих дочерей.

— Моя Светислава, такая скромная и заботлива девочка, — лепетала какая-нибудь старуха, толкая свое чадо с подносом к столику Яна. — Она считает своим долгом, облегчить ваши временные неудобства.

И Ян был вынужден есть за одним столом с какой-нибудь Светиславой, или Беленой, или еще кем-нибудь. Одни сидели молча, заглядывали ему в рот и только подливали похлебки, другие без устали трындели о всяких глупостях, а были и такие, которые откровенно ждали от него чего-то за свои заслуги, но чего именно Ян не мог взять в толк. Поначалу конечно не мог, потом-то догадался, что это они все в невесты к нему метят, и жутко разозлился, стал у тетки Ведары столоваться.

Глава 19

Единственный



Единственный

Со дня трагедии прошел уже целый месяц. Траур был снят и лес потихоньку оживал. Сквозь блокаду горя и непринятия медленными потоками заструились жизнь. Озерные поляны вновь зазвенели струнными переливами и голосами дев. Они снова запели свои песни, только теперь томные, любовные истории сменились сказаниями о подводной битве, о печалях сестер и молодых вдовцах, едва успевших познать ласки русалок.

Пока длился траур, многое в жизни Деи переменилось, многое осмыслилось, только боль не утихала. Она словно бы трансформировалась, каждый раз осознаваясь по-новому. Оцепенение и душевная сонливость спали, и вся эта история представала теперь перед ней со всеми своими неприглядными реалиями. Но она не могла позволить себе бесконечную тоску, лес нуждался в сильном Хранителе, способном справляться с утратами.

Яна она теперь видела реже обычного, у молодых воинов задруги времени на девушек было в разы меньше чем у прочих. Но Дею его занятость вполне устраивала, хоть она упорно и не признавалась себе в этом. Виной тому был Влад. Он завладел-таки ее сердцем безраздельно, и Дея уже начала страшиться того дня, когда придется сказать Яну, что их клокочущая любовь, которой они так безоглядно предавались, не может длиться вечно. Она откладывала этот разговор, надеясь, что все разрешиться как-нибудь, само собой. Но время шло, молчание затягивалось, чувство вины разливалось отравой, а уважительное отношение Яна к ее трауру поддерживало иллюзию связи.

Влад же хоть и, не таясь, разворачивал перед Деей весь калейдоскоп своих чувств, представая в образе печально-романтического героя, слово свое держал — не касался ее, ждал признания. «Вот парадокс, — думала Дея, — я получила все, о чем мои предшественницы могли только мечтать, кроме того единственного, что было доступно им. Этого меня Влад лишил».

Казалось, нужно просто признаться ему, что каждый ее вздох полниться его именем, что ночи стали для нее слаще утреннего света, потому что во сне она нежилась в его медовых объятьях, и их целомудренно-белая любовь окрашивалась в жгучий пурпур. Даже цветы рассаженные в горшках, и те были призваны наполнять ее дом мнимым присутствием Влада (она раздобыла заветный иланг-иланг и заполонила им все подоконники).

Она хотела ему открыться. Представляла, как кинется к нему,

расцелует всего, наговорит кучу пошлых нежностей, признается, наконец, что любит, любит так, что сил никаких нет. Но стоило ей собраться духом и открыть рот, как в ней сворачивалось все, застывало и вместо признания дурь какая-нибудь оскорбительная лезла.

Несколько дней назад они страшно разругались и виной всему та самая дурь была. Влад усердно работал над своей зеркальной инсталляцией (как ее прозвала Дея) и работа эта шла к завершению. А когда он все закончил, первым делом к ней пришел, сказал, что будет завтра ее весь день ждать, очень ему натерпелось с ней своими достижениями поделиться. Она, конечно, пообещала прийти и слово свое собиралась сдержать, ну кто ж знал, что Ян на тренировках руку себе повредит и за утешением к ней придет.

Когда Дея уже выходила из дому, облачившись в новенькое, кашемировое платьице, на ее пороге возник покалеченный Ян.

— Что с твоей рукой? — испугалась за него Дея, осматривая гипсовый панцирь покоящийся на перевязи.

— Ерунда, — отмахнулся Ян, — до свадьбы заживет.

— Какая же это ерунда — это перелом!

— Я тренируюсь в задруге, любовь моя, а там происшествия и посерьезней случаются, — стращал Ян Дею.

— Намеренно меня пугаешь? — укорила она его, и тут Ян похмурил, да так, что Деи не по себе сделалось.

— В дом пустишь? — спросил он каким-то отстраненным, чужим голосом.

— Проходи, — нехотя пригласила она, надеясь, что его визит не растянется на долго.

Ян зашел, по хозяйски развел камин, налил себе меда в кружку, уселся на диван.

— Платье новое? — спросил он, разглядывая стоящую подле него Дею.

— Да, — небрежно бросила она, — холодает, вот решила утеплиться.

— М-м-м, — протянул Ян, отпивая из кружки мед. — Ты собиралась куда-то ехать?

— Так, ничего важного, на рынок хотела заглянуть, — сочиняла Дея, ненавидя себя в этот момент.

Ну зачем, зачем она ему сейчас врет? Ведь он видит ее насквозь, ведь чувствует, что ее затянувшийся траур, лишь предлог и причина ее отстраненности не в гибели сестер. Так почему же он не спросит ее открыто, почему не решиться на откровенный разговор? К чему эта пытка и лицемерие?!

— Подойди, — попросил Ян, протягивая к ней руку.

Дея подошла, опуская голову и пряча от него виноватые глаза. Ян обхватил ее здоровой рукой, вынуждая сесть ему на колени.

— Я скучал, — прохрипел он, зарываясь носом в ее распущенные волосы. — А ты?

— Да, — тихо ответила Дея и тут же пожалела об этом.

Ян ловко опрокинул ее на диван, и принялся шарить руками в поисках лент на платье.

— Ян, — робко позвала его Дея, в надежде остановить, объяснить что-то, прекратить эту агонию, но Яна уже несло.

Он не видел ее пять дней и Дея хорошо знала, чем обычно заканчивались их долгие разлуки. Вот только сейчас она к такому исходу готова не была. Она отчаянно пыталась не поддаваться искушению, не отвечала на требовательные поцелуи и даже пыталась отстраниться, но Яна это только распаляло. Принял ли он ее несмелый отказ за игру или же понял, наконец, что она больше не принадлежит ему, что ее желание теперь отдано другому, Дея не знала, но такого яростного натиска, с каким он обрушивал на нее свою страсть, она выдержать никак не могла.

Ян задыхался, целуя ее нежное, разгоряченное сопротивлением тело, окунал пальцы в волосы, запрокидывая ее голову назад и подставляя своим губам беззащитную шею, хрипел и ругался, не в силах справиться с платьем. А когда вконец обезумел от желания, плюнул на ленты и зашуршал нижними юбками, что спасали Дею от его неистовой горячности.

Когда он любил ее своей безумной, животной любовью, подминая под себя ее волю, заставляя подчиняться и растворяться в нем, Дея себя не помнила. Отдаваясь Яну, она принадлежала только ему, она была словно его добычей, его собственность и продолжением. Но не в этот раз.

Дея закрывала глаза и видела бледное лицо Влада. Ей страстно хотелось, оказаться сейчас в его объятьях, вдыхать его запах и стоны свои дарить ему, а не Яну. Но потом она распахивала свои ресницы, и затуманенный страстью взгляд Яна убивал в ее голове все мысли, оставляя лишь те, что были связанны с ними.

Когда утомленные и растрепанные они лежали на полу в гостиной и смотрели на затухающий в камине огонь, Дея ненавидела себя. Ненавидела, за то, что опять обманула его, за то, что позволяет гладить ее лицо и шептать на ухо всякие глупости. Но больше всего она ненавидела себя за слабость, потому что поняла вдруг, что на самом деле, она боится потерять Яна, бояться, что получив Влада, больше не сможет испытать на себе ту необузданную, темную силу, которая изливалась в нее

когда Ян был рядом.

Так, падая в пропасть собственных несовместимых меж собою желаний, Дея и пролежала в объятиях друга, до самого вечера. А когда на лес сошли сумерки она поправила волосы, зашнуровала платье и собиралась уже выпроводить Яна, чтобы все же наведаться в поместье Кариев. Но в этот момент случилось непоправимое — на пороге возник Влад. Глаза недобрым горят, волосы растрепаны, рубаха наизнанку надета. Как Яна увидел, так побледнел весь, молочным стал совсем, а кончики пальцев опасно засветились.

— Дея? — прошипел он, смотря при этом на развалившегося в кресле Ян.

— Не понял, — прорычал в ответ парень, уставившись на ворвавшегося без стука.

Влад повернул к Деи похолодевшее лицо, и она поняла, что это конец. А потом события завертелись столь стремительно, что девушка уже ничего не могла исправить.

— На рынок, говоришь, собиралась? — прохрипел Ян, вскочив с кресла и хватаясь за меч.

Не надо, — вырвалось у Деи, но было уже поздно, ее друг кинулся на Влада, как бык на красное.

И тут все затряслось и завертелось. Дея поразилась, что левой Ян работает почти так же лихо, как и правой. Он наносил резкие, хлесткие удары, бушевал словно ураган, но беда была в том, что от гнева Влада меч Яна спасти не мог.

Думала Дея, поубивают они друг друга. А еще думала, что лучше бы Яну раньше все сказала, а не надеялась на то, что само собой все разрешиться.

Когда соперники вывалились из тесной гостиной и покатились кубарем по поляне, она вклинилась меж ними — развести попыталась. Куда там; получила кулаком по скуле и сильным электрическим разрядом в грудь. Еле очухалась и поняла, что придется использовать тяжелую артиллерию. Раскинула руки и стала призывать свою силу, которая незамедлительно откликнулась, подняв дерущихся в закручивающуюся воронку.

Когда держать их у Деи уже не было сил, она опустила руки, и парни с грохотом упали наземь. Влад тяжело дышал, но попыток возобновить драку не проявлял, лишь смотрел на поднимающегося соперника с нескрываемой ненавистью. Ян же на Веда даже не взглянул, все его внимание было обращено на Дею, которую сейчас била такая дрожь, что из прически вываливались шпильки.

— Правду значит, о вас люди судачат, — с горечью выплюнул

он, разбивая ей сердце разочарованным взглядом, — свалялась с этим… — договаривать он не стал, с силой пнул придорожный валун и кинулся прочь.

Дея хотела было его удержать, объяснить чего-то, хотя что уж тут объяснять, но Влад не пустил. Схватил ее за руку прямо на бегу и пристально посмотрел мертвеющими глазами. Дея этот взгляд хорошо знала, ничего доброго он не сулил.

— Жалеешь его?

Она молчала.

— Нельзя выбрать обоих, — проговорил он глухо.

Ей бы и дальше в молчанку играть, но в нее вдруг та самая дурь вошла.

— Сам говорил, что клеше не для меня, — выпалила она, — так почему я не могу выбрать вас обоих?

— Потому что я не собираюсь быть вторым!

— Так будь первым!

Глаза Влада потемнели, а пальцы вжались в ее ладони. И как только Дея осознала, что перешла все границы, ее ударило током.

— Извини, не сдержался, — проскрипел он, опасно замирая.

Они стояли так довольно долго, Влад распинал ее убийственным, осуждающим взглядом, и Дея хотела в этот миг только одного, провалиться свозь землю или даже умереть. Но потом он закрыл глаза и притянув ее к себе, вдохнул яблочный аромат смешанный с запахом Яна.

— Как бы я хотел желать твоей смерти, — прошептал он, — тогда это лихорадка закончилось бы.

— Нет, Влад, все бы только началось, но не для меня, — проговорила она тихо, в такт ему. — Жизнь полна неожиданностей и многое в ней можно попытаться изменить, в то время как смерть ставит окончательную точку.

— Твоя смерть могла бы поставить точку в этой истории.

— Для меня да, но не для тебя. Боль утраты, скорбь, сожаление, раскаяние — вот продолжение твоей истории при таком повороте сюжета.

— В таком случае, может мне просто убить нас обоих?

Дею так разозлили его слова, что она дернулась, высвобождаясь из его объятий, и чуть было не залепила ему пощечину. Если бы она знала, что они были продиктованы отчаянием, но она не понимала этого. Она не могла поверить, что можно говорить настолько равнодушно будучи отчаявшемся. Ей снова захотелось причинить ему боль.

— Решать тебе, но я бы на твоем месте попробовала стать первым.

— Единственным, — прошептал он, — я могу быть только

единственным. Ты очень жадная, моя девочка, очень. Но это юность, со временем ты поймешь, чего тебе действительно хочется.

Он оставил ее тогда одну и больше не приходил. Дея заходила к нему сама, во дворе стояла незнакомая, богатая коляска, но в доме было тихо и на стук никто не вышел. С того дня девушка просиживала на берегу озера ночи напролет, ей не хотелось возвращаться в пустую, одинокую постель. Спала она теперь где придется только не на своей мягкой перине, которую наяву делила прежде с Яном, а в грезах с Владом.

Но вечно так продолжаться не могло, неделя полуобморочной одури и покинутая обоими любовниками девушка не выдержала. Собравшись духом, она решилась-таки наведаться в замок, разыскать Яна, постараться все объяснить. Но ее ждало разочарование. В тесной башенке Сагорта сидел какой-то незнакомый прыщавый юнец, перекладывающий с места на место стопки конвертов.

— Где Ян? — спросила его Дея.

— Так это… Уехал, — прошепелявил помощник, растерянно таращась на вошедшую. — А вы не знали?

Ответить Дея не смогла, лишь покачала головой, опираясь о косяк. Такая в эту минуту на нее усталость навалилась. Прыщавый юнец, подскочил, пододвинул к ней табуреточку и плеснул воды из графина.

— Ян последние дни мрачнее тучи ходил, пил много, чего за ним никогда раньше не замечалось, а потом как-то неожиданно для всех сдал до срока экзамен и собрался в путешествие, — объяснял Янов помощник. — Вайес его ни в какую не хотел отпускать, но потом смирился. Маюн при замке осталась, очень за Сагорта тревожиться, но Мрамгор бросить не может.

Куда именно отправился ее друг, помощник не знал, поэтому Дея решилась наведаться к Вайесу. Но и у него она толком ничего не разузнала. Глава Мрамгора сказал только, что уехал Ян неизвестно куда. Будто бы, что-то искать отправился, а что именно Вайес так и не уяснил, да и сам Ян не особенно-то понимал, на поиски чего пустился.

— В общем, решил я его отпустить, — сказал ей глава Мрамгора, — пока он не набедокурил. Сердце неспокойное, голова горячая. Да что я вам объясняю.

Утешить Дею, Вайес не мог, он и сам пребывал в расстроенных чувствах. Выходило, что из-за нее он лишился Сагорта. Дея повздыхала, стараясь не расплакаться прямо в кабинете Верховного Хранителя и поплелась к тетушке Ведаре. К этой сердобольной и милой женщине она шла за советом

и лаской, но разговор с поварихой у нее тоже получился не радостный.

— Не дразни мужчин, ягодка, — говорила она тихонечко, усадив Дею в самый дальний угол кухни. — Особенно если не собираешься давать им желаемое. Поверь, даже самый ласковый и любящий парень, сильно тебя удивит, если ты заденешь его мужское достоинство.

— Да, — соглашалась Дея, — я догадываюсь, что их уязвленное самолюбие дорого мне обойдется.

— И все равно играешь с ними?

— Я не играю, — шептала она, опуская глаза, — я люблю.

— Обоих?!

— Да.

Глава 20

Степень дозволенного

Степень дозволенного

Она забавлялась, отыскивая в нем слабые места. Ей нравилось причинять боль. Влад начинал думать, что эта единственная причина, по которой Дея держит его при себе. Она знала, что даже в своем отказе подарить ей невинный поцелуй, он наказывает в первую очередь самого себя. Она видела его лучше других, потому что была его зеркалом. И отражение, в которое он смотрелся, ужасало и восхищало одновременно. Но реагировал он на Дею не так, как казалось должен был — он не мог ей извинить того, что себе дозволял безоглядно.

Когда-то давно, всю ту любовь, что в нем осталась, он обернул внутрь себя и сейчас видя в Деи свою копию, испытывал двойственное чувство. Ему казалось, что он подглядывает за ней, что имеет тайное превосходство, что если и не знает ее как самого себя, то чувствует. Но уверенность в этом быстро развеялась. Эта их странная, неполноценная связь, продолжала его удивлять. Влад не врал когда говорил, что она была для него подобна солнцу, утаил он лишь то, что любовь его была солнечным ударом.

Безысходность и уничтожающее чувство собственной несостоятельности, завладели им в тот день, когда он, наконец, понял — она не шутила, она действительно его больше не любит. Все во что он верил было лишь плодом его воображения, лишь желанием принятым за действительность.

Крушение надежд стало подобно лавине сошедшей с вершины его стремлений. Он — карабкающийся вверх и находящейся, как ему казалось, уже на середине пути был теперь безжалостно отброшен к самому основанию воображаемой скалы желаний.

Влада уничтожала апатия. Вот уже несколько дней он почти не вылезал из постели. Осунулся, глаза утратили живой блеск любопытного, вдумчивого человека, а молодое и обычно свежее лицо покрывала теперь, жесткая щетина.

В таком вот жалком состоянии он и встретил ее, сидя на подоконнике и изнывая от тоски и ненависти к самому себе.

Она не стучала, не окликала его, просто вошла, просто положила свою солнцеподобную голову ему на плечо.

— Я не ждал тебя, — проговорил он хрипло.

— Мне уйти? — спросила она.

Голос ее был лекарством. Влад понимал, что она пришла получить свою порцию впечатлений, насладиться его разбитостью, но отказать себе в возможности полюбоваться ею,

уже не мог. Он развернулся, просто чтобы посмотреть на нее еще раз, впитать в себя тот свет, что видел, как ему казалось, он один. Развернулся, взглянул и тут же отвернулся, внезапно ощутив себя грязным. Ее юная, молочная чистота, свежесть и тепло так резко и болезненно контрастировали с его безысходностью.

— Влад, — позвала она, но он не обернулся. — Я поняла, чего мне действительно хочется.

— Чего же?

— Тебя, — робко прошелестела она, и тогда Влад обернулся.

— Почему, — спросил он, не сумев скрыть надежды в голосе.

— Я… Я… — Дея взволнованно теребила свои пальцы, трогала руками лицо, будто проверяя на месте ли оно. — Я… не знаю.

— Ты не осознаешь природу своих желаний? — проговорил он медленно, чувствуя, как внутри все начинает бурлить. — Ты хотя бы понимаешь, о каких именно желаниях говоришь?

— Я, наверное, зря пришла, — забормотала она, делая шаг назад.

Ее нерешительность вызвала во Владе ярость, скрыть которую, он был уже не в силах.

Дея попятилась, видя, как его глаза наливаются огнем. Она уперлась в стойку кровати и руки ее беспомощно зашарили по резной деревяшке. Влад видел, как в ней происходит какая-то внутренняя борьба, она хотела сбежать, но еще больше хотела остаться.

Он не выдержал и подошел к ней. Вынул заколку из ее волос и шумно вдохнул легкий, рассыпающийся аромат. Дея замерла, позволяя ему вбирать в себя свой запах, наслаждаться им, а потом вдруг закрыла глаза и откинула назад голову, демонстрируя свою незащищенность.

Влад облизал пересохшие губы, смотря на ее белую шею, но не шелохнулся. Он не знал, откуда пришла к нему эта уверенность, но чувствовал — плохой момент Дея выбрала для свидания. Оба они пребывали сейчас в каком-то помешательстве, и все, что с ними происходило было надрывным, даже молчание.

Влад знал, что Дея первая не выдержит и сотворит какую-нибудь глупость. Он даже хотел выставить ее за дверь, прежде чем это случиться, но словно окаменел. А в себя пришел только тогда, когда она эту глупость уже сделала.

Дея подняла дрожащие руки к завязкам на плаще и потянула за ленту. Накидка упала на пол. Владу бы еще тогда совладать с собой, остановить ее, но он только смотрел как завороженный. Наблюдал, как ее пальцы нашли шнуровку на лифе, как они медленно распутали ее, как показалось неприкрытое тело

с мраморной глубиной и прозрачностью, а затем и розоватый ореол с голубой жилкой.

Взгляд Влада словно приковало к этой пульсирующей, перламутровой ленточке. Сердце побежало, беспрестанно спотыкаясь, и вот уже казалось, что оно бьется во всем теле одновременно. Он чувствовал удушье. А его внешняя парализованность была равносильна тому внутреннему беспокойству, которое завладевало им.

Дея потянулась к его руке, обхватила дрожащими пальцами и опустила на сою обнаженную грудь. И как только Влад ощутил упругую, горячую, часто вздымающуюся плоть под своей ладонью, к нему вернулась способность двигаться. Он схватил Дею за плечи и толкнул на кровать, а сам прижался к стене, плотно запахивая полы легкого халата, будто они могли защитить его от нее.

— Моя душа хочет твою, если это желание сильно отличается от того что испытываешь ты, уходи! — с усилием проговорил он.

Дея приподнялась на локтях и пристально посмотрела на него, опуская взгляд.

— Не только душа, — проговорила она, довольно улыбаясь.

— Тебе всего семнадцать и ты не понимаешь моих чувств. Твое сердце — вот моя страсть. Его я хочу, нет вожделею! Мне мало того, что ты позволишь войти, я захочу остаться.

— Ты останешься, — прошептала она, вставая с постели и приближаясь к Владу, который чувствовал себя загнанным в угол.

— Что ж ты делаешь? — простонал он, когда Деина рука нырнула под его халат.

Она была мягкая, теплая и подрагивающая. Дея неуверенно водила кончиками пальцев вдоль его позвоночника и что-то приговаривала. Но, что именно Влад расслышать не мог, по всему телу разливалась волнительная ломота.

— Ты и впрямь мраморный, — расслышал он, когда она защекотала губами возле уха.

— Ты знаешь, что это не так, — выдавил он, не шелохнувшись.

— Докажи.

— Не пытайся провоцировать так грубо.

— Ты такой же, как и я, — протянула она, прижимаясь к нему. — Тебе нравится мучить меня, — она взяла его безвольные руки, обвила вокруг себя.

— Ну и стерва же ты! — прорычал Влад, швыряя ее на кровать.

Он был не в себе. Впервые за долгие годы он не был

в состоянии контролировать себя. В голове гудело и что-то беспрестанно лопалось. Весь мир съежился до одной маленькой точки, и все его внимание было направленно на нее — на эту точу, настойчиво требующую подчинения. Влад не удостоил ни ленты, ни завязки внимания, просто запрокинул подол платья, накрывая Дею своим вздрагивающим телом.

— Что, даже одежду не снимешь? — послышалось у самого его уха.

Голос ее был смеющемся, победным и Влада затопило волной злости. На кого он был зол, Вед не знал. Не догадывался он и о том, что способен на пошлую грубость. Одним рывком он поставил Дею на ноги, резко выдернул из тряпичного плена и, разворачивая спиной к себе, толкнул вперед — к дверям кабинета. Девушка заорканилась, почувствовав исходившую от Влада угрозу, и тогда он впихнул ее в открытую дверь. Одним махом смел все бумаги и усадил на стол.

— Хочешь, чтобы я был груб, как твой дружек? — просипел он.

— Нет, — прошептала Дея, — я хочу, чтобы ты был собой.

— Может именно так я и обращался с предыдущими девицами. Я ведь олицетворение порока, забыла?

— Порочность и грубость ни одно и тоже, — проговорила она дрожащим голосом. — И потом, ты знаешь — я не считаю пороками твои… — она запнулась, опуская глаза.

Влад усмехнулся.

— Что, не знаешь, как еще можно назвать мои странные пристрастия?

Дея молчала, упорно отводя глаза.

— Ну, что же ты молчишь? — спросил он вкрадчиво, а затем жутковато улыбнулся, легонько касаясь ее. — М-м-м… хотела меня обмануть, — улыбка его сошла на одну сторону, — но тело выдало. Грубость тебя заводит.

— Желание причинять боль, всегда тесно связано с желанием ощущать ее, — призналась она, поднимая на него глаза. — Но я не хочу, чтобы ты был жесток, если тебе это претит.

— То есть, если бы грубость мне нравилась, ты бы приняла это?

— Я приму тебя всякого, потому что… Потому…

Влад напрягся, подаваясь вперед и съедая ее глазами, но Дея снова замкнулась.

— Что «потому что», Дея?

— Ничего, — бросила она.

Эта ее неспособность признаться, стала тем самым маленьким камушком, что попадая в разлом, вызывает камнепад.

Можно ли было винить Дею в том, что она разбудила присущую Владу холодную изощренность мстительного человека? Скорее всего, оба они сделали это друг с другом и оба проиграли.

Чудовищная изобретательность, с которой Влад мстил за свои провалы, на этот раз поразила и его самого. Не получив долгожданного признания, он похолодел, отошел от нее и сел в кресло, что стояло напротив стола.

— Тогда сделай для меня кое-что, — проговорил он, устраиваясь поудобнее.

— Что именно? — спросила она робко.

— Доставь мне эстетическое наслаждение, — Влад криво улыбнулся, вызвав у Деи панику.

— Я не понимаю тебя, — дребезжащим голосом проговорила она.

— Ты должна быть уже достаточно опытна чтобы понимать, что я имею в виду. Хотя твой твердолобый герой-любовник вряд ли просил тебя о столь изысканных удовольствиях. Полагаю, Ян был весьма банален в своих желаниях, — он издевательски улыбался, щуря лихорадочно блестящие глаза.

Дея попыталась спрыгнуть на пол. Но Влад был уже всецело поглощен своей отвратительной идеей и не позволил ей этого сделать. Его пальцы засветились нехорошим красным свечением, и он принудил Дею вернуться на место.

— Если ты не сделаешь этого добровольно, я заставлю. А ты должна будешь принять это как часть меня. Ты ведь меня любого принимаешь, по неизвестной тебе причине, не так ли?

Дея смотрела на него с ужасом.

— Ты хочешь унизить меня, чтобы я стала тебе противна? — выдавила она. —Так ты пытаешься избавить свое сердце от любви ко мне?

Влада передернуло от того, насколько точно она определила истинную причину его дикости.

— Ну, так заставь, — прошипела Дея, скалясь. — Хочу, чтобы ты сам стал себе противен.

Влада ее слова ошпарили словно кипяток, и он заставил (впрочем, почти сразу пожалев об этом). Он обещал, что перестанет ей манипулировать, как только она попросит его остановиться. Но она не просила, она позволила ему оскорбить их обоих.

В чувства Влада привело отсутствие их у Деи. Когда девушка, издав последний стон, неуклюже съехала со стола, он еле успел подхватить ее, прежде чем она ударилась об пол.

Держа на руках обмякшее тело любимой, он остро ощутил, что изуродовал, обезобразил своей извращенностью их связь.

Затмение, так очернившее его сердце и разум, вдруг отлегло, оголяя тошнотворность всего происходящего.

Влада замутило. Он боялся и желал этой тошноты. Желал, потому что думал, что тогда извлечет из себя эту одиозную чушь, а боялся то того, что вместе с мерзостью он вытошнит всего себя целиком.

Плохо отдавая отчет своим действиям, он словно в тумане взял Дею на руки и отнес на кровать. Истово заворочал простынями, кутая ее словно в кокон, бормоча при этом одно единственное.

— Прости, прости, прости…

Дея открыла глаза, и Влад одернул руки, будто его застали за чем-то неприличным. Ее тяжелый взгляд, который она вбивала в него, заставил Влада попятится, снова прячась за полы тонкого халата.

Не говоря ни слова, Дея высвободилась из белого кокона и встала пред ним во весей своей обнаженности. Владу даже показалось, что он как-то уменьшился, она же напротив, сбросив с себя белые оковы, переродилась. Но не из куколки в бабочку, а из чего-то хрупкого, детского в скальное и холодное.

Раньше он думал, что Дея — это взрывоопасная смесь в хрупкой хрустальной скорлупке. Он и хотел разбить стенки сосуда, в котором она обиталась и страшился этого. Теперь же он отчетливо понимал, что не знал ее ни раньше, ни теперь. Влад околевал от ее холода, пока Дея не отвела свой обмораживающий взгляд. Подняв с пола плащ, она сокрыла свою невозможную красоту и молча ушла, не удостоив Влада ни прощанием, ни коротким взглядом. А он так и стоял приморженный, пока не спохватился и не понял, что она уходит не только из его дома, она сейчас из жизни его исчезает.

Нагнал он ее уже за воротами.

— Прости, — прошептал он, хватаясь за ее накидку, как за последнюю надежду.

— Конечно, прощу, — неожиданно ответила она, не оборачиваясь, — ведь я люблю тебя. А сейчас дай мне уйти.

И она действительно ушла, так и не обернувшись, оставив Влада стоять в столбняке.

Тонкая фигура удалялась, а Ведом вновь завладевала злость. На всю эту спесивую дурость, на себя, на Дею, за то, что она позволила ему, сделать это с ними. Она и сейчас оказалась сверху, раздавив его тем, что не предотвратила этого безумия, позволила совершить над собой надругательство.

Знала ли она, что стыд может быть таким разрушающим? Понимала ли, к чему приговаривает его, когда спровоцировала

на это? Скорее всего, она и не осознавала всей глубины его извращенности. Не могла даже представить, степень своего незнания его натуры, в силу собственной неопытности. Но он-то, он-то хорош! Вед он получается тоже себя не знал!

Когда ее фигура исчезла за поворотом, Влад ощутил нестерпимую пустоту. Не было больше ориентира, точки возврата, смысла. Смысла в самом себе не было! И он побежал.

Щебенка впивалась в его босые ноги, пару раз он налетел на булыжники, отбив пальцы, но боль существовала отдельно от него, он же догонял ту, в которой сосредоточился сейчас смысл всего его существования.

— Заставишь меня вернуться? — спросила она, останавливаясь, но не оборачиваясь, когда его шаги были уже близко.

— Нет, попрошу.

Она развернулась, и Влад внутренне содрогнулся. На ее лице не было ни слез, ни отвращения, ни ожесточенности, вообще ничего не было. Пустое лицо. Словно все, что до этого отражалось в нем, являлось лишь карандашным рисунком, который взяли да и стерли ластиком.

Все, что он хотел ей сказать, тут же вылетело из головы.

— Вернись и позволь мне, быть собой, — только и смог он выдавить в это пустое нечто.

— А сейчас ты что, Яна изобразить пытался? — спросила она безразлично.

Влад не мог как ни старался, говорить с этой ужасающей пустотой, поэтому просто смотрел, молчал, ждал чего-то, а чего и сам не знал.

— Нечего сказать? Ну, так я тебе скажу. Ян слишком простодушен, чтобы придумать столь изобретательный способ унижения. Ему вообще не пришло бы в голову, мстить мне за недосказанность. Что касается тебя — так я думала, ты умнее и мог бы без слов, заметить очевидное.

— Мне казалось, это твоя очередная игра. Ты ведь понимала, что я не сближаюсь с тобой, из боязни окончательно потерять контроль над собой.

— Ну, если тебе самоконтроль дороже чести, то поздравляю, господин Просрамши, свое и мое достоинство.

И как только она это сказала, он понял — простить-то она его простила, но вот принять обратно, уже не сможет. Была в Деи какая-то непостижимая трепетность, с которой она относилась к своему достоинству. Не тому наносному, которое идет во вне (что о ней говорили за глаза, она во внимание не брала), а внутреннему, личному. Эту чистоту она блюла с особой

тщательностью. Не общепринятые добродетели она чтила, но свои собственные, только они были ее маяками в житейских сумерках. И сегодня его изощренный ум, безошибочно подкинул ему именно то, что и обмарало ее честь. Многие женщины не увидели бы в этом маленьком баловстве, ничего предосудительного, но не она. Ее оно разгромило. Нет, их обоих. Обнулило все, что меж ними до этого приключилось.

Дея бросила на него безразличный взгляд и отвернулась. В этот момент Влад явственно ощутил, что ночь, которой он так боялся, сошла на него, придавила своей черной лапой и уже не отпустит, еще несколько мгновений, и она похоронит все его желания и устремления. А потом его пронзила боль. Не вымышленная душевная, а реальная, воплощенная боль, вошла в его грудь. Он непроизвольно схватился за то место где полагалось быть сердцу и ощутил, как оттуда что-то изливается, испаряется, уходит.

Реальный мир поплыл вокруг него, вынося в небытие, в уже знакомую безпространственную реальность. Влад осел на землю, шаря дрожащими ладонями по кустарникам, словно слепой, ищущий за что бы ухватиться. А потом из последних сил открыл глаза, чтобы взглянуть на удаляющуюся фигуру любимой.

То ли золото ее развивающихся на ветру волос, то ли долетевший до него яблочный дух, а может и замедляющиеся в нерешительности шаги Деи, встрепенули Влада, но прощаться с жизнью он передумал. Упрямо вздернув голову, он схватился за грудь и с силой вдарил по оказывающемуся работать сердцу, а потом поднялся и, шатаясь пошел за Деей.

Он не знал, как будет ее возвращать, что говорить или делать, но знал, что не готов сдаться так просто. Он плелся за нею, хватаясь за растопыренные ветви, шаркал ногами и ожесточенно хрипел, борясь чудовищной болью и, наверное, именно это неприкрытое, не наигранное отчаянное желание вернуть ее и заставило Дею обернуться. Не просто развернуть себя вокруг оси и направить стопы к Владу, а извлечься из ледового кокона, который так его устрашил.

Ка только она увидела его посеревшее лицо, сгорбленную спину и чудовищную муку, что отражалась на его красивом лице, так ее охватил страх. И был он неподдельным, вывернутым на изнанку хоть и молчаливым. От невысказанности он делался более внушительным и выпуклым. И этот самый ее страх — страх за него (это он понял как-то сразу) и вернул Влада в реальность, свернул с тех границ, где он уже однажды бывал.

— Мы задумали чудовищный эксперимент над самими собой, моя девочка, — выдохнул он, с усилием распрямляясь и обращая

на Дею взгляд, полный сожаления. — Он сведет нас в могилу, если мы вовремя не поймем где границы дозволенного.

— А они есть? — тихо спросила она.

— Я начинаю думать, что да.

Шлем ужаса

Прошло несколько недель с тех пор как Ян оставил Мрамгор. Поначалу-то он хотел только одного — покинуть место, в котором каждый камешек, каждый закоулок и сами люди напоминали ему о ней. Они словно бы смотрели на него и молчаливо так сочувствовали, и это их немое участие было невыносимым. Ему казалось, что все в Мрамгоре знали о том, как его предали, унизили, оскорбили, обокрали.

Обида и озлобленность со временем прошли, но чувство обобранности оставалось неизменным. А еще не давало покоя непонимание происходящего. Как могла она — Дея, такая возвышенная, совершенная, чистая попасться на его дешевые уловки. Причины, по которым его возлюбленная выбрала Влада, казались ему поверхностными, жалкими, даже ничтожными.

«Ну чем, чем он мог ее привлечь, кроме как смазливой физиономией и витиеватыми фразочками?» — думал Ян, не желая признавать (как бы очевидно это не было), что Вед и его подруга не просто с одного поля ягоды, но и с одного куста. Дея и его соперник были одним целым, в то время как Ян лишь ее дополнением.

В свое путешествие Ян отправился один, не потому что хотел сбежать ото всех, а лишь от того, что в первую очередь хотел сбежать от себя. Сам он, правда, наивно полагал, что от нее, поэтому первое время был страшно зол, что Дея преследовала его всюду. Во снах и наяву она являлась к нему в своем истинном обличии или напоминанием о себе. Нигде ему не было покоя, ни в чем он не находил утешения, поэтому изнурял себя и лошадь долгими переходами, чтобы в ночное время, не думая ни о чем, просто засыпать тяжелым, томительным сном, в котором неизменно была она.

То, что Ян вознамерился отыскать, пустившись в странствие, представлялось ему довольно смутно. Штудируя старинные трактаты, во время подготовки к экзаменам, он случайно наткнулся на упоминание о некоем «шлеме ужаса». Где именно эта реликвия находилась, он не знал, в записях указывалось лишь то место, где шлем видели в последней раз. Но легенды о нем поразительным образом всколыхнули Яна, которого, казалось, уж ничего не могло привести в равновесие.

Не сделало этого и таинственное сказание о ратном богатыре Свегоре. Но мысли о том, что его настоящее и бедующее сокрушено разбавились теперь и мечтаниями о «шлеме ужаса». Пафосное название приятно ласкало слух, а чудеса, которые

шлем сулил своему обладателю, распаляли тщеславие. Ян часами сидел в библиотеке, разыскивая в старинных текстах еще какие-нибудь упоминания о пресловутом шлеме, но кроме того, что он был замечен в первой битве Хранителей, ничего не нашел.

Из всего прочитанного выходило, что Свегор — последний обладатель реликвии переломил исход битвы, явившись на поле брани в сияющем конусном шлеме, от которого, по словам очевидцев, исходила чудовищная мощь. Он в одиночку разгромил всех уцелевших в той битве воинов и Ведов Лонгвина.

Молва о его невероятной силе и мудрости простиралась на все три континента. Но самым чудным оказался тот факт, что до того как стать носителем «шлема ужаса», Свегор был простым кузнецом. Поговаривали, будто он сам смастерил себе этот доспех, а Веды наделили его магическими свойствами. Но Ян откопал одно краткое свидетельство о происхождении этого артефакта, и гласило оно о том, что шлем не принадлежал людям. Впервые о нем упоминалось в сказаниях о перворожденных Ведах посланных на Хору. Будто бы их предводитель носил на себе этот знак отличия, будучи боевым Ведом, коих после памятной войны меж ними, почти не осталось. Шлем этот, если верить легенде, нес в себе силу и знания всех предыдущих его обладателей, и конечно Яну вскружило голову одна только мысль о том, что раздобыв шлем, он обретет мощь его изначального хозяина.

Не в силах отказаться от Деи (не смотря на ее подлое предательство), Ян видел теперь в этом чудо-артефакте свое единственное спасение. Нет, он не думал убить с его помощью Влада, но надеялся затмить сулившим величием, все его незначительные достоинства.

Так любовь толкала честолюбивого Яна на немыслимый подвиг, на поступок столь бесшабашный и невероятный, что ему и самому бы впору подивиться. Но он был не в себе, а может в этом и проявлялась его истинная природа — быть бесстрашным, отчаянным сорвиголовой. Так или иначе, Ян предпочел пуститься в опасное путешествие на поиски силы и славы, имея лишь смутную старинную легенду, да несокрушимую уверенность в успехе сомнительного мероприятия.

Надо ли говорить, что отчаяние и безысходность тесно граничат с верой в чудеса, и порой только эта вера и позволяет справиться с гнетущими трудностями, дает шанс на новую жизнь, толкает вперед. Не подвернись Яну эта легенда, не захвати его разум и сердце, не вложи свет надежды во все его помыслы, он может и растворился бы совсем в кажущейся безысходности.

Этот свет гнал его на восток, к мрачным скалам Загубья,

за которыми и нашли бездыханное тело Свегора. Путь был не близким — три с лишком тысячи верст по трактам, проселочным дорогам, непроходимым топям и буреломам. Но Яна эти трудности не смущали, он был убежден, что лишения и тяготы идут на пользу истинному воину меча и духа. Поэтому безропотно принимал и холод, и голод, и уж тем более отсутствие постоялых дворов. Но когда он стал замечать, что лошадь его сдает, начинает прихрамывать на переднюю ногу, сделал большой крюк, сверяясь с картой. По его подсчетам верстах в пятнадцати должна была быть небольшая деревенька в двадцать домов. Там-то он и рассчитывал разжиться новой конягой, повыносливее.

Оказалось, пятнадцать верст — это по прямой, ему же пришлось идти в обход из-за расползшейся болотины. Но это были не все разочарования; деревня тоже изрядно поредела, от двадцати домов, которые ему сулила карта, осталось только восемь и те старые, покосившиеся, с прохудившимися крышами и венцами требующими замены. Болотина закрывала проезд с большого тракта, и деревенька чахла, изживалась. Скотина, правда, водилась и даже в избытке. Земля за пролеском была уж больно жирная и коровки да жеребята усердно ее топтали, неспешно пережевывая пока еще зеленую травку.

Ян понадеялся, что сторгуется с деревенскими и обзаведется хорошей конягой, но денег, которые он посулил за жеребца, крестьяне не брали.

— На кой нам ляд твое серебро? — удивлялись не смекалистости горожанина, сельские жители. — Ты вот лучше, добрый молодец, крышу мне подмоги справить и дров на зиму заготовить, и я те самых любых жеребцов отберу.

Деваться было некуда и Ян подмог. И крышу справил и дров наколол и даже крестьянскую дочь усладил, не нарочно, правда, вышло так.

Три дня они с дедом крышу крыли, а дочка его мягкая и теплая, словно хлеб из печи (про то Ян после узнал) молоко да коржи им все таскала, несмело посматривая на Яна. А как крышу доделали, дед на радостях велел бабке застолье устроить, ну и напились все ясное дело. Когда гость спать собрался, обходительная хозяюшка его лично до комнаты довела, но уходить не торопилась, стояла в дверях и наливаясь розовым румянцем, наблюдала как Ян пытается справиться с сапогами. Выходило у него это довольно скверно, а точнее, вообще не выходило, и молодая девушка поспешила на помощь. Присела у его ног, помогла разуться, а потом взяла и скинула с себя платье, представая перед Яном во всей своей первозданной

красоте.

Он поднял на смелую девушку осоловевший взгляд и замотал головой, будто хотел стряхнуть непрошенное видение. Но тут на его плечи легли горячие, мягкие руки и заскользили, защекотала, раскручивая внутри него какую-то древнюю и дикую силу, что уже брала его в оборот. Ян этой силе противился как мог, пока перед его взором вдруг нежное и ласковое лицо Деи не возникло. Его подруга улыбалась и сладко постанывала, но не в его объятьях, и тут Яна такая злость взяла, что стоящая подле него девушка даже испугалась. Но было уже поздно.

На утро Ян помнил все довольно смутно и если бы не очнулся в объятьях дородной, пахнущей хлебом и сеном крестьяночки, то, наверное, эта история показалась бы ему сном.

Дрова колол шустрее прежнего, потому как деревенская Венера, ему теперь нигде проходу не давала. Дела свои домашние позабросила, сидела подле него на чурбанчике и квасом беспрестанно поила, а ночью томительно глаза закатывала — ласк ждала.

Винить ее за назойливость Ян не мог и даже немного сочувствовал, в деревне молодых мужиков мало было, раз-два и обчелся, а девица она была жаркая, для затворничества не созданная. В общем, управился он с дровами за два дня. Получил в уплату за труды двух крепких, молодых еще коняг — рабочих и выносливых, не в пример его породистой кобылке, которую он на память о себе крестьянке оставил. Глупо конечно, но просто так он уйти тоже не мог, особенно после того как его обожательница не сдержалась и, уронив непрошенную слезу, кинулась к нему на шею, умоляя остаться или взять ее с собой.

Взять с собой девчонку Ян не мог, и даже не от того, что она не выдержала бы его трудного пути (эта бы выдержала), а от того, что простодушная, пылкая девушка была чиста перед ним в своей любви, а он нет.

Ян себя за подлость корил и пытался сгладить вину лишениями. Не щадил себя в трудном походе, времени на охоту почти не тратил, довольствовался хлебом, что ему в заплечный мешок сердобольная девчонка затолкала, да родниковой водой. Коняг своих, правда, берег, старался полями проходить, чтобы они травкой местной полакомились, к тому же надо было беречь сено, что дед на животных навьючил. Рано или поздно и в эти края зима пожалует, а путешествие его затянется, это Ян понимал уже ясно.

Где да как, сокровище свое искать будет, Ян не знал, действовал по наитию, на авось надеялся. Решил, что сначала до заветного места доберется, а там уж и скумекает как дальше

быть. Верил он, по-детски так, безоглядно, что ежели шлем этот ему суждено найти, то и подсказки как это сделать, сами отыщутся.

До серых скал добрался, когда осень уже заявила о себе в полной мере, и тут его ждало первое разочарование. Поначалу-то это никакое не разочарование, конечно, было, а приятная неожиданность — скалы те оказались обитаемы, Хранители в них жили ни много ни мало целая семья. Они-то и рассказали Яну, что нет здесь никакого шлема и что, мол, знать они о нем ничего не знают, а ежели кто и может свет на эту таинственность пролить так это Ведьма старая, что в Загубье живет. Как ту ведьму отыскать, ему подробно рассказали, и из повествования этого Ян уяснил, что место это так зловеще называется не потому, что в нем гибнут мирные путники, а потому, что за губой речки Морьи находится.

На поиски ведьмы-затворницы ушло несколько дней. Она как услыхала, что Ян «шлем ужаса» разыскивает, руками замахала, заохала и давай парня прочь гнать. Да только не для того Ян путь свой проделал, чтобы теперь не соло нахлебавшись, разворачиваться. Просидел у ее хибары двое суток, и сдалась Ведунья, рассказала ему, что как только Свегора здесь нашли, так шлем этот сразу и спрятали.

— Не добрый он шлем этот, — говорила скрипучем, старческим голосом ведьма. — Не ищи ты его, погубит он тя.

— Да ты меня не стращай, а лучше расскажи все, что про него знаешь, а я уж и решу потом добрый он или не добрый, — упрашивал Ян.

И она рассказала. История выходила престранная, потому как бывалый герой Свегор, погиб чудной смертью. Разъезжая со своей дружиной по Багорту в поисках вражеских лазутчиков, он остановился на ночлег у реки Морьи. Сам же первым за дежурного и остался, а когда его сменить пошли, то обнаружили вместо ратного богатыря иссохшее словно мумия тело, с болтающимся на черепушке шлемом.

Дружина переполошилась, стала виновника в смерти своего воеводы разыскивать, почти всю семью здешних Хранителей перерезала — пытала. Зверства их пресек прапрадед рассказчицы. Он как шлем это увидал, так сразу все и понял.

— Не от рук врагов, он погиб, — прошамкала старуха, — а от собственной дурости и жажды славы. Шлем этот не для людей предназначен, а для перворожденных Ведов. Мощь в нем недюжинная сокрыта, но и хитрость своя имеется — не служит он одному хозяину подолгу. Сначала силу дает и знания, что в нем хранятся, а потом все назад забирает. Умер Свегор от того, что

шлем этот из него всю силу выбрал без остатку, — закончила свой рассказ Ведунья.

— А куда же он потом подевался? — спросил Ян.

— Известно куда — прапрадед мой его забрал. Не без боя конечно, дружина из-за этой вещицы готова была всем глотки перегрызть. А забрал потому, что не людям она принадлежит, а Ведам, а если точнее сказать одному Веду, которого уж и в помине нет. Потому вещь эта опасная, непредсказуемая и много зла принести может, ежели не к тому в руки попадет.

— Куда ж он ее спрятал?

— А этого я тебе сказать не могу.

— Почему?

— Вот дурной какой! — подивилась ведьма. — Сказано ж, сила в ем магическая, а ты парень — человек. Не сдюжишь, пропадешь.

— Не пропаду, бабка, не боись! — заверил ее Ян. — А если не поможешь мне железяку эту отыскать, знай — обречешь Багорт на иго ладгольдское, потому как война намечается нешуточная, и сил у нас против них нет совсем. Шлем этот чуть не единственная надежда. Не достану его, пропадем.

Ведьма посидела, подумала с часок, губы сморщенные все чуть не сживала, но потом все же решилась.

— Ладно, парень, бес с тобой, поверю я те, укажу место где искать надобно. Только у меня условие будет.

— Какое? — насторожился Ян, зная, что от Ведов можно любого выверта ожидать.

— Воспользуешься им только раз. В самый тот момент, когда уже ничего другое вам помочь не сможет.

— Почему раз?

— Да потому, дурья твоя башка, что на другой, он тебя уже и забрать может, и ты мое условие не выполнишь.

— А это не условие разве?

— Это предостережение. Условие мое вот какое — как только шлемом воспользуешься, спрячь его понадежнее, а как возможность сыщется, ко мне возвращайся, я его сызнова укрою. Знай, Сагорт Янислав по прозвищу бесстрашный, не сдержишь слова, найду тебя в этом и в любом другом мире и тогда уж не серчай.

Яна передернуло, ведьма-то была ох как не проста, хоть и походила на обычную нищенку. Он ей не то что прозвища и звания, имени-то своего не называл. Что-то подсказывало ему, не настолько он знаменит, чтобы слава о его подвигах в такую глушь вперед него забрела.

Ведьмы он, конечно, устрашился, но от мечты не отказался.

— Даю слово, как кончиться война, верну шлем коли буду жив. А если помру, друг мой долг отдаст — привезет тебе обещанное.

Ведьма своими белесыми глазенками на него так недобро посмотрела и, улыбнувшись, сказала.

— Ступай к пустошам на бравое место, туда где знаменательное сражение было, где Свегор славу себе сыскал. Там камушек не простой отыщешь; все прочие серо-коричневые, а этот зеленцой поросший, неприметный такой. Коли сдвинешь его, так и удача за тобой будет.

— Как же я его найду, если он не приметный?

— Мечта, — протянула она, — мечта тебя приведет. Но по пещерам, что под камнем тем ходи осторожно, в них невесть что водиться, и Хранителей там нет. Там-то в тех пещерах прапрадед мой этот шлем и припрятал.

Надо ли говорить, что на сборы Ян не потратил ни дня? Как только новый курс его обозначился, он коняг своих навьючил и ускакал навстречу судьбе.

Ведьма долго еще стояла на пороге своей лачуги, все смотрела на удаляющегося Яна и нашептывала что-то себе под нос.

Глава 22

Единение

Единение

До того как с ними произошло то чудовищное событие, о котором они предпочитали молчать, Дея была ненасытна в своем стремлении, познать себя. Она хотела проникнуть в самую глубь своего естества. Ей казалось, что это тайное подсматривание за самой собой, это проникновение прольет свет на происходящее с нею. Она много читала, чувствовала, наблюдала, но все что так или иначе касалось ее, было поверхностным, не изученным, не понятым, а если и понятым, то не прочувствованным, сырым. Пока не настал день, который, казалось, должен был разъединить их с Владом, а в действительности сблизил еще сильнее.

Это стыдливое воспоминание, острыми иглами проходило сквозь них, сшивая так тесно и прочно, что они поражались глубине проникновения друг в друга. С того дня они как-то притихли, стали нести себя с особой, нарочитой осторожностью, будто расплескать боялись. Осторожность эта проявлялась во всем и особенно в прикосновениях. Они были робкими, трепетными, редкими и от того невероятно желанными. Когда Влад касался ее волос, пропуская их сквозь пальцы, Дея вздрагивала, а если его рука преодолевала невозможное расстояние — от запястья к плечу, ее бросало в жар, да такой, что казалось, она могла получить внутренний ожог.

Их отношения так и оставались платоническими. Дея томилась этим, обещая себе, что найдет силы и разорвет, наконец, эту паутину нерешительности. Но наступал новый день, в котором все оставалось по-старому. Ни у нее, ни у Влада не хватало решимости заглянуть в этот «ящик Пандоры», в это желанное и пугающее, в новое чувство — обладания друг другом.

Стремление уберечь Дею от самой себя, каждый день гнало Влада в ее лес. Он приходил к ней, чувствуя, наверное, что вдвоем им будет легче справиться со своей неудержимостью и склонностью к крайностям. Он сидел с нею у озера, слушая песни Озерных дев, делал многочасовые обходы ее владений, лечил животных и чахнущие растения. Ближе к ночи он уходил, но утром, спускаясь в гостиную, Дея частенько слышала доносящейся с кухни звон посуды — Влад готовил завтрак. Они садились за стол и в молчании пили чай.

Эти свидания искушенных и необузданных людей были в высшей степени целомудренны не только внешне, но и по существу. Скрытность, что была основой их природы, позволяла им продлить радость постепенного узнавания друг

друга. Они не выбалтывали переполняющие их сокровенности. То радостное словоблудство, которым часто страдают влюбленные, им было незнакомо. И Дея, и Влад копили переживания, дышали ими и только самолично насладившись новыми откровениями, примечаниями, сладостями, делились этими тайнами друг с другом.

Ян по-прежнему странствовал, посланий от него не было. Несколько раз Дею охватывал беспричинный страх за друга, нечто не оформившееся и необъяснимое шевелилось в ее груди, беспокоило. Но вслед за этими приступами неизменно приходил сон, в котором ей виделся ее друг, целый и невредимый. То он преодолевал замшелые, скалистые тропы, то пил молоко из глиняной крынки, утирая со лба пот, то скакал по бескрайным степям, а то и вовсе гладил мягкую, наливную спину какой-то девицы.

Из этих снов Дея могла уяснить лишь одно — Ян все еще жив и мчится к своей намеченной цели. После очередного такого сна Дея проснулась не с чувством облегчения, а со странным ощущением, будто у Яна впереди долгие странствия, в которых ей места нет. Его путь отмечен силой и славой, ее же — жертвой. Откуда взялась эта уверенность Дея понять не могла, знала только, что это так, что она должна доверять этому тайному знанию, которое ей показывали. Кто показывал, она также не знала, но верила, что не простое это видение — знаковое.

В это утро она долго не выходила из спальни. Сначала сидела в кровати и пыталась вспомнить подробности сна, затем долго слушала шум льющейся воды, он успокаивал, помогал сосредоточиться, а после, все-таки умылась и вышла обратно в спальню. На кровати сидел Влад. Без накидки рукава рубашки закатаны, на груди мучная пыль. Завтрак готовил, поняла Дея.

— Ты долго не выходила, — заговорил он, — я решил проверить все ли в порядке.

— Да, — рассеянно ответила она, проходя мимо и нагибаясь за пеньюаром.

Влад осторожно, но все же крепко поймал ее тянущуюся руку, заглянул в лицо. Дея не прятала глаз, и они выдали ее смятение.

— Тебя, что-то взволновало, моя красавица?

— Да так, сон дурацкий приснился.

— О чем сон?

Дея мотнула головой, показывая, что не расположена об этом говорить и Влад отпустил ее руку. Эта его уважительность к ее личному, только ей принадлежащему трогала Дею. Он никогда не переходил те незримые границы, которые она очерчивала вокруг себя, не вторгался в сугубо личное и не требовал

объяснений, если она не могла их дать.

Ян, любивший внимание к себе и ждущий, что его подруга станет выуживать из него тайны, делал подкопы и к ее секретам, полагая, что каждый только и ждет, когда же его взломают, разгадают, объяснят. Деи не хотелось, чтобы в ней копошились и уж тем более объясняли, не хотелось этого и Владу, потому-то их взаимоуважение границ было столь естественно.

Влад поднялся, встал напротив Деи.

— У тебя вся рубашка в муке, снимай, я постираю, — предложила она и, не дожидаясь ответа, потянулась к ее краям.

Влад послушно поднял руки, и она стянула с него рубаху.

Эта ненавязчивая, можно даже сказать, необходимая близость, всколыхнула обоих. Дея почувствовала, как из низа живота поднимается горячий, ласкающий поток, как он течет вопреки законам тяготения вверх, как согревает, толкает к Владу, стоящему в опасной близости.

Она сделала маленький шаг, казалось, ноги позабыли, как именно надо сгибаться и разгибаться, шажок получился ломанным. Смутившись, Дея застыла перед ним, так и не выпустив рубашки, а потом повинуясь собственному телу, которое теперь все делало само, отделившись казалось от разума, она наклонилась вперед и коснулась губами того места, где по ее представлению должно было прятаться сердце Влада.

— Дея?

— Я хотела поцеловать твое сердце, — прошептала девушка, — но оно так глубоко спрятано.

— Не для тебя, — отозвался он, обхватив ее лицо подрагивающими ладонями.

От его дрожи и теплоты рук Дею бросило в жар. Влад замер, опуская свой взгляд в ее глаза, а потом разомкнул губы и из них вырвался вздох. Такой волнительный и горячий, что у Деи закружилась голова, а из груди вырвался слабый стон, всколыхнувший замершего, словно тигр перед прыжком Влада. Он крепче сжал ее, заставляя губы раскрыться, а потом склонился и поцеловал.

Когда слияние душевное восполнилось телесным, Дея почувствовала растворение. Сминаемая не его волей, но собственным желанием она готова была отдать каждую свою клеточку, каждый вздох, даже само сердцебиение, все отдать, что ей принадлежало и раствориться, раствориться в нем раз и навсегда, без остатка.

Ощущения эти были столь не похожи на те, что она испытывала прежде, что Дея едва не задохнулась от них. Ян подавлял ее своей силой, напором, неистовостью, ему она хотела

подчинятся, ждала горячности и всплесков. Сейчас она желала только одного — близости. Всепоглощающей, отменяющей все границы, тихой, но глубокой. Даже не глубокой — глубинной. Она хотела знать не только о том, что таиться на дне его сердца, но и что скрывает само это дно, что там под коркой плотского.

И когда Влад мягко опустил ее на кровать, накрывая собой, она заглянула в тайную щелочку его души. В одночасье голову ее покинули абсолютно все думы, благостная, священная пустота воцарилась там. Не было мыслей о том как или где, были только порывы, синхронность, соитие. И исход этих взаимных порывов был иным, не таким фееричным, но космическим, внутренним, а не внешним, оставляющим отпечаток где-то ни то в сознании, ни то в теле, а может где-то меж ними, в отдельном чем-то, только теперь им открывшемся.

Завтракать в этот день они так и не спустились. Оладья простыли, а варенье, словно зимняя река, покрылось тонкой пеленочкой, дожидаясь любовников, что наслаждались новыми открытиями в друг друге.

Каждый их новый день теперь был наполнен этой невероятной таинственностью, необъяснимой чуткостью, непошлой, светлой любовью, которая была лишь продолжением любви их сердечной. Только эта любовь и боязнь за нее побуждали их быть внимательными, терпимыми. В конце концов, смиренность — обратная сторона гнева. Было ли во Владе это смирение и прежде, Дея не знала, ей казалось, что оно пришло с обретением спокойствия, того спокойствия, которого он себя лишил, будучи захвачен в силки мстительности. Теперь же ни Влад, ни Дея не жаждали мести, они ее опасались, памятуя о том, чем она оборачивается.

Глава 23
Тайный ход

Тайный лаз

До пустоши путь был не близким, Ян на него с месяц потратил. Одного конягу уходил, пришлось зарезать и в пищу пустить. Сено, что он нес, Ян припрятал, надеясь пройти обратно той же дорогой. Оставшегося коня держал на подножном корму, которого становилось все меньше. О том, что обратный путь, возможно, придется идти пешком, Ян старался не думать и кроме этого у него гнетущих мыслей хватало.

Когда он на путешествие свое решился, из Мрамгора уезжал легко, даже играючи, но тоска все же взяла свое. Там тяжело было, горько, обидно, здесь же пустынно и одиноко. Он все чаще представлял перед сном, как вернется домой, как его Маюн встретит, как Вайес им будет гордиться. Про Дею старался не думать. Кто знает, как она его встретит? Может, пока он отсутствовал, Влад ее своими магическими сетями вконец опутал?

Бывали минуты, когда Ян ругал себя за опрометчивое и поспешное решение, но в душе знал, что поступил правильно. Что Владу куражиться, он — признанная величина. Его хоть и бояться, но все ж силу его и ум признают. А он кто? Неожиданно взлетевший к небесам Сагорт. Права Дея — в том, кто они есть, нет их заслуги. Чтобы в самом деле хоть какую-то значимость иметь, надо что-то сделать, поступок совершить. Дея вон и та какой переполох учинила с этими новыми законами, а он все железками машет, небеса на чужой спине покоряет, на турнире и то победу девчонке отдал. Настал и его час в заправдашнем испытании себя проверить. Боялся он только одного, что Ихаиль войска соберет раньше, чем он шлем отыщет, что не успеет он или того хуже не найдет вообще ничего коме позора. Мысль о том стоит ли возвращаться ни с чем, он гнал от себя так же, как и мысли о Деи.

Все эти терзания и сомнения были по дороге к пустоши. Когда же Ян на нее набрел, им опять овладело уже знакомое, клокочущее чувство, он словно охотник, напавший на след, вновь ощущал щекотку азарта.

Вывалившись из лесу на знаковое место, Ян сразу понял, что это именно оно. Даже не понял, почувствовал. Витало над этой пустошью что-то недоброе, неживое. И сама земля, и камни, и жухлая трава, казалось, принимали в себя носящийся над полями мрак, а потом сами же его и источали.

«Проклятое место», — подумал Ян, но азарт ищейки уже завладел им. Спрыгнув с коня, он бросил на землю заплечный

мешок, инстинктивно пригнувшись, ступил мягко и тихо, будто мертвецов разбудить боялся или камень поросший зеленцой спугнуть, двинулся вперед. Глаза привыкали к сумеркам, но различить не богатую оттенками каменистость и редкую поросль было невозможно. И все же Ян продолжал идти, непроизвольно хватаясь за рукоять меча.

Пустошь была огромной, края ее поедал мрак, от которого веяло холодом. Ян поежился, всматриваясь в даль и только теперь различил в этом мраке шевеление. Воздушная черная масса соткалась в армию призраков. Толи воины, толи разбойники неспешно плыли на забредшего к ним путника, разевая пустые рты.

Реакция у Яна была превосходная, поэтому, не тратя время на раздумья, он просто рванул на утек.

В лесу отчаянно заржал конь, послышался удаляющийся топот копыт. Проносясь мимо сосен, Ян увидел растворяющийся в сумерках круп коня и землю, что летела из-под копыт ему в лицо. Поймав разинутым ртом ком грязи, он поперхнулся и, споткнувшись о корягу, пролетел добрых пол аршина. Подобрав под себя колени, Ян уже было хотел ползти на четвереньках, но все же обернулся.

Край леса заволакивал подвижный сгущающийся морок, черные призраки бились о невидимую границу, скаля беззубые рты. Уже, казалось бы, привыкшего к чудесам Яна сковал мистический ужас. Он так и остался стоять на карачках с вывернутой головой, тараща широко раскрытые глаза, пока затекшую ногу не согрело что-то влажное. Тогда-то Ян и очнулся, обрушивая на себя непотребные ругательства.

Ночь он провел под тем же деревом, о которое споткнулся. Укрывшись плащом, он то и дело открывал один глаз, проверяя, не отыскали ли призраки брешь в невидимой стене. Мокрые штаны липли к ногам, вызывали раздражение и телесное, и душевное, но жалче всего было конягу. Поди, отыщи его теперь, он уже, наверное, на границе леса. Выходило, что возвращаться все-таки придется на своих двоих (если вообще придется).

Смерти Ян боялся меньше чем позора, поэтому ближе к утру, когда заметил, что мрак рассеивается, уходя за горизонт, решился повторить попытку, пока сумерки снова не накрыли поле. У границы леса отыскал свой заплечный мешок (сразу прибавилось отваги). Просоленной конины ему на несколько недель хватит, вот только бутыль для воды маловата. Ян отправился в лес, отыскал ручей, набрал полную флягу, еще кое каких поздних ягод, грибов да кореньев. Про себя поблагодарил Дею за краткий курс по съестным дарам леса, а когда закончил

с приготовлениями, вышел в поле, заозирался.

При дневном свете пустошь выглядела не такой устрашающей, и все же прелести в ней было мало. Редкая, жухлая травка пробивалась меж плоских камней и валунов, всех как один неприглядно бурых. Жизнь в этих местах еле теплилась. Гнетущая пустота забвенности витала над бранным полем. Края по-прежнему терялись, но уже не в черном мареве, а в тумане. Ян вглядывался вдаль, пытаясь проникнуть взглядом в толщу беловатого облака. Безуспешно. Ему казалось, что это и не туман вовсе, а пар над ведьминым котлом, который прячется где-то в недрах этих дохлых земель.

Яну вдруг вспомнилась перламутровость Маюнового оперения, огненность Деиных волос, вкрадчивый умиротворяющий голос Вайеса и даже черный взгляд Влада. В его прошлом было столько красок, радости, жизни. А настоящее и ближайшее бушующее предлагало лишь одиночество, лишения и страх.

Поколебавшись несколько мгновений Ян, все же вышел в поле. Солнце подбиралось уже к своей наивысшей точке, правда, за вспененными облаками он мог видеть лишь его смутные очертания, но и этого было достаточно. Мысленно исполосовав пустошь, как картофельное поле, он принялся ходить взад и вперед, выискивая замшелый камушек. Проходил так весь день, время на еду не тратил, пару раз лишь прикладывался к бутыли с водой, а потом снова землю неторопливыми шагами мерил. Когда темнеть стало, в лес побрел.

Пристроившись у дерева, развел себе костерок, небольшой чтоб внимания не привлекать, да и зачем ему большой он же не пионер, в конце концов. Про то, что греться лучше у маленького костерка, Ян еще в детстве узнал, больно книги про индейцев любил, они-то толк в огне знали. Те же самые детские рассказы поведали ему и о том, что огонь силу дает и защиту. Только вот не знал Ян, как эту силу из него извлечь. Он все больше на меч свой полагался, но против призраков тот был простой, бесполезной железкой. Ян сидел, вертел его в руках и вздыхал, про несправедливость думая. Как так выходило, что он всю жизнь не тому учился. Сначала чуть не два десятка лет на совершенно непригодные в Багорте умения потратил, теперь вот в задруге целыми днями мышцу качал, вместо того чтобы мозг поднатужить и в библиотеке подольше посидеть.

Такие мысли как-то сами собой к Деи свернули. Знай она, что Ян в опасное путешествие намылился, нипочем не пустила бы без должной подготовки. Выведала б сначала про шлем этот как можно больше, и конечно догадалась бы, что наделенная

волшебной силой реликвия, будет должным образом охраняться. Но Ян об охране тайника и не подумал. Хотя если бы и подумал, то, скорее всего, представил бы бугаев с дубинами, но никак не этот страх дикостный, который его вчера мужества лишил.

Поужинал он без аппетита и, завернувшись в плащ, решил твердо, что завтра непременно камень отыщет. Но данное себе обещание Ян не исполнил, проходил весь день, но камня так и не нашел, а еще через день, вообще, ели ноги от призраков унес, потому как забрел уже далеко, почти на середину пустоши и так увлекся, что не заметил, как наступили сумерки. Запыхавшийся и чуть было опять не осрамившийся Ян, жался к дереву, грозя кулаком теням и думал, что пора уже эти моционы заканчивать.

Утро четвертого дня выдалось ясным, солнечным. Ян наскоро позавтракав, покидал в заплечный мешок ягод, уже успевших подсушиться грибков, воды свежей набрал и снова на пустошь отправился. Там солнечности, что его в лесу порадовала не было — пустошь, по-видимому, всегда была затянута облачной пеленой. Ян вздохнул, поежился и припустил к тому месту, где еще не ходил.

Камень нашелся уже к середине дня. Оказался он не маленьким, мимо точно не пройдешь, и Ян обозлился на себя за чрезмерную дотошность, которая сожрала три дня его бесценной жизни.

В том, что это был именно тот камень, сомнений у него не возникло. Плоский, с пол аршина в диаметре, густо поросший веселеньким, ядовито-зеленым мхом, в этой унылой, серой пустынности он мог затеряться разве что летом, когда зелень еще сочна и обильна. Сейчас же камень выглядел потусторонним предметом никак не вяжущимся с местностью, к которой принадлежал. И тут Яна осенило — а он ей и не принадлежал! Не был он частью этой местности. Он был частью лабиринта, того самого который скрывал.

Ян поворочал его и так и этак. Камень не поддавался. Поискал поблизости какой-нибудь упор, это же поле брани, в конце концов, неужто тут ничего не найдется. Усердно искал, следы битвы: ржавые шлемы, доспехи, ну хотя бы древко от копья. Подумать о том, что за сотни лет все следы побоища сокрылись под историческим слоем земли, Ян не удосужился, угомонился, только когда понял, что нету тут кроме камней ничего.

Вернулся к месту, опустился на мягкий мох, но сидеть оказалось неудобно, что-то выпирало из, казалось бы, плоской поверхности. Ян встал, обшарил камень руками и нашел то, что причинило ему неудобство. Посередине была не просто

выпуклость, а некое подобие рычага, и парень чуть было не задохнулся от догадки. Он стал судорожно расчищать мох и увидел, наконец, что это не просто булыжник — это люк. Плоская крышка его была испещрена символами, а посредине торчал рычажок. Трясущимися Ян потянулся к нему, надавил, толкнул, повернул и только после того, как сдвинул его, послышался скрежет. Крышка люка отъехала в сторону и перед Яном разинула свою пасть черная, непроглядная дырень.

Все тайное становиться явным

Он был высокой волной, что накрывает собой предыдущую, более мелкую, растворяет в общем потоке, прибивает к берегу. Она не противилась этому движению, она не противилась больше ничему, что так или иначе соприкасалось с ним. Их связь упрочнялась, кристаллизовывалась, сияла самыми поразительными оттенками, поражая их самих этой чарующей спектрльностью. Казалось, они уже изведали и ощутили все, что должны были изведать влюбленные, но их страсть постоянно перерождалась, не давая им возможности привыкнуть, приспособиться, отдышаться.

В Деи прибавилось округлости, румяности, истомности. Походка, и без того грациозная, превратилась в плывущую, она стала говорить тише, вкрадчивей, незамысловатей. Влад приписывал все эти перемены, разливающемуся в ее глазах тихому счастью. Прояснилось все, когда его мать, наконец, оправилась после длительного заточения и, вернувшись домой, потребовала отвести ее к соей спасительнице.

Розовощекую и воздушную, блуждающую, словно в сонной одури Дею, Влад нашел у Отца леса. Она бродила по поляне и, касаясь раскидистых ветвей, что-то нашептывала.

— Дея, — позвал он и девушка обернулась. — Моя мать сегодня пришла со мной, она хочет поблагодарить тебя.

— За что? — пролепетала Дея, отрываясь от дерева.

— Ты ей жизнь спасла, забыла?

Дея покивала, будто вспоминая что-то давно забытое и значения уже не имеющее, что-то из прошлой жизни.

— Она ждет тебя в коляске у дома. Пойдем?

— Пойдем, — согласилась девушка, подплывая к Владу.

Изнуренная ожиданием Морита, уже выбралась из повозки и как только увидела приближающуюся парочку, поспешила им на встречу.

— Наконец, я могу видеть Вас, — заговорила взволнованная женщина, — и лично поблагодарить за самоотверженный поступок…

— Ма, — прервал Мориту Влад. — Ты излишне официальна.

— Да, он прав, — подтвердила Дея, улыбаясь. — Со мной можно по-простому. Ну, что же мы стоим? Идемте в дом.

Светлое и незатейливо-очаровательное жилище Деи как-то сразу приняло его мать. Влад чувствовал, что Морита удивительно органично вписалась в их интимное пространство, заставленное горшками с иланг-илангом. Мать очаровалась Деей,

девушка вызывала в ней трогательную, сладковато-тягучую нежность, не благодарность за спасенную жизнь, а именно неподдельную, материнскую нежность.

Просидели у Деи до самого вечера. Долго обсуждали Ихаиля, пытались отыскать в памяти Мориты его слабые места. Потом Влад скрылся в кухне и долго слушал переливчатый смех, таинственные шепотки и шуршание юбок — Дея показывала его матери свое скромное гнездышко.

— Ну, что ж, — сказала Морита, когда за окном уже стемнело, — посидели, пора и честь знать. У хозяйки леса, наверное, забот не мало, а я у тебя целый день украла.

— Ну, что вы, не украли — подарили. Я не часто гостей принимаю, особенно таких сердечных. Так, что вы заходите пожалуйся еще, я буду рада.

— Обязательно, — пообещала Морита, оставляя молодых наедине.

Влад долго и нежно прощался со своей атласистой, пышущей розовостью Деей. Удивляясь, как она хорошеет изо дня в день, и уже начинал томиться в ожидании завтрашнего дня — дня, когда снова будет держать ее тонкую, горячую руку, любоваться плавным изгибом спины и целовать румяную щеку, предвкушая еще большие наслаждения.

— Ну, что довольна поездкой? — поинтересовался Влад у матери, когда они уже сидели у зажженного камина в своем старомодном, обветшалом доме. — Понравилась твоя спасительница?

— Понравилась, не то слово! — ответила мать, греясь у огня. — Скажи, а у вас это давно?

— Ой, ма, уволь меня от расспросов, — нервно отмахнулся от матери Влад, вскакивая с дивана. — Я же тебя об отце не расспрашиваю.

— Скрытен как всегда, — констатировала Морита. — Дело конечно и правда не мое, но я бы хотела знать, ты ей предложение уже делал?

— Какое предложение, мам? Она же ребенок еще, — не вполне уверенно утверждал Влад.

— Угу, — протянула Ведунья. — Этот ребенок скоро матерью станет. Ты о чести девушки подумал?

— Что?!

— Ты не знал, — Морита не удивилась.

Влад не то что бы не знал, он даже и не догадывался, поэтому заявление матери его просто парализовало.

— Да не может она… Хотя нет, чисто теоретически конечно может, но… Это она тебе сказала? — бормотал он, спотыкаясь

на каждом слове.

— Нет, мне кажется, она и сама еще не вполне поняла, что к чему.

— И чего ты мне тогда голову морочишь! — вскричал Влад, раздражаясь. — Не могла она так скоро забеременеть.

— Смешной ты, однако, чтобы забеременеть много времени не надо.

— Хорошо, если она тебе сама ничего не говорила, откуда ты можешь быть в этом уверена?

— Да свет с тобой, Влад! Это ж видно, особенно женщине. Удивляюсь как ты и сам не заметил, Вед ведь как-никак. Хотя, полагаю, ты и не задумывался об этом.

— Да, что там может быть видно-то, на таком маленьком сроке?

— А он не такой уж и маленький. Думаю, месяца два точно есть, если не больше.

— Нет, — проговорил Влад, чувствуя, как у него все холодеет, — нет, нет, нет.

— Да, что ты заладил-то, нет, нет? Если я говорю — да, значит — да! — отрезала мать. — Отправь ее к Горию. За ней теперь особый уход нужен.

Влад снова опустился на диван, закрыл лицо руками, продолжая бормотать одно только слово — нет, нет, нет. Это был тот молот судьбы, который рано или поздно настигает всех игроков. И этот грубый и беспощадный инструмент сейчас крушил Влада, словно он был хрупким ракушечником.

Мать что-то лепетала, тормошила его, но он ничего не слышал, в голове была только одна мысль: разрушил, все разрушил. Кто разрушил, Ян или он сам, Влад не вполне понимал, знал он только, что все совершенство, вся гармония и прелесть их любви, нарушилась его присутствием в ней. Ян умудрился влезть в их счастье еще задолго до того, как Дея стала его. Влезть и оставить там корень зла, который теперь убьет их обоих.

Влад чувствовал, что теряет контроль. Бесноватость во взгляде, порывистость движений, мерцание на кончиках пальцев, заставили Мориту испугаться за сына. Она с силой тряхнула его.

— Да можешь ты мне объяснить, чем тебе ребенок не мил?!

Влад поднял на мать глаза. Сейчас он ненавидел ее за то, что именно она открыла ему это страшное знание.

— Как давно вы близки? — спросила Морита дрожащим голосом.

— Пару недель, — процедил Влад, и отстранив мать, вышел

из дому.

Морита кричала что-то и, размахивая руками, догоняла сына. Обежав его, она закрыла собой ворота.

— Не пущу!

Влад грубо отпихнул ее и пошел распрягать коня.

— Кто он? — допытывалась мать.

Влад не отвечал.

— Что ты намерен делать?

Снова молчание.

— Послушай, Влад, — угрожающе заявила Морита, — если ты причинишь этой девочке вред…

— Я никогда не причиню ей вреда, — холодно ответил он. — Я просто хочу знать.

— Чего еще ты хочешь узнать кроме того, что и так теперь известно? Остынь, переночуй с этой мыслью, а завтра пойдешь к ней, — умоляла мать.

— Нет, — твердо отрезал Влад, запрыгивая на коня.

И тут с ним произошло то, чего небывало никогда, даже в детстве. Он неуклюже шлепнулся с лошади, тело все заныло, забилось в судороге, а потом и сознание покинуло его.

Очнулся он в своей спальне, лежа в постели с холодным, резко пахнущим компрессом на лбу. В комнате тихо переговаривались.

— Это моя вина, — говорил женский голос, — если бы я сказала ему, что ты его отец, он мог бы вырасти другим.

— Это вряд ли, — отвечал мужчина. — Ты ведь знаешь, в нем всегда сидела эта спесь и необузданность.

— Да, но тебе было бы с ним легче после того как меня заточили. Он не наделал бы столько глупостей.

Они помолчали, потом Морита спросила.

— Где сейчас этот парень?

— Путешествует, но надеюсь, скоро вернется.

— Шутишь?! Ты представляешь, какая тут драма может разыграться?

— Представляю и даже получше твоего! Эта троица мне жизни не дает с самого турнира. Влад как Дею увидал, спятил словно. Я его просил, умолял отступиться, а он заладил — «моя будет и все тут». Может я и не прав был, может они и созданы друг для друга, да только вот Влад сам виноват, что она прежде Яну досталась. Самолично ее в руки соперника и вложил ведь. Они выросли вместе, близки были очень, души друг в друге не чаяли. Ян он хоть и простой, без затей, но парень хороший. А Влад наш — одна сплошная заморочка, пойди его разбери, — Вайес помолчал. — Ян — Сагорт мой небесный, у меня другого

такого нет, и с обязанностями своими хорошо справлялся. Мы живем под угрозой войны, я ценными бойцами раскидываться, не намерен. И Ян, и Дея, и Влад нужны сейчас Багорту как никогда раньше. Сила в них есть, особенно в нашем сыне. Научи его боевой магии, а то больно смело в бой рвется, как бы не порешили его.

— Не меняешься, отец, не меняешься, — подал голос Влад. — Все о государстве печешься, для тебя что сын, что боевой снаряд — все едино. А вы, маменька? — он сел в постели, чувствуя, как закладывает уши. — Не ожидал от вас.

Но Морита ничуть не смутилась укоризненного тона. Она всегда была женщиной строгой.

— Я виновата, это верно, — согласилась мать. — Виновата в том, что болтлива ни ко времени и не к месту оказалась. В ваши личные дела я лезть не намерена, да только отчего-то мне думается, что прав отец, сам ты в руки того парня свою зазнобу отдал. Потому знай, ее ребенка я лично опекать буду. Я ей жизнью обязана. А ты перед ней кругом виноватый. Я, вообще, удивляюсь, как она тебя после всего этого простила. Так, что не дури и принимай чужое чадо, как наказание за проступки.

— Вы б за собой последили, родители! Сын полжизни не знал кто его отец.

Влад встал с постели пошатнулся. Вайес подхватил его, чтобы не упал, но он одернул руку.

— Эх, маменька, и откуда в вас только силы берутся? Я ж не медведь, чтобы меня таким ударом вырубать.

— Верно, сынок, ты не медведь, ты куда опаснее, — отвечала Морита в тон сыну. — А когда боевой магии научишься, тебе вообще равных не будет.

— Нет уж, увольте, я отцовским мечем правосудия быть не намерен, — ледяным голосом бросил Влад.

— А если Дею защищать придется? — строго спросила Морита.

Влад насупился, но на провокацию не поддался, смолчал.

— Сына, — голос матери смягчился, — в размолвках между людьми не бывает одного виноватого. Не его она — твоя, всецело твоя. Уж поверь немолодой и опытной матери. Не примешь это дитя, все порушишь. Тебе такую как она не отыскать больше. Представь жизнь в одиночестве, без нее жизнь представь и пойми, с чем тебе смериться проще будет — с его первенством или с потерей любимой.

Мать посмотрела на сына своими бездонными черными глазами, успокаивающе так посмотрела, и Влада словно убаюкало. Умела она на него воздействовать. Он знал, что это

не то волшебство, которым Веды иногда пользуются, чтобы сознанием людей манипулировать, а какая-то особая, необъяснимая материнская магия, которой любая крестьянка владеет.

— Пойдем, Вайес, — позвала она мужа, — завтра он будет как огурчик.

— Не сбежит?

— Это вряд ли, — уверила его Морита и вытолкала за дверь. — Не злись на отца. Моя это вина, я ему говорить о вашем родстве не велела. А про Дею плохо не думай, вы ж как лебеди — вам теперь друг без друга никак. Погубишь ее, и тебе конец придет, — она поцеловала его в темечко, как в детстве, — ложись в постель, шатает же, как былинку на ветру.

Влад лег. Мать удар верно рассчитала, он действительно в лучшем случае к утру отойдет, так чего зря силы тратить? Он кутался во влажные простыни, смотрел в потолок и пытался обдумать слова отца о том, что сам Дею в руки Яна отдал, но мысли путались, Влад постоянно проваливался в дрему. Ему снилась всякая чепуха; вода, диковинные существа и кровь, много крови.

Потом оказалось, что существа — это младенцы, а кровь — это все, что от Деи осталось. И Влад в эту растекающуюся, теплую еще лужу лицом падает, будто выпить хочет. Плачет, проклинает кого-то, то ли себя, толи младенцев этих. А младенцы не простые; все с рыбьими хвостами, на земле возле лужи крови барахтаются, задыхаются. Ему бы их в озеро опустить, но он не в силах — по любимой убивается.

И тут ему во сне так невыносимо и больно сделалось, будто ему кто-то сердце ножом на живую вырезает, а он лежит, плачет и даже не думает сопротивляться, а когда глаза открывает, видит — над ним Ихаиль стоит и два сердца в руках держит. «Вот, — говорит, — буду на досуге о вас лебедях вспоминать». И еще бьющиеся, кладет их себе за пазуху. Тут уж Влад совсем в черноту провалился где ни то что видений, вообще ничего и никого не было.

Проснулся он рано и в скверном расположении духа. Сон почти не запомнил, но вот боль утраты, что его ночью мучила липкой такой оказалась, назойливой, прицепилась к Веду и никак не желала покидать. Ощущения эти были настолько гипертрофированы, что Вед заподозрил неладное. Ему уже начинало казаться, будто здесь и впрямь Ихаиль замешан, не верилось, что можно такую агонию и отчаяние во сне испытать.

«Может и не спал я вовсе» — испугался он, с трудом вставая

с постели.

Явь это была или сон Влад не знал, зато теперь отчетливо представлял, что его ожидает в случае Деиной смерти.

Ходы и лабиринты

Ян уже и не помнил, сколько именно дней прошло с того момента, когда он решил спуститься в это забытое всеми место. Впрочем, нет, не всеми оно было забыто. Здесь не прижилось ни одной милой твари, и люди вряд ли знали о существовании этих то ли катакомб, то ли невесть для чего понарытых лабиринтов, но вот существа примерзкие и гадливые, тут водились в избытке. Отвратительные жуки напоминающие Яну тараканов, пауки и тощие крыс, что чуть было не оставили его без провианта, когда он впервые заночевал в подземных подвалах.

Больше всего эти тоннели напоминали Яну нору гигантского крота. Лишь изредка земляные полы и стены сменяла чудаковатая, мозаичная кладка, не вяжущаяся с общим колоритом лабиринта.

Поблудив в этих норах, Ян уяснил одну закономерность — земляные ходы связывали между собой каменные залы и коридоры, их здесь было четыре — по одной на каждую сторону света. В залах не было ни алтарей, ни жертвенников, ничего кроме странных рисунков и надписей, на неизвестном языке. Если эти стены и хранили когда-то несметные богатства, то их уже давным-давно растащили, вероятно именно те, кто и рыл ходы.

Ян обошел все подземелье примерно дней за пять (так, по крайней мере, ему самому казалось). Спал где почище, жутко боялся крыс, которые норовили стянуть его скромную пайку, но наружу не выбирался и ему очень стало не хватать солнечного света. Счет времени Ян уже давно потерял, а встреча с призраками отбивала охоту, выползать без шлема.

Когда конина стала заканчиваться, пожалел, что не раздобыл муравьиных яиц. А ведь Дея учила как их собирать, говорила, что они заблудшему путнику настоящее спасение, потому как белок это в чистом виде. А всего-то надо было тряпочку скатать, к муравейнику подсунуть и подождать, пока они в шовчик яйца стащат. Но не мог Ян тогда ждать пока маленькие труженики ему подать принесут, торопился, да и брезговал если честно.

А теперь вот дожевывая последние куски вяленого мяса, корил себя за мендальничество, потому как в подземельях ему с брезгливостью пришлось расстаться. Прослонявшись по лабиринтам двое суток и так и не отыскав воды, Ян изнывал от жажды, а к исходу третьего дня, понял, что круговорот воды в природе не так уж и омерзителен, хотя запах от его нового питья все еще прошибал до самых костей.

Эти чудовищные лишения, нехватка самого элементарного, страх оказаться на поверхности в ночное время, представления о том, что его глупая экспедиция ни к чему не приведет, потому что нет в действительности никакого «шлема ужаса», косили Яна. С каждым днем его уверенность в успехе мероприятия гасла, как гаснет последней уцелевший уголек в костре. Тоска, отчаяние, апатия завладевали им все чаще. Он уже дважды обошел все подземелье, облазил каждый закуток, но ничего не нашел или не так и не там искал.

Когда же он всерьез начал подумывать о возвращении, ему приснился сон. В нем Ян увидел нечто совершенно не похожее на его подземелье, но явственно перекликающееся с ним. На равнине поросшей молодой травкой были воздвигнуты прекрасные строения с куполами, резными окнами и статуями охраняющими вход в эти святыни.

Почему это были святыни Ян не знал, но чувствовал, что это место поклонения, кому именно тоже было непонятно. Зданий было пять, четыре по краям и одно в центре. От четырех каменных строений вели крытые коридоры к пятому, обшитому золотом. Желтый метал нестерпимо блестел на весеннем солнце, все его стены украшали витиеватые символы, а купол был инкрустирован драгоценными камнями.

Ян в своем сне видел эту восхитительную картину как бы сверху и немного в отдалении. Любоваться искусной резьбой на камне и радужными переливами купола было приятно. От этого места веяло силой и спокойствием. «Благостные земли», — думал во сне Ян, растворяясь в лучах сияющего храма (по-другому его назвать, язык не поворачивался). Но тут умиротворяющая идиллия неожиданно кончилась, на прекрасные строения обрушился камнепад. Невесть откуда берущиеся камни падали и падали, скрывая и сияющий купол, и четыре строения и коридоры.

Ян проснулся с ощущением, что его и самого побили камнями. Дикость, конечно, кто здесь мог причинить ему такой серьезный физический урон, скорее уж напугать до смерти, это да. Но боль была реальной и нестерпимой. Ян не без усилий поднялся на ноги и задрал рубаху, ощупывая исхудавшие бока. Все тело покрывали свежие синяки, кровоподтеки и ссадины.

— Прах меня возьми! — выругался он. — Что же это делается?

На него обрушилась фрустрация, Ян водил бессмысленным взглядом по каменным стенам лабиринта и по своему израненному телу не в силах смириться с тем, что он в тупике. За ним наблюдали перепуганные крысы, высовывая свои острые

морды из-за камня. Крысы не пытались нападать или хотя бы стащить у него последние скромные запасы сушеных грибов и корений, они смотрели на Яна как на угрозу. Это обстоятельство окончательно заморочило голову несчастного. Кто-кто, а уж эти твари здесь чувствовали себя хозяевами и не отгрызли еще парню нос или уши только потому, что тот слишком чутко спал.

— Вот он мир грез и фантазий, — говорил Ян толи сам с собой, толи с крысами. — А может, я все еще сплю? — ощупал себя еще раз. — Нет, не похоже.

Прошелся по коридору, спугнув зверенышей, раздул еле тлеющий кристалл, порылся в карманах и стал изучать от руки начертанную карту лабиринта.

— Ну конечно! — понял он. — Пятое помещение! Здесь должно быть пятое помещение, к которому так и не сделали подкопа. Там-то, наверное, и схоронил Вед опасную реликвию.

Воодушевленный новой идеей Ян аж припрыгнул от радости, правда тут же поморщился от боли.

— Как же, как же мне туда проникнуть, если к нему и подкопов-то не сделано? — размышлял он вслух (появилась у него такая привычка за долгие месяцы скитаний). — У тех, кто эти норы рыл, поди и инструмент правильный был и провиант, а у меня что, только мозги и те как показывает практика, без Деиного направления не всегда спасают?

Но как бы Ян не уничижал свои умственные способности, а к некоторым выводам все же пришел и без помощи подруги. Если в обследованных тоннелях шлема нет, и он действительно спрятан в центральном зале, то отсутствие ходов не помешало Веду его отыскать, а значит к нему и без нор этих есть подступы. Это обстоятельство Яна радовало, но имелась одна загвоздка — он не был Ведом, а это означало, что способ проникновения в пятую залу может быть для него недоступным.

— Так или иначе, а попробовать отыскать этот лаз все же стоит, — решил Ян.

И как только он это решил, простой и действенный план нарисовался в его голове сам собою. Необходимо было исследовать все четыре коридора, которые, по его мнению, должны были привести к золотому святилищу, поискать тайный ход или просто попытаться разобрать древнюю кладку (все коридоры почему-то заканчивались тупиками). Тоже странное обстоятельство, если представлять их как проходы к центральному строению.

Недолго думая, Ян скромно позавтракал и отправился в конец первого коридора.

Глава 26

Секрет женщины

Секрет женщины

Последнее время Дея стала замечать за собой разного рода странности, и все они так или иначе были связаны с ее телом. Всегдашний здоровый румянец сделался каким-то лихорадочно-воспаленным, а тонкие губы припухли, окрасившись в сочный коралловый цвет. Впрочем, эта метаморфоза произошла не только с лицом — все ее тело набухало, словно весенний бутон.

Она перестала пить на ночь церемониальную кружку мятного настоя. Не помогло. Однажды даже пыталась прибегнуть к брусничной воде, чтобы снять отечность. Только день зря потеряла. И что бы Дея не делала, она продолжала наливаться какими-то странными соками, розоветь и спать на ходу.

Свою сонливость она приписывала бессонным ночам. Нет, терпеливый и чуткий Влад не лишал ее сна, как это делал Ян, просто мягкие перины отчего-то перестали быть уютными. Она ворочалась чуть не до самого утра, не могла улечься, нечто незримое мешало, давило изнутри, не давало расслабиться.

Последней каплей стала перемена в рационе. Купаясь однажды в озере и повинуясь какому-то дикому инстинкту, она схватила на плаву мелкую серебристую рыбешку и вгрызлась в нее зубами. Так и слопала бы, наверно, прямо с чешуей, не подоспей Велена. Русалка забрала у Госпожи рыбину, ловкими пальцами распотрошила ее и протянула Деи кусочек сырого розоватого мяса. Девушка жадно заглотила его, ища неспокойными глазами новую добычу.

— Давно ли у тебя были краски, Госпожа? — улыбаясь спросила Велена, ужа потроша для своей Госпожи очередную рыбешку.

И тут в Деиной голове мелькнула роковая догадка.

В этот день Озерные девы устроили настоящий праздник. Пели особенно задорно, сплели с десяток гирлянд из береговых колокольцев, чтобы обвешать ими свою Госпожу, радовались, смеялись и кормили Дею сырой рыбой, которую она, казалось, могла поглощать теперь тоннами.

— Я так слопаю всех обитателей своего же озера, — пожаловалась Дея, жадно глотая рыбу.

— Ну, что ты, Госпожа, — утешала ее изрядно округлившаяся Омелла, — щуплы размножаются с такой скоростью, что могут заставить озеро выйти из берегов, если не контролировать их популяцию. Я, например, по две дюжины за день съедаю, это помимо водорослей и жемчужной пудры.

— А жемчужную пудру ты зачем ешь? — удивилась Дея.

— Как зачем? Косточки-то у малышки с чего-то должны формироваться. Я зубов лишиться не хочу.

— Ах да, да верно, — соглашалась разомлевшая от еды Дея.

— Ты не волнуйтесь, Госпожа, — заверяла радостная Омелла, — мы твой рацион сами составим. И пудру приготовим, и водоросли, и все прочее. Радость-то какая, радость!

— Угу, — кисло соглашалась Дея.

— Ты не счастлива? — робко спросила Омелла.

— Я не знаю… — неуверенно начала Дея.

— Омелла! — прикрикнула на русалку Велена. — Что ты пристаешь к Госпоже с дурацкими вопросами. Извини ее, Госпожа, все русалки дуреют, когда носят дитя.

— Не ругай девочку, от этого дуреют не только русалки. Скажи мне лучше, что с Владом делать?

— А при чем тут Влад?

— В том-то и дело, что, скорее всего ни при чем! — чуть не плача воскликнула Дея.

— Да, это верно, не могла ты за неделю так обеременеть.

Дея внимательно себя осмотрела, провела рукой по слегка разгладившейся талии и нахмурилась.

— Что значит обеременеть? Не видно же ничего.

Русалка хмыкнула, — это смотря кому, — она задумалась, принялась загибать пальцы, что-то подсчитывая. — У тебя наверное уж недель семь, восемь если не больше.

— Нет, — замотала головой Дея, а потом вспомнила, что Яна она последний раз видела пару месяцев назад.

— У тебя максимум две недели, потом станет заметно, а через три недели, уже совсем не скрыть будет.

— Так рано? Нет.

— Госпожа, в тебе же кровь Озерной девы, а мы по девять месяцев своих деточек не вынашиваем. Нам четырех достаточно.

— Это, что же я через пару месяцев уже рожу?! — испугалась Дея.

— Ты нет, — пояснила Велена, — ты же все-таки на половину человек и дитя твое тоже. Тебе придется месяцев шесть походить с малюткой. Скоро тебя к родной стихии потянет, только ты сильно не увлекайся, старайся не больше пяти часов в день под водой проводить, а то дитя полноценной русалкой вырастет.

Велена — русалка, что взяла на себя обязанности погибшей Божены, еще многое пыталась объяснить в тот день своей Госпоже, но Дея слушала все сквозь сморившую ее дрему, и полезные советы осели где-то в подсознании.

На следующий день Хранительница заметила, что весть о том, что она носит под сердцем преемницу, преобразила ее лес.

Он как-то собрался, насторожился весь, и с тех пор ее охраняли с особой тщательностью, а леший, словно тень тихо следовал за своей Госпожой, ели рядом не было Влада.

Сама же Дея стала замечать, что появилась в ней особая, пристальная сосредоточенность на всех своих ощущениях. Она все чаще и чаще обращаясь вглубь себя — туда, где теперь жило еще одно существо, улавливая едва заметные трепыхания и изменения. В этом мире, полном чудес и волшебства ей теперь казалось, что самым волшебным остается процесс нарождения новой жизни, самым загадочным и непостижимым, меняющим и саму носительницу этой жизни и все вокруг нее.

На Дею, словно волнами накатывала теперь необъяснимая эйфория. Она сосредотачивалась на каких-то казавшихся ей прежде незначительных мелочах, видела удивительные красочные сны. В ней менялось абсолютно все. Она чувствовала, как из обычного человека она превращается в кого-то особенного, значимого. Все в ней теперь было усиленным и обоняние, и восприимчивость, и эмоциональность. Казалось, будто кто-то сдернул с десяток невидимых накидок, что укрывали ее от действительности, и теперь она была абсолютно голой, способной улавливать малейшие колебания Вселенной, сосредоточившейся в ее округляющемся теле, в конкретной точке ее тела. И там в этой точке был для нее теперь центр мироздания, там творилась настоящая, неподвластная пониманию магия. Эта магия преобразовывала ее, трансформировала: голос становился тише, будто она могла разбудить дремлющее в чреве дитя, движения плавными, словно убаюкивающими, а взгляд теперь почти всегда углублялся туда, где творилось волшебство.

Как и предсказывала Велена, Дею потянуло к ее первородной стихии. Но в присутствии Влада удовлетворять эту потребность становилось не просто. С момента их близости, он все больше времени проводил рядом с нею, почти забросив работу в мастерской. К тому же ночи теперь всецело принадлежали ему. Поэтому в день, когда Влад повез мать домой, оставив Дею наедине со своим лесом, она не упустила возможности хорошенько отоспаться в озере. Но долго дремать ей не пришлось, во втором часу ее разбудила встревоженная Улита — дева, что охраняла сегодня ее сон.

— Госпожа, — позвала она дрожащим голосом, — Госпожа, проснись, там мать Влада. Она разыскивает тебя, говорить это очень срочно.

Сон как приливом смыло.

— Что-то с Владом?!

— Не знаю, Госпожа, она ничего не объяснила, сказало

только, что это очень важно.

Дея накинула плащ и поспешила к ночной гостье.

— Извини, что потревожила тебя, — затараторила Морита, когда Дея вынырнула прямо у ее ног.

— Да не тяните же, что с Владом?!

— С Владом ничего, — поспешила успокоить Ведунья, — а вот тебе не следует так волноваться, это может плохо сказаться на ребенке.

Деи показалось, что она проглотила морского ежа. Она хотела было, что-нибудь возразить, но слова застряли в горле.

— Ну, что ты, что ты, девочка моя. С тебя вся краска сошла, а ведь я даже еще не сказала, зачем пришла.

— Зачем? — сглотнув, выдавила Дея.

Морита вздохнула.

— Виновата я перед тобой, душа моя, очень виновата, — и она рассказала, как сболтнула лишнего, как Влад хотел ехать, а она его не пустила, все рассказала без утаек. — Не знала я, пойми, что у тебя и другой мужчина был. Да и уверенна была, что Влад заметил беременность, ведь в глаза же бросается. Об одном не подумала — он хоть и Вед, а все же мужчина, потому и не углядел. Счастьем своим занят был.

Дея села на берег, поджала ноги к груди, заплакала. Морита говорить ничего не стала, просто обняла девушку и принялась убаюкивать как младенца. Долго ли они так просидели, Дея не знала, только когда голову подняла, увидела, что и русалки не спят. Повыныривали, берег облепили и смотрят на нее печальными глазами.

— Что ж мне делать-то теперь? — обратилась Дея ко всем сразу.

— Ничего не делай, живи как жила, — отвечала ей Морита, поглаживая по мокрым волосам. — Думаю к утру все уже решиться, Влад не выдержит, придет к тебе. Ты главное не кипятитесь и, вообще, постарайся объяснений избежать. Лучше как-нибудь женской хитростью, лаской вопрос реши.

Русалки дружно закивали, самые юные захихикали, опуская глаза.

— Пойдем, Госпожа, — обратилась к Деи Велена, — ты поспишь несколько часов, пока мы смешиваем настойки, а затем мы подготовим тебя к встрече с Владом.

— Разве я сейчас усну?

— Ну конечно уснешь, Улита тебя убаюкает. Она однажды усыпила пятерых рыбаков, что расставили сети в озере. Так те проспали насколько часов, а когда проснулись, все сети их мы уже изрезали. Больше они к нам не совались с этим

браконьерским орудием ловли, — Велена довольно захихикала.

— Верю, — проговорила Дея и послушно позволила Улите увести себя в опочивальню, что русалки соорудили специально для нее.

На мягкой живой губке спалось не хуже чем на перине, а большой лист водорослей, покрытый бархатистыми ворсинками, служил одеялом. Русалки спали, не укрываясь, Деи же было непривычно лежать неприкрытой, неловко как-то, и они придумали ей такое своеобразное одеяло.

Улита ни то запела, ни то застонала что-то нечленораздельное, когда Дея устроилась в своем гнездышке и через несколько минут девушка уже спала крепким сном без сновидений.

Проснулась она рано, а точнее ее разбудили. Ласковые нежные пальчики гладили ее по плечам, щекотали ступни.

— Просыпайся, Госпожа, — позвала Омелла.

Дея поднялась, потерла глаза.

— Уже утро?

— Да, и нам надо поторопиться, мы ведь не знаем когда он придет.

— Не знаем, — согласилась Дея, сонно потягиваясь и сползая с губки.

Омелла отвела ее к старейшинам и там за Дею взялись в серьез — сначала долго растирали все тело, потом давили на различные точки, а в довершении ко всему еще и кололи иголочками. Правда больно не было, скорее приятно, по телу разливалось тепло, Дея почувствовала прилив сил и нездоровый аппетит. Ее накормили, очень сытно, но не тем чем обычно. Сегодня к завтраку подали икру и что-то белое, круглое, на вкус не вполне съедобное.

— Что это? — спросила Дея, морщась от неприятного запаха.

— Согласна, — отозвалась престарелая дева, — вкус довольно пикантный, но зато очень хорошо стимулирует желание.

— Какое еще желание?! — возмутилась Дея.

— Известно какое, моя Госпожа, — она беззубо улыбнулась. — Эх, молодость!

— Мне-то оно к чему?

— Как это к чему? — всплеснула руками дева. — Ты как своего голубчика увидишь, так у тебя сердце сразу в пятки юрк и уж ни о каком соблазнении думать ты не сможешь. Особенно если он сильно злой придет. А желание, оно настоящим должно быть, чтобы мужчина в него поверил. Их это знаешь ли очень даже вдохновляет. Уясняешь?

— Нет, не уясняю! — запротестовала Дея. — И соблазнять я его не собираюсь. Он знает, что я беременна от Яна! Он захочет поговорить… — она запнулась, поняв вдруг, что может и не захочет Влад с ней говорить, да и вообще видеть даже.

— Да о чем ту говорить? — заругалась русалка. — Что обсуждать? И так понятно, как все произошло, не дети же малые.

Дея посмотрела в серьезные глаза русалки и вспомнила наказ Мориты, решить вопрос лаской и женской хитростью. Сдалась.

— А если он не придет или откажет мне, я так и буду томиться, пока действие этого завтрака не пройдет?

— Как можно отказать женщине, которая так искренно жаждет любви?! — недоумевала дева.

Дея покраснела.

— Смущаться тут нечего, — вступила в разговор Велеока. Она была не красавицей, лишь огромные янтарные глаза, компенсировали нескладную фигуру и слишком редкие волосы. Но Дея знала — эта русалка разбила немало сердец, прежде чем нашла того на ком и остановила свой выбор. — Ты ведь знаешь, Госпожа, у нас искусству обольщения учат девочек с девяти лет, а танцевать, петь играть на музыкальных инструментах еще раньше. Но то чему сегодня мы будем обучать тебя, девочки познают лишь, когда созревают. Если бы ты выросла в лесу, твоя мать уже давно рассказала бы тебе все известные ей секреты. Так, что не смущайся, для нас это так же естественно, как дышать под водой, — завершила она свое вступление менторским тоном и приступила к самой сути.

Хоть Дею и просили не смущаться, она все же краснела, прятала глаза, неохотно отвечала на вопросы и глупо хлопала глазами, когда ей рассказывали совсем уж невероятные вещи.

«Какая-то школа юной гейши», — мелькнуло у нее в голове, но она тут же отбросила эту непотребную мысль.

Плотскую любовь и все, что с нею связано Озерные девы превращали в искусство. Все их мировоззрение, философия и сама жизнь вращались вокруг любви. Они не просто придавали ей огромное значение, они жили ради любви и наслаждения ею. А те, что старились, жили ради того, чтобы передать знания молодым.

Так всецело сосредотачиваясь, на взращивании прекрасных любовниц, они и снискали себе славу непревзойденных, неземных, искуснейших чаровниц. Не только предрасположенностью, как думал простой люд, но упорной работой и учением они добивались того, чтобы легкость и грациозность, томность во взгляде и непринужденное кокетство, музыкальность и гибкость, способность слушать

и говорить становились естественными, словно бы врожденными качествами.

Деи многое было дано от природы. То чему некоторые девочки учились годами, зарабатывая мозоли и затрещины у Деи выходило само собой, но и этого было недостаточно. Она все делала инстинктивно, не надуманно, а в сложившейся ситуации ей требовалось сработать четко, грамотно, без страха, так как сработал бы снайпер.

Настоящая русалка никогда не боится потерпеть неудачу, у нее в рукаве как минимум два туза из четырех. С самого детства в них развивают то, к чему они предрасположены, особенно смышленых учат говорить, музыкальных петь, гибких танцевать и всех, абсолютно всех учат доставлять удовольствие. Впрочем, как и получать, известное дело — нечувствительные девицы малопривлекательны, они заставляют мужчин усомниться в их способностях.

Вот именно этих знаний Деи и не хватало. Битый час ее терзали сугубо физиологическими лекциями, которые лишь изредка прерывались философскими ремарками типа: «то чего мужчина просит и, то чего он на самом деле хочет — не всегда одно и то же». Дея правда скорее отнесла бы это высказывание к особам женского пола, но судя по всему, Озерные девы всегда знали, чего хотят и не просили это, а брали самостоятельно без зазрения совести.

Излив на Дею тонну полезнейшей информации, которая практически не задержалась у нее в голове, Велеока снабдила ее пузырьком с маслами и наказала хорошенько вымыться, распустить волосы и одеться во что-нибудь легкое полупрозрачное.

— Может мне его вообще голой встретить? — недовольно буркнула Дея.

— Ни в коем случае! — восклицала наставница. — Всегда должно оставаться место для фантазии, а голой это плохой тон. Так делают дешевые уличные девки.

Дея смутилась.

— Он же все равно меня видел без одежды, боюсь, я растеряла уже всю таинственность.

— Глупости, он хоть и знает твое тело, но все же легкий намек на очертания будоражит сильнее нежели полная ясность. И так во всем, моя Госпожа, во всем, не только в плотской любви.

— Но, что мне говорить, если он станет спрашивать о ребенке?

— Ничего не говори, — невозмутимо заявила Велеока. — Это же не его ребенок, какое ему до него дело. А если будет

сильно настаивать на разговоре, скажи, что любишь его одного, а Яна уж и позабыла вовсе. А дитя, что дитя, ты же, в конце концов, Хранитель, обязана была наследницу на свет произвести. А от него, между прочем, у тебя мог бы Вед родиться, уж больно кровь у Кариев сильная.

— Не могу я врать, не забыла я Яна.

— Забыла, не забыла, это сейчас не столь важно. Тебя игра в правду беспокоит или сохранность вашей с Владом любви?

— Влада потерять я не могу.

— Значит, соврешь и глазом не моргнешь.

— Ну, дела, — только и сказала на это Дея. — А с чего ты взяла, что у меня от Яна Сагорт не родится.

— С того, что кровь твоя сильнее любой другой, так же, как и кровь Кариев. Дед Влада перворожденный, его дети почти наверняка Ведами будут, к гадалке не ходи. Так что нам, можно сказать, страшно повезло, сама судьба тебе Яна преподнесла.

— Угу, — с сарказмом протянула Дея, — так Владу и скажу, он парень умный, поймет.

— Ну, Госпожа, не злись, — голос Велиоки смягчился, — иди, готовься.

И Дея пошла. А, что ей еще оставалось.

Глава 27

Принятие

Принятие

Липкая сонная одурь уже спадала, но не покидающее тревожное чувство было каким-то вязким, навязчивым. Оно тормозило Влада, не позволяло собраться. Он схватил с полки две рубашки вместо штанов, долго не мог найти накидку, а когда, наконец, собрался, в дверях возникла мать.

— Заходить без стука невежливо, я уже взрослый мальчик, ма.

— Интуиция мне подсказывала, что сегодня в твоей постели я не обнаружу ни одной местной девицы. А смутить меня своим обнаженным торсом и не пытайся, я каждую родинку на тебе помню, — она обвела взглядом комнату, в которой царил беспорядок, и остановила взгляд на сыне. — Куда-то собрался?

— Я тут вчера случайно узнал, что наш несравненный Сагорт скоро станет папой. Вот, решил поздравить будущую мать.

— Что даже чаю не выпьешь?

— Нет, — рявкнул Влад, направляясь к дверям.

— Ну, сделай хоть глоточек, — взмолилась Морита, я специально для тебя заваривала, с гвоздикой и имбирем, как ты любишь.

Влад выхватил у нее чашку и выпил содержимое одним махом, почувствовав на языке привкус не только гвоздики и имбиря, но и еще каких-то неведомых ему трав. Поморщился и со звоном шлепнул чашку обратно на блюдце.

— Довольна?!

— Вполне, — прошелестела мать. — Не смею задерживать.

Дорогу к лесу Влад как-то и не заметил, весь путь он был погружен в свои мысли, перед его внутренним взором выплывали на сцену образы, кланялись, смеялись, плакали, снова кланялись. Наизнанку выворачивалась подкладка его собственной совести. Прятала от него то понимание, которое заставляло признать виновным в случившемся себя же самого.

Он понимал, что попал сейчас в силки своего же когда-то принятого решения, продиктованного страхом. Эти силки неволили его, но как освободиться от них Влад не знал. Он тайно надеялся, что это сделает Дея, что она знает или узнает, как спасти их обоих от этой внезапной разделенности. Влад вдруг ясно понял, что вот эта разделенность и есть самое страшное, самое болезненное и тягостное. Не тот факт, что она носит чужого ребенка, а то, как он отреагировал на это, то, что он сразу же отделил ее от себя, отделил только потому, что в ней теперь есть часть Яна.

Ему невыносимо захотелось увидеть ее, спросить о чем-то, неважно о чем. Задать вопрос просто для того, чтобы услышать ее голос, чтобы понять, что она все еще есть, что все еще может принадлежать ему. И эта потребность вдруг стала нестерпима, Влад возненавидел сам воздух, что их разделял, возненавидел так, что пустил коня в галоп.

Не успел он подъехать к ее дому и спешиться, а Дея уже вышла на порог, встречать его.

Сквозь тонкий батист ее сорочки виднелись волнообразные изгибы силуэта. Дея была волшебно прекрасна, излучала тепло и Влада захлестнула накатившая от нее волна жизни и света. Весь ее образ последнее время был каким-то иным, не таким как прежде, но сегодня эта инаковость ощущалась особенно остро.

Дея протянула к нему руки и, он повинуясь ее призыву, подошел.

— Я так соскучилась, ты не представляешь, — зашептала она ему прямо в ухо, щекоча пушистым локоном, — Почему ты не вернулся, я ждала, так ждала, — лепетала она, обвивая словно удав, вжимаясь в его окаменевшее тело.

Она пахла летом, зноем, дурманящими травами и желанием. И этот коктейль вытеснял его гнев, обиду и страх.

— Я сегодня почти не спала и все ждала, ждала, когда ты придешь. Я вдруг так отчетливо поняла, что ты, только ты мое настоящее, мое драгоценное, мое самое желанное. Влад…

Дея потянулась к нему, жарко дыша, от нее сегодня как-то по-особенному исходило тепло. Влад обнял ее и почувствовал дрожь, ее всю лихорадило.

— Вот как я тебя люблю, Влад! Вот, что ты со мной делаешь, — шептала она словно в бреду, повергая в это удушливое и вязкое состояние, и самого Влада. — Пожалуйста, не томи, — выдохнула она, сдергивая с него накидку.

Он попытался отстраниться, чувствуя, что твориться нечто запредельное, но Дея уже не владела собой. Впившись в него словно кобра, точная и искрометная, она сделала всего один прицельный укус, который подавил его волю окончательно.

До постели они так не дошли, Дея не дала ему даже раздеться. Она всегда была исключительно чувственна и горяча, но сейчас с ней творилось немыслимое. Владу казалось, она вознамерилась иссушить его до последней капли и, пожалуй, так бы и произошло, не потеряй она сознания.

Шатаясь, он взял ее на руки и отнес в постель, но даже не успел привести в порядок одежду, не то что свои мысли и чувства, как она пришла в себя, и все началось по новой. Отстраниться Влад не мог, пытаться усмирять ее было

бесполезно, его Госпожа словно обезумела и своим безумством заражала его самого. В конце концов, он и не заметил, как включился в эту неистовую игру, как позабыл зачем пришел.

Она смеялась и плакала, требовала и подчинялась, растворялась и приказывала и все это одновременно. Владу казалось, что он попал на какую-то неведомую карусель, что его куда-то закручивает как в воронку и оттуда нет никакой возможности сбежать, и что он отведал запрещенный наркотик, привыкание к которому гарантированно после первого же применения.

Про то, что он вряд ли мог отказаться от Деи даже теперь, он и так знал. Но сегодня случалось нечто такое, что будет заставлять его прощать и принимать все что угодно, лишь бы это опьянение не заканчивалось.

Когда сумерки сгустились, превращаясь в непроглядную тьму, Дея, наконец, уснула. Влад любовно погладил ее по животу, провел по слегка разгладившейся талии и лег рядом, набрасывая на них одеяло.

Он долго не мог заснуть, все слушал ее дыхание, наслаждался ароматом, вспоминал слава, которые она шептала: «вот как я люблю тебя, Влад, вот, что ты со мной делаешь».

Это ее признание и смелость, которой так не хватало ему, раздробили-таки тот кожух, в который он успел себя вчера поместить. Влад больше не боялся уязвимости, он обрел мужество, то которое у Деи было изначально. Он положил ладонь на плотный, белый живот и увидел то, чего так боялся — крохотную теплящуюся в ней жизнь. И эта новая жизнь, больше не пугала его, потому что она не отнимала у него ни саму Дею, ни ее любовь.

Дея пошевелилась, приоткрыла рот и едва различимо прошептала во сне его имя, Влад уткнулся в копну волос, утирая не прошенную влагу, а потом тихо заснул, прижимая к груди ее руку.

Глава 28

Колорам

Коловрат

Ян не знал, сколько времени уже скитается по подземелью, знал он только одно — провиант заканчивался. Конины оставалось всего пара кусков, грибов и ягод и того меньше, вот кореньев было предостаточно, но они как выяснилось в сухом виде были мало съедобны. Зато Ян отыскал щель в кладке, из которой сочилась тонкая струйка воды. Он оставлял там бутыль на ночь, и та набиралась до половины. Вода была с привкусом металла и плесени, но все же это было куда лучше продукта собственной жизни-деятельности. Пару раз Ян всерьез подумывал о свежей крысятине, но представлять, как он жует сырое мясо, было омерзительно и он откладывал этот деликатес на совсем уж крайней случай.

Привязка к источнику воды, заставляла его постоянно возвращаться в одну и ту же точку, и это сильно тормозило поиски. В первые же три дня Ян наскоро обследовал все четыре тупика, но не нашел ни лазов, ни замков, ни плохо укрепленных кирпичей.

Три кристалла уже окончательно израсходовали весь запас солнечного света и требовали подзарядки. Оставался последний, который мог прослужить не больше недели и то при условии строжайшей экономии заряда. И Ян экономил, передвигался на ощупь, благо почти все ходы он уже чуть ли не заучил, а кристалл использовал лишь при повторном, тщательном осмотре тупиков.

Так он лишился того последнего, что у него оставалось — света. От промозглости и сырости кожа его посерела, в груди будто кроты скребли, по ночам мучил кашель отгоняющий крыс, которые, впрочем, после той знаменательной ночи и так его сторонились. Отчего это происходило, Ян не понимал, но такое положение дел его вполне устраивало.

Мысли парня становились совсем уж простыми, незатейливыми. Он мечтал о еде, мягкой постели или хотя бы об охапке прелых листьев, об очаге, о свете и свежести. О Деи и полетах на Маюн он думал как-то отстраненно, скорее, по привычки. Такие мысли сейчас казались неуместной роскошью, чем-то нереальным хоть и происходящим когда-то с ним самим. Во сне ему грезился изобильный, приветливый лес, потрескивающий костерок, припекающее солнце и порывистый ветер, иногда горячий бульон и пойманная дичь жарящаяся на углях.

Все стало просто, обыденно, замкнуто. И хоть Ян и мечтал

о незатейливых радостях, которых был лишен, убежать из своего добровольного плена, пожалуй, уже и смог бы. Он даже начал бояться той жизни, которая ждала его там на поверхности. Здесь все было просто, незамысловато. Встал утром или может не утром (даже это здесь было не важно), перекусил, сходил за водой, на ощупь добрался до одного из тупиков и давай каждый кирпичик скрупулезно исследовать. Все предсказуемо, ясно, просто. Он начинал привыкать к этому примитивному, почти животному существованию. Только мечта и остатки еле треплющейся надежды не позволяли ему оскотиниться. А может и поиски эти он вел скорее по привычке, а не из-за тех побуждений, что руководили им прежде.

Но так или иначе, а два каменных коридора он уже исследовал достаточно подробно, чтобы убедиться в том, что они крепко накрепко запечатаны. В третьем он копошился уже второй день и вот, наконец, наткнулся на нечто странное. В хорошо сохранившейся кладке из довольно-таки ровных блоков, инородной заплаткой выделялся круглый камушек. Когда Ян расчистил его, то увидел вырезанный на нем символ знакомый с детства — коловрат.

Ян аж подпрыгнул. Не ожидал он увидеть на Хоре славянский символ Сварога. Он не сомневался, что восемь лучей отходящих от центра и загибающихся на концах даже здесь в Багорте олицетворяют небесное светило. И как-то сразу вспомнились два непонятных слова, которые ему когда-то растолковывала Дея — посолонь и противосолонь. Что-то такое она говорила о ходе по солнцу или о ходе против светила. Ян заворочал мозгами, размышляя вслух:

— Если представить, что лучи — это языки пламени, то загибаться они должны в противоположную ходу сторону, — бормотал он, водя пальцем по круглому камешку. — А это значит, что здесь изображен посолонь.

От активизации мозга у Яна уши загорелись. Картина стала понемногу складываться. Его сон, в котором было сияющее желтым светом строение и эти славянские символы явственно перекликались. Если предположить, что в центре был когда-то храм солнца, то все сходилось. Коловрат — один из олицетворяет вращение солнечного диска, нескончаемое движение, непрерывности жизни и бесконечности Вселенной. И эти каменные строения символизируют не четыре стороны света, а четыре времени года или четыре стихии и образуют лучи, идущие от центрального храма — храма Солнца.

Багорт в своем законсервированном средневековье никогда не походил на привычные государства Земли, о которых знал Ян.

Он скорее был живой иллюстрацией из старинного фолианта. Этакий утопичный образ языческого государства способного развиваться, уважая и почитая лишь законы природы, верующего в одухотворенность космоса, но не пытающегося дать этому духу имя. Если багортцы кому и поклонялись, то природе: солнцу, небу, луне, звездам, водам, горам, лесам, самой земле. И то, что он изображение знакомое встретил, не мудрено — язык символов самый распространенный и универсальный. Даже на Земле у всех народов встречается похожая символика.

И тут Яну вспомнились массивные, основательные строения Мрамгора. Весь их внешний облик олицетворял могучую, земную стать и в то же время была в них некая ажурная метафоричность. Нескончаемые шпили и словно взлетающие к звездам башни, тянулись ввысь в своем бесконечном стремлении добраться до чего-то необъятного, непознаваемого, великого. Оригинальная витиеватая орнаментация, странные изредка встречающиеся символы геометрической формы, которые он так и не удосужился прочесть, принимая их за простой узор. Но багортцы не были так просты, их традиции и верования, нашли отражение в искусстве, где символика преобразовывалась в охранительный образ мироздания. Просто недалекий и незрячий Ян не заметил этого с самого начала. Охваченный чудесами и ожившими мифами, он не узрел того, что лежало на поверхности. Он даже не удосужился ознакомиться с культурой Багорта, с его духовной составляющей, а ведь это-то, пожалуй, и было самым ценным, самым важным, сокровенным — тем ради чего и стоило сражаться.

Он, будучи верховным Сагортом и членом задруги все время рвался в бой, не понимая даже, за что хотел сражаться. Вернее, не за что, а почему. Да лишь потому, что искал славы, признания, величия, хотел быль отличим от общей массы, особенным стать хотел. Прикрывался любовью к Деи, верил, что делает это ради нее, ради того чтобы стать достойным. Но на самом деле, творил все только ради себя, даже не ради Багорта.

Зачем же он ушел на поиски этого шлема, зачем бросил Мрамгор в тот час, когда нужен был ему как никогда. Может там уже война во всю идет, а он тут копошиться в грязных подвалах в поисках своей мечты, в поисках славы и несокрушимой силы весьма сомнительного происхождения. Может и не шлем он сюда отправился искать? Может он себя потерял?

Но разве найдет он себя в этих смрадных норах, разве станет собой, нацепив волшебный шлем, разве будет достоин любви только потому, что воспользовался чужой силой? Этого Ян не знал, как, впрочем, и не знал он, нужен ли ему теперь этот шлем.

Он опустился на каменный пол и тихонько заплакал. Он устал, и душой устал, и тело утомилось. Он истончился до опасной хрупкости, до предела своих возможностей, а предстоял еще обратный путь, без провианта и лошади. Ян долго сидел и плакал, а потом его свалил сон — сон усталого, сраженного правдой человека.

Некая плоскость бытия

Утро встретило ее тяжелым похмельем. То ли от безудержной любви, то ли от того, что действие снадобья прошло, но тело Деи болело так, словно ее весь день палками били. Страшно хотелось есть, а еще ощущалась нехватка воды, она иссыхала, словно цветок. Весь вчерашний день и эту ночь она провела на суше, и это сильно сказывалось на ее состоянии.

С трудом разлепив глаза, она увидела подле себя Влада, он мирно спал в ее постели, чему-то улыбаясь во сне. Почувствовав ее пробуждение, он шевельнулся и всколыхнул пылинки, что тут же зароились в полоске солнечного света. Дея залюбовалась этой нехитрой картиной — игрой света и воздуха, столь прекрасной и легкой, что ее внезапно накрыло ощущение тихой, но безудержной радости. Оно было столь противоположно физическому недомоганию, что девушка поразилась, как могла она так расслоиться? Как так случилось, что физическая боль теперь не довлела над ней, не омрачала ее счастья? Она словно бы отделилась от нее, эта боль стала чем-то сопутствующим, но не главенствующим.

Дея потянулась, разбудив Влада. Он открыл глаза, блаженная улыбка еще не сошла с его губ и сладкий сон лежал на лице легким отпечатком, он смотрел куда-то вдаль, провожая растворяющиеся в яви образы.

— Хороший сон? — шепотом спросила она.

— Да, — так же тихо ответил Влад, и Дея почувствовала, как они парят, словно пушинки в этой безмятежности и неге.

Они перешли в некую плоскость бытия, где уже ничего не могло иметь значения кроме любви и жизни. И если им удастся не выпасть из этой плоскости, они сохранят и преумножат это безмятежное истинное счастье.

— Почему ты не сказала мне раньше?

— Я боялась.

Отчего-то признаваться сейчас в чем угодно было очень просто. Будто они говорили не всерьез, а играли в какую-то игру, в которой можно будет, если что все исправить.

— Чего боялась?

— Того, что потеряю тебя.

— А его потерять, не боялась?

Этот вопрос не был провокацией. Голос Влада оставался спокойным, будто бы он и так знал, что она ему ответит, а спрашивал, только для того, чтобы она озвучила свои мысли для себя же самой. Он, вероятно, тоже играл в какую-то свою

игру.

— Я чувствую, что он жив. Ему очень тяжело, но он жив, а это значит, что он еще вернется к нам.

— Ты его любишь? — все так же тихо и спокойно спрашивал Влад, обращая свой взгляд в потолок.

— Он всегда был мне братом, и любила я его как брата, просто, что-то пошло не так, возможно, неправильно, но я все еще люблю его и надеюсь увидеть вновь.

— А я кто для тебя?

— А ты мой свет, моя тьма, моя мечта, страсть, ты — зеркало мое, Влад. Я люблю тебя как саму себя, может даже сильнее. Ты можешь уйти, но я знаю, что ты не отнимешь у меня моей любви. Ты можешь лишить меня только самого себя.

— Я не могу уйти, ты же знаешь.

— Тебе больно?

— Уже нет.

Он придвинул ее к себе, обнял. Его объятья были не такими порывистыми как вчера, но чуткими, трепетными, наполненными какой-то отеческой нежностью, чем-то таким, что ни ему, ни ей не было прежде знакомо.

Удивительный мир человеческих переживаний, как многогранны и глубинны могут они оказаться, если позволить им войти в тебя. Так лежали они, обнявшись, пропускали сквозь себя живительные токи любви, растворялись в ней и друг в друге, пока Дею не залихорадило.

— Что с тобой! — перепугался Влад.

— Воды, — прохрипела она, закатывая глаза.

Влад ринулся вниз, принес стакан воды и влил в трепыхающуюся Дею, но она по-прежнему билась в конвульсиях и просила еще. Тогда он сообразил, что к чему и, не тратя времени на одевание, завернулся в простыню и понес ее к озеру.

Русалки в нетерпении ожидали у берега, а когда завидели Влада, который нес обмякшее тело Деи, замахали руками, крича:

— Скорей, скорей!

Приняв у него свою Госпожу, они все стали скрываться под водой. Влад ухватил Омеллу за руку.

— Прошу, останься хоть ты.

— Я нужна Госпоже, — пискнула русалка.

— И мне, мне ты тоже нужна.

Омелла вздохнула.

— Я только узнаю все ли в порядке с Госпожой и вернусь, — пообещала она и скрылась.

Влад остался ждать, плотнее заворачиваясь в простыню. Омелла, надо отдать ей должное, обещание выполнила —

вернулась довольно быстро.

— Ну, что с ней?

— Обморок.

— Вот я болван!

— Не кори себя, ты ведь не знал, что ей теперь необходимо проводить по несколько часов в озере, а она уже больше суток на суше. Сейчас в себя придет, поест, поспит, а на ночь мы ее тебе отдадим.

— А мне к ней можно?

— М-м-м, — Омелла замялась, — не стоит.

— Почему?

— Тебе не понравиться ее рацион. Знаешь, некоторые вещи мужчинам луче не видеть.

— Согласен, — Влад немного помолчал. — Расскажи мне, Омелла, как у вас протекает беременность, чего мне ждать и как заботится о ней?

— Особых отличий нет, разве что в питании и в том, что ей необходимо хотя бы три-четыре часа в день в озере отдыхать. Рожать она тоже здесь будет. Если все пройдет хорошо, через недель двенадцать она разрешиться маленькой девочкой. Еще какое-то время малютка будет жить у нас, потом Госпожа сможет ее забрать. Но для будущего Хранителя полезно половину времени проводить в родной стихии. Вот, пожалуй, и все чего тебе стоит знать.

— Погоди двенадцать недель это же меньше четырех месяцев?

— Для полного формирования плода требуется не больше шести месяцев. Мы же не люди, в конце концов.

— А-а-а, ну да. Ты уверена, что я больше ничего не должен знать?

Омелла подумала немного и сказала.

— Нет, не уверена, но если я тебе еще что-то скажу, Велена меня вкусного лишит.

— А мы ей ничего не скажем о нашем разговоре, — Влад заговорщически подмигнул.

— Ну, что ж, ты сам меня за язык тянул, — Омелла снова задумалась, а потом зашептала. — Ты не подумай Влад, что мы не благодарные там или еще чего, мы к тебе и впрямь как-то прикипели уже, ты нам почти родной стал, да и красивый ты, аж жуть, — она смущенно опустила глаза. — Да только в отцы наследницы ты ну никак не годишься, так, что малышка эта для нас настоящий подарок мировой воды. Ты уж не обессудь.

— Ну, спасибо. Не знал, что обо мне еще и такие слухи ходят. Я за свою осторожность, значит, негодным в отцы прослыл?

— Что ты, что ты! — замахала руками Омелла. — Я же не о том. Кровь в тебе слишком сильная, Дея от тебя только Веда родить смола бы, а нам Хранитель нужен. У Озерных дев кровь особая, мы только девочек рожаем — себе подобных. Но против внука перворожденного и кровь нашей Госпожи — вода. Так что не понеси она от Яна, остались бы мы рано или поздно опять без Хранителя.

Влад понуро опустил голову, задумался. Омелла протянула к нему светящиеся перламутром руки, погладила.

— Ну, что ты, Влад, она же только тебя и любит по-настоящему. Вы еще так молоды, у вас может много деток народиться, а это девочка — она наш подарок, наша надежда, Госпожа наша будущая.

— Права ты, Омелла, права, — согласился Влад. — А почему ты вся светишься? — спросил он, заметив, наконец, ее преображение.

— А, — отмахнулась русалка, — это жемчужная пудра, Дея скоро тоже светиться будет.

— Вы, что же ее едите что ли?

— Угу.

— Да-а-а, я, и правда, не хочу знать, чем еще вы ее там пичкаете.

Омелла кокетливо улыбнулась, и Влад подумал, умеет ли она улыбаться как-то иначе?

— Не мерз бы тут в одной простынке, а шел бы в дом, — посоветовала Омелла. — Мы Госпожу еще не скоро отпустим.

— Да, пожалуй, съезжу в мастерскую, — согласился он.

— Вернешься?

— Вернусь.

Глава 30

Пришла весть

Пришла весть

Потянулись дни и ночи, неспешные и наполненные счастьем, похожие и в то же время отличные один от другого. Внешне все было вполне обыденно и однообразно. Ночью он сторожил чуткий, болезненный сон Деи, утром относил ее к озеру и шел домой. Там его уже ждала мать.

Она проводила теперь тренировки по боевой магии для всех Ведов Мрамгора, но сына предпочла обучать отдельно ото всех. Во-первых, то чему она учила остальных, ее сын и так уже давно умел, а во-вторых, опасалась конфликтов. Как ни старалась она выбить из Влада дурь, он по-прежнему оставался спесивым, нелюдимым, а иногда и агрессивным. Только с Деей он превращался в того, кем она всегда мечтала его видеть, только она пробуждала в нем чуткость, нежность, любовь. Это совсем не означало, что Влад не любил матери, любил, но это было совсем иное, не трансформирующее его чувство.

Любовь к Деи делала каждый его день особенным, неповторимым. Он постоянно открывал то в ней, то в самом себе что-то новое. А были ли эти открытия волнительным или пугающими, не имело значения. Влад был убежден, что нет в них ничего такого, чего ему следовало бы страшиться, а есть лишь то, что они должны были изведать, изучить, познать. И они познавали, день за днем, неделя за неделей.

Дея заметно округлилась, шел шестой месяц ее беременности. Она стала еще тише, еще трогательней, еще притягательней.

Ян так и не появлялся, и Вайес по этому поводу страшно переживал. Влад однажды даже поймал себя на мысли, что ревнует отца к Сагорту и разозлился, то ли на себя за бредовые мысли, то ли на Яна за то, что занимает слишком много места в сердцах тех, кто ему дорог. Но возвращения Сагорта Влад не страшился, он был уверен, что теперь никто не отнимет у него Дею, кроме смерти, конечно.

Когда ее беременность сделалась заметной, он все-таки решился сделать ей предложение. Не то чтобы их любовь нуждалась в таком подтверждении, просто он не хотел, чтобы и без того гонимая многими Хранителями Дея прослыла гулящей.

Традиционную свадьбу решили не устраивать, все сделали тихо, без огласки. Вайес пришел в Синий лес и засвидетельствовал их союз, скрепив свадебными браслетами, а Озерные девы повязали им ленты. Русалки конечно не дали им преспокойненько отправиться домой, закатили настоящий

праздник с песнями и хороводами. Но, несмотря на стройность хора и исключительную жизнерадостность поющих, Дея вскоре заснула (ее последнее время частенько клонило в сон). Ее сестры праздновали уже без молодых, всю ночь до слуха Влада доносилось их раскатистое многоголосие.

А на следующий день по Мрамгору поползти слухи, и уже к ужину не было ни в городе, ни в окрестных деревнях человека не знающего об их свадьбе. Как умудрялись любопытные жители прознавать про то, чего их не особенно-то и касалось, Влад не представлял, но факт оставался фактом — Мрамгор сходил сума от новой вести. Казалось, уже почти явственная угроза войны с Лонгвином не будоражила сплетников так, как женитьба мраморного Веда.

Злобные девки шептались меж собой о том, что новая Хранительница окольцевавшая Влада — однозначно ведьма. Они утверждали, что Вед растерял былую силу, связавшись с нею. Были, правда, и такие, которые напротив, считали Дею жертвой его магических козней. Но в общем и целом, мнения людей сводились к тому, что один из них точно должен был оказаться жертвой коварства другого. И никому не приходило в голову, что молодые, просто любят друг друга.

Влада с Деей эти сплетни только забавляли. Они и не ждали другой реакции, прекрасно понимая, что скандальный союз Веда и Хранительницы просто не мог не наделать шума.

Эти четыре сладких месяца были чем-то вроде компенсации за долгие годы одиночества. Влад и не предполагал, что счастье может быть столь простым и радужным. Не мог он даже представить, что будет когда-нибудь, просто сидеть рядом с любимой, просто смотреть, как мерно вздымается ее грудь во сне. Не знал он, что пробуждение возлюбленной подобно восходу солнца. И вообразить не мог, как околдовывают хрупкие светящиеся руки, перебирающие упругие струны арфы. Не догадывался, сколько магии в этих простых и незатейливых радостях.

Дея была невероятно щедра и бесконечно благодарна за каждое проявление его любви. Она расточала себя так, словно была беспредельным существом, принимающим силы из неисчерпаемого источника. Владу доставалось столько любви, что порой он боялся захлебнуться в ней. Но любовь та не была удушьем, а разливалась и в них самих, и вокруг них океаном, щедрым, приносящим удивительные дары океаном. Дея стала для него источником силы, да такой несокрушимой, что казалось еще чуть-чуть и он овладеет всеми возможными видами магического мастерства, постигнет все тайны мироздания.

Занимался он теперь с особым энтузиазмом, все выходило легко, играючи. Заимствованная у Деи энергия тут же приживалась в нем как собственная кровь, текла и изливалась в мир, а потом снова восполнялась.

Но вот пришла весть о том, что на границе поймали лазутчика. И прежде чем созвать совет, отец первым делом послал за ним и Моритой.

— Ты будешь следить за городом, а о Деи позаботится твоя мать, — наказывал Вайес сыну.

— Я не состою в совете, забыл? — холодно ответил на это Влад. — О Деи я позабочусь сам, а матушка со своими адептами пусть за городом и границами смотрит.

— Влад!

— Что Влад?

— Тебя совсем не волнует безопасность твоего города, жизни людей? Это же угроза войны, в конце концов! Нельзя же быть таким безучастным, особенно обладая твоей силой!

— Ты же знаешь, что ни природные катаклизмы, ни войны, ни переселения народов сами по себе меня никогда не волновали. Они всего лишь следствия, меня же интересуют причины.

— Паясничаешь? — зло бросил Вайес.

— Нет, напоминаю тебе, что я не борец за мир.

— Зачем же тогда ты тренируешься? Мать говорит, что ей скоро нечему будет тебя учить, что ты жаден до новых знаний и как прежде схватываешь все на лету. Как можешь ты использовать дар, данный тебе природой исключительно в личных интересах?

— Природой ли?

— Не важно! Нельзя оставаться в стороне, когда твоя родина на грани войны.

— Меня твои тески добродетели однажды раздавят, отец, — хмуро изрек Влад. — Я останусь при Деи и буду опекать ее, лес и будущую Хранительницу. Большего от меня не жди.

— Эгоистичный самодур! Ей скоро рожать, рядом должна быть женщина. Чем ты сможешь помочь, если роды начнутся преждевременно?

— А чем сможет ей помочь моя мать? — выдавил Влад. — Мам, ты знаешь, как проходят роды у Хранительниц Синего леса, — обратился он к Морите.

— Нет, — выдавила она, опуская голову.

— А я знаю. Ни ты, ни я, ни дюжина повитух ничего не изменят, если роды окажутся преждевременными. Дея наполовину Озерная дева, а они рожают в воде, так что ты, мам, ей не особенно поможешь в случае чего.

Они еще долго пререкались, но так ни до чего и не договорились. Влад остался при своем, Вайес был страшно зол на сына, Морита подавлена.

— Зря ты так с отцом, — сказала мать, когда они ехали домой, — он на самом деле любит тебя.

— Он любит Багорт.

— Ты не прав, то есть прав, конечно, Багорт он действительно любит он же Верховный Хранитель. Но он и нас тоже любит.

— Если бы он любил тебя по-настоящему, то не позволил бы этим лизоблюдом, засадить тебя в камеру!

Морита с грустью посмотрела на Влада.

— Ты очень умный мальчик, сын мой, но еще слишком молодой и вспыльчивый, — произнесла она с расстановкой, пришпорила коня и ускакала вперед.

Влад не стал скрывать от Деи весть о лазутчике, решил, что она все равно узнает, так лучше от него, чем при непонятно каких обстоятельствах. И Дею эта новость встревожила, ведь она чувствовала себя ослабленной. Будучи обремененной ребенком, она передвигалась-то теперь с трудом, а о том чтобы дать отпор лонгвинцам и речи не было.

Но Дея оставалась собой, и даже в таком деликатном положении не желала проявлять слабость. На следующий день, после того как Влад рассказал ей про шпиона, он застал ее странным занятием, она пыталась влезть в мужской кожаный костюм, но ни штаны, ни куртка не сходились на ней.

— Что ты делаешь? — спросил он, стягивая с нее кожанку.

— Я даже не могу влезть в собственный костюм, — с отчаянием выпалила Дея, продолжая стягивать на округлившейся груди куртку. — Как я отстою лес, если они нападут сейчас?

— Я защищу твой лес и тебя, а если и этого будет недостаточно, мы его запечатаем. И сотня Ведов не сможет снять печать с леса, пока его Хранитель жив. — Он высвободил Дею из упругой вываренной кожи, стянул сапоги. — Еще не время облачаться в доспехи. Пойдем, я отнесу тебя к озеру, может хоть Велена втолкует тебе, что сейчас действительно важно.

Но ни Влад, ни Велена, ни остальные девы не могли снять с Деи груз ответственности и через пять дней, она проснулась в своей постели, задыхаясь от боли.

— Что с тобой? — переполошился встревоженный Влад, — Где болит?

— А-у-у-у, — только и смогла выдавить из себя Дея, вгрызаясь в одеяло.

Влад не стал ждать, когда ей станет хуже, а подхватил ее

на руки и только тогда заметил, расползающееся по перине мокрое пятно.

— У тебя отошли воды, — понял он и поспешил отнести ее к озеру.

Русалки словно почувствовали его приближение, уже сновали вдоль берега, нервно заламывая руки.

— Быстрей, быстрей! — кричали они, завидев несущегося во весь опор Влада.

Он добежал до берега и, не выпуская Дею из рук, ринулся с нею на самое дно, даже не удосужившись поставить на себя защиту. Русалки тут же обступили его, хотели забрать свою Госпожу, но перепуганный Влад не сразу понял что к чему, вцепился в нее и не отпускал.

— Да, приди же ты в себя! — прикрикнула на него Велена, и только тогда он разжал пальцы, позволяя девам забрать Дею.

Они сразу же увлекли ее на самое дно, а Влад почувствовал, что ему пора на берег иначе он просто захлебнется. Он вынырнул, тяжело дыша распластался на снегу, начал понемногу приходить в себя. А когда дыхание его стало ровным из озерных недр раздался душераздирающий вопль. Кричала Дея, и у Влада от этого полного боли крика потемнело в глазах. Он наскоро набросил на себя защиту и ринулся в воду.

Дею он нашел почти сразу, плыл на ее крик, который становился все громче и пронзительнее. Но русалки не подпустили его к ней.

— Это таинство рождения, — строго сказала Велена. — мужчине тут не место.

— Но я могу ей помочь, поделиться силой, — взмолился Влад.

— У нашей Госпожи достаточно своих сил.

— Она рожает раньше срока! — не унимался Влад. — Не говори мне что все в порядке.

Велена потупила взгляд, и Вед заметил, как на ее лице отразилось сомнение.

— Завяжи мне глаза, если не хочешь, чтобы я видел то что не положено, но пусти к ней и позволь поделиться своей силой.

— Хорошо, — согласилась старшая дева и Влад тут же кинулся к любимой.

Дея лежала на огромной живой губке и тужилась, ее раскрасневшееся личико отображало такую муку, что у Влада сжалось сердце, а потом на его глаза легла тонкая, холодная полоска водорослей и он перестал что-либо видеть.

Велена подвела его к своей Госпоже и позволила коснуться. Дею била дрожь, она всхлипывала, стонала и о чем-то просила

свою малютку, которая должна была вот-вот родиться на свет.

Влад постарался не думать о худшем и стал потихоньку, тонкой струйкой вливать в ослабевшую Дею свою силу. Когда он почувствовал, что его защита спадает, его подхватили сильные, но ласковые руки и потянули наверх, к берегу. Влад терял сознание и словно сквозь дрёму ощущал, как его кладут на холодную землю, как убирают с лица мокрые волосы, как убаюкивают.

Сколько он пролежал без сознания было не ясно, может день, а может и два, но когда он открыл глаза, небо сияло россыпью звезд. У берега сидела Омелла, улыбалась ему.

— Как Дея? — с трудом проговорил Влад.

— Разрешилась вполне здоровой девочкой с огромными серыми глазами и рыжим чубчиком, — радостно доложила дева.

— Она у вас?

— Да, отдыхает.

Влад сел, попытался пошевелиться. Тело ныло от нехватки энергии холода, ужасно хотелось есть, но это были мелочи. Он встал, собираясь нырнуть.

— Нет-нет, — запротестовала Омелла, — даже не думай, захлебнёшься!

— Я хочу ее видеть, — заупрямился он, пытаясь вышибить из пальцев искру, чтобы поставить защиту.

— Она спит, и тебе не помешало бы отдохнуть и не здесь а в теплой постели да поужинать перед тем.

— Я хочу ее видеть, — не унимался Влад, сумев таки выжечь из себя искру.

Дея походила на спящую принцессу. Ее прекрасное постройневшее тело утопало в мягкой губке, волосы развивались шелковыми лентами, а на губах играла безмятежная улыбка. Озерные девы обступили ее, массируя розовые пяточки и ладошки, а в изголовье стояла Велена, плетя вокруг крошечного младенчика какой-то магический пузырь. Влад подплыл к ней и посмотрел на спящего ребенка с огненно-рыжим чубчиком.

— Она здорова, но пока немного слаба, ей потребуется чуть больше внимания, чем мы рассчитывали.

— Вы уверены, что она здорова? — насторожился Влад, разглядывая крошку.

— Она недоношенный младенец, а не юродивая. Я сотку ей водный пузырь, это позволит ей продержаться, пока Госпожа не придет в себя.

— Это маги? — спросил Влад указывая на кокон, в который оборачивали девочку. — Может я могу помочь?

— Да это магия, но тебе она не подвластна. А помочь ты

должен сейчас себе самому. Если ты истратишь все силы и помрешь, не дай всемирная вода, наша Госпожа сойдет с ума от горя. Так что ступай к себе и набирайся сил.

Влад хотел было что-то возразить, но Озерная дева была права, он держался из последних сил. Он еще раз посмотрел на Деену дочь, а потом склонился к любимой и нежно, старясь не потревожить ее сна, поцеловал.

Влад думал, что придя домой не сможет найти себе места, будет метаться и рваться обратно в лес, но как только он шагнул за порог, его накрыла такая тяжесть, что сил хватило лишь на то, чтобы дойти до дивана. Его трясло от холода и если бы он не был Ведом, то вероятнее всего околел бы.

На его счастье мать оказалась дома, и завидев клацающего зубами сына, тут же принялась хлопотать о нем. Развела огонь, приготовила отвар, принесла из спальни подушку и одеяло.

— Сходи, проверь, как она, — попросил Влад мать, когда понял, что жаркий огонь разморил и он сейчас заснет.

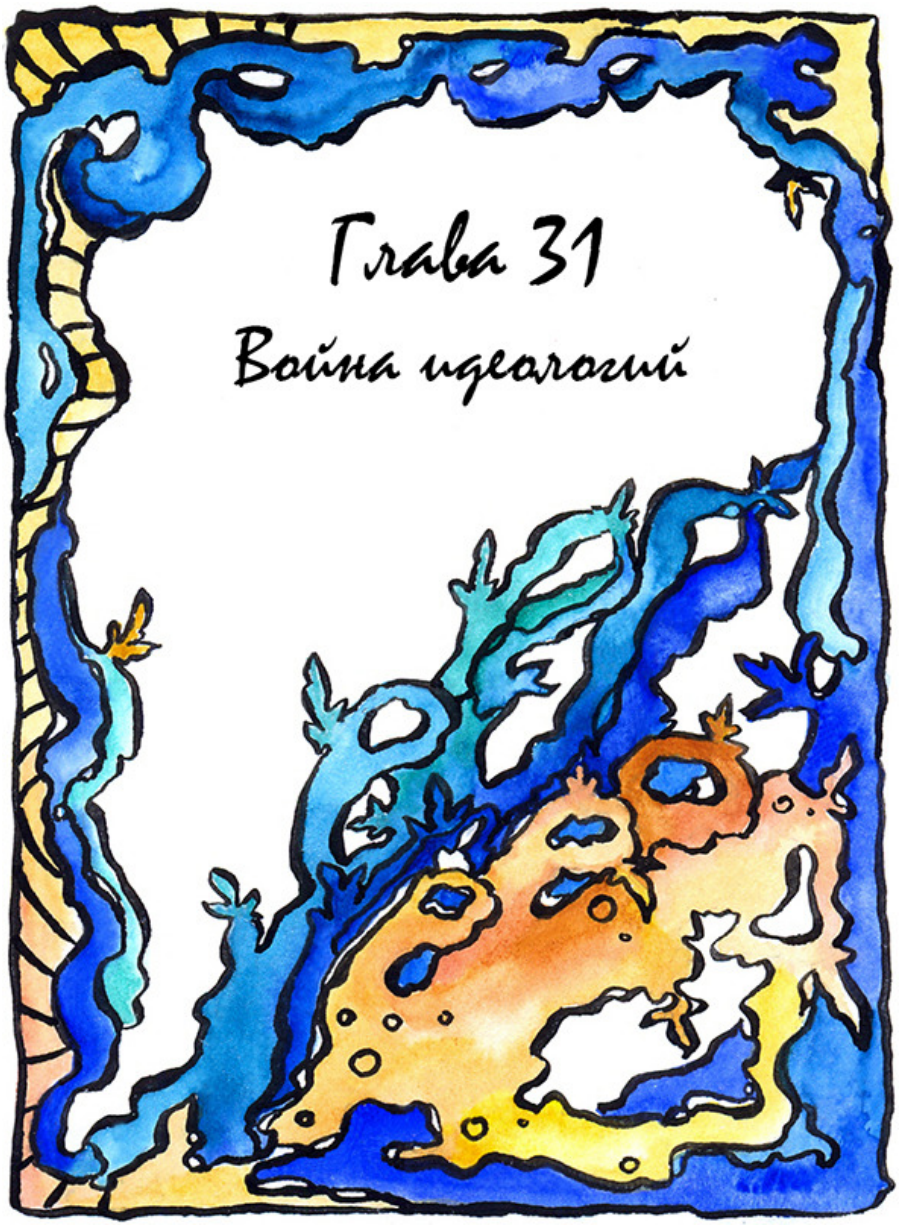
Озерные девы не отходили от матери и ребенка ни на шаг. Дитя поместили в воздушный пузырь под водой, постоянно проводили с ней какие-то непонятные Владу процедуры. Один раз дали подержать на руках, но почти сразу забрали, сказали, что малышка еще слаба и, вынимать ее из пузыря надолго нежелательно.

Дея в себя приходила очень быстро, видимо ветер войны, задувающий в спину подгонял ее, заставляя собрать все силы и бросить на восстановление организма. А может ее неиссякаемые источники, из которых она и брала эти силы во время беременности, продолжали питать ее, как и прежде.

Так или иначе, а на третий день после родов она была уже в прекрасной форме. Пожалуй, даже в еще более завораживающей, чем прежде. Округлый живот спал, но сочная налитость и мягкость остались, а плавность движений и приглушенность в интонациях тоже были прежними, волнующими. Влад замирал, представляя, как он положит ее на мягкую перину, как расшнурует ленты на корсета, как сожмет в руке упругую, налившуюся грудь, но потом одергивал себя, напоминая, что его возлюбленная еще слишком слаба для подобных ласк.

Но если он еще мог себя как-то сдерживать, то Деи это давалось все труднее. Его обожаемая так истосковалась по нему что не смогла обожать и недели. На пятый день после родов, она разбудила Влада такими настойчивыми ласками, что он не смог совладал с собой. Изголодавшийся и бурлящий все эти недели в собственном соку, он поддался на искушение.

Выходило, что их любовь неподвластна никакой войне и мировым катаклизмам, Дея, как и прежде тянулась к нему, не желая отказывать себе в это неспокойное время в желанном. Их страсть теперь была еще необыкновенней, и они отдавались ей каждый раз так, будто бы он мог стать последним, казалось, они хотели испытать все впрок.



Война идеологий

С тех пор как поймали первого лазутчика, прошел почти месяц. За это время взяли еще пятерых чужеземцев, пытающихся пробраться сквозь магические кордоны. Но ни одного языка не удалось допросить, никто из них не прожил и десяти минут после того, как был пойман. Жрецы утверждали, что все они были зачарованы, а это означало, что допрашивать их следует сразу после взятия.

Вайес велел включить в отряды, что формировали кордоны по одному Веду и производить допросы незамедлительно. Но и эта мера ничего не дала, пленные упорно молчали. Глава Мрамгора видел в этом упорстве отдельных Ведов и небольших разведывательных отрядов Лонгвина одну единственную цель — посеять панику, ослабить дух противника, извести в ожидании того дня, когда они ударят по всем фронтам разам. Вайес был убежден, что они поступят именно так, что Лонгвин не станет пробовать силы, а обрушит всю свою мощь в одночасье, и этот удар будет подобен молоту великана, крушащего бревенчатые домики, застревающие у него меж пальцев.

Его военачальники денно и нощно разрабатывали стратегию обороны. Пока их действия неплохо осуществляли защиту, с помощью различных комбинаций и движений отдельных отрядов, сформированных из человеческих армий и магических сил. Но Верховный Хранитель знал, этого будет недостаточно, когда Лонгвин подтянет к их границам всю свою мощь.

Из столицы сотнями отправлялись вести о мобилизации всех военных ресурсов Багорта. Письма летели во все концы, все замки воздвигали оборонительные оплоты. Теперь уже никто не сомневался в том, что отложенная когда-то война на этот раз накроет весь континент. Жадная клыкастая зверюга слижет города и села с плодородной земли, словно крем с пирога, если что и уцелеет так это мыслетворные замки, их магия древняя и несокрушимая, но сами города Вайес считал уже почти обреченными.

Он все больше корил себя за то, что отпустил Яна в его сомнительное путешествие. Без небесного Сагорта, столица лишилась контроля над воздушными силами. Тоил с трудом справлялся с отправкой писем. Не сегодня, завтра он, вообще, отправиться к праотцам, и что тогда будет делать глава Мрамгора, оставшись без письменного сообщения?

Защита Багорта была сильна, ни одна человеческая армия не смогла бы проломить ее, как бы ни старалась, но эта война

будет иной. Она не будет похожа на пограничные стычки и хитроумные козни противников, к которым, они уже привыкли, она станет для Багорта настоящим испытанием. Им придется отражать магическую силу, превосходящую их собственную в разы. К тому же им нечего было противопоставить современной технике Лонгвина. Разведчики посланные Вайесом доложили, что корабли противника оснащены так называемыми пушками, из которых с невероятной скоростью вылетают чугунные ядра, и эти ядра будто бы имеют очень разрушительную силу.

Вайес даже не хотел представлять, что произойдет, если Черный замок и его портовый город, не сдержит осады. Сквозь магические стены никакое чугунное ядро, конечно, не пройдет, да и через пространственные врата тяжелую технику не протащишь, биться в сердце Багорта противнику придется старым, дедовским оружием, но вот если они пробьют магический кордон в Чярграде — портовый город падет, от невиданного доселе оружия.

Еще Вайеса удручали результаты работы его жены. Как Морита ни старалась переквалифицировать мирных Ведов в боевых, ей не всегда это удавалось. Привыкшие выставлять защиты, но не оборонятся в реальных сражениях, жрецы Мрамгора плохо усваивали искусство боя. Только Влад был способен противостоять кудесникам Лонгвина, но он упорно не желал вступать в ряды армии.

Упрямство сына стало последней каплей, Вайес не находил себе места от гнева, злость на Влада была сильнее страха поражения в войне. Верховный Хранитель отдавший всего себя на служение родному городу, отказывался понять это самодурство. Вайес мог объяснить поведение сына, лишь его личной обидой на Мрамгор и на наго самого. Он знал, что сын так и не простил совету заточения Мориты. И, в общем-то, ждать от человека самоотреченности ради города, который однажды наказал его мать за помощь, было, по меньшей мере, глупо, но запретить себе ожидать этого от сына, Вайес не мог и эти идеологические разногласия все больше и больше отдаляли их друг от друга.

Разлад подобного рода, расколол не только семью Верховного Хранителя. Многие семьи постигла эта напасть. Багортцы уже давно пришли к пониманию того, что правители Лонгвина не желают разорять их континент, они хотят осесть на этих богатых землях, возделывать их поля, а в души посеять свои представления о мире — отличные от здешних. Лонгвин уже успел укоренить свои верования (так они назвали сомнительную для багортцев идеологию) почти на всей Хоре, несломленным

остался лишь Багорт. И все понимали, что пока он стоит на своих духовных и моральных опорах, Лонгвин не оставит его в покое. В некоторых умах и сердцах уже зарождалось зерно сомнения. Люди начинали всерьез думать о том, что единственный способ избежать кровопролития — это принятие всех условий Лонгвина, включая и их верования.

И вот в сплоченном и прежде, таком единодушном государстве начались брожения. Вайес всегда знал, что самое страшное на войне — это даже не разорения и смерть, а надломленный моральный хребет населения. И вот, бои еще не начались, а глава Мрамгора уже видел, как его город начинает проигрывать. Сомнения зачастую бывают действеннее мечей.

Никогда прежде Верховный Хранитель не мог и подумать, что будет с нетерпением ждать реальных военных действий. Когда ты видишь искаженное ненавистью лицо врага, когда читаешь в его глазах призрение, проще удержаться в своей колее, увереннее отстаиваются привычные традиции и жизненный уклад.

Вайес надеялся донести до своего народа мысль о том, что приняв условия врага, они обрекут себя на рабство. Но люди боялись войны сильнее, чем гонений, потому что Багорт еще никогда не был порабощен, он не знал, что такое гнет иноверцев. Но помнил, что такое война. Помнил, что после ее окончания выясняется — победителей на самом деле нет. Конечно, никто об этом не кричит направо и налево, об этом тихо плачут в подушки, в каждой семье находится о чем поплакать. Война обшаривает окровавленными ручищами каждый дом, оставляя в нем грязные отпечатки, они въедаются и в стены и в самих людей, никого и ничто не остается прежним.

И эта память делала народ Багорта слабым. Но не Верховного Хранителя, он отчетливо представлял, что станет с Багортом — последним оплотом истинного знания если его границы падут. Только здесь все еще сохранялось трепетное отношение к канону, только Багорт чтил законы бывшие когда-то едиными для всей Хоры.

Будучи еще совсем юным Вайес имел счастье побывать на Серварге — некогда уютном и хорошо обжитом континенте. И теперь, ведя с ними торговлю, он с горечью наблюдал, как расползается по Сервергу чернильным пятном, тлетворное влияние Лонгвина. Он видел, как они уничтожают Храм Творца, насаждая на его теле свои собственные лжехрамы из стекла и камня. Видел, как люди стали поклоняться в этих храмах идолу — чье имя жадность. А вскоре позабыли о том, что все созданное человеком вторично, что лишь вышедшее из Источника может быть истинным Храмом.

Но человеку необходима деятельность, в созидании он познает себя как часть мира. И если мастера Багорта никогда не забывали, что их способности создавать — это дар, творцы Лонгвина стремящиеся к величию, решили воссоздать собственную модель Источника — этакий микрокосмос в системе градостроительства. Эта амбициозная и поистине грандиозная идея могла бы увенчаться успехом, если бы не одно обстоятельство: чем дальше они уходили от природы, тем более зыбкой становилась их связь с реальностью. И вот однажды, поняв, что они утрачивают нечто ценное, а именно единство с миром, в котором живут, они поняли, что им нужны ориентиры, не позволяющие забыть что-то очень важное (правда, что именно они не должны забыть, они уже помнили весьма смутно). Такими ориентирами и стали идолы. Люди наделили их условной силой и знаниями, остатки которых чудом еще удерживались в их истлевающих сердцах.

Шли столетия, легенды жили, старательно пересказывались новым нарождающимся поколениям, но смысл их растворялся в вечности. Так произошла подмена истинных ценностей на ложные — продиктованные новыми законами микровселенной, той самой, что человек построил в виде огромных городов, в конце концов, впав в зависимость от них. Эти города ежедневно пожирал сотни людских сердец и устанавливали свои правила, а люди были вынуждены приспосабливаться к новой идеи мироздания.

Долгие годы Вайес думал, что народы населяющие сейчас Хору далеки от замысла Источника. Казалось, что-то пошло не так, нарушился баланс и еще немного и Храм не выдержит, рухнет под гнетом невежества, ханжества и неудержимой алчности. Но потом он начинал корить себя за такие мысли, полагая, что просто не в силах понять всего Великого замысла.

Вайес не знал, каково место человеческого сознания в структуре мира, но он видел, что люди способны влиять на творения Источника, что они могут его разрушать. Будучи человеком идейным, почитающим превыше всего древние заветы и канон, он не представлял, до каких пределов может дойти людской вандализм и это неведение страшило его.

Вопросы, занимающие последнее время главу Мрамгора были риторическими. Была ли изначально в человеческой природе эта агрессивность или она порождение все той же жадности? Увидев однажды у соседа более сочный и жирный кусок, кто-то решил этот кусок отнять. Будто бы отнять проще, чем вырастить. Отчего люди думают, что забирая силой, они что-то приобретают, Вайес понять не мог. Нет, он, конечно, догадывался, что просто утратив

истинное понимание вещей, они забыли, что само по себе обладание чем-либо, не прибавляет тебе значимости и весомости, если ты не приложил ни капли усилий к тому, чтобы это появилось на свет.

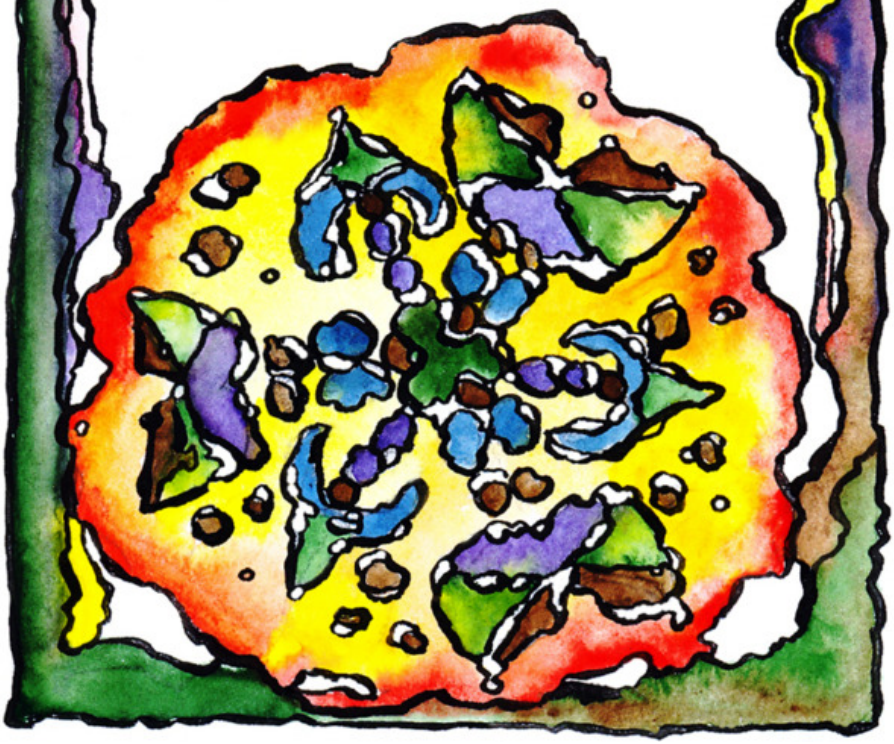
Отчего же люди Лонгвина думают, что после захвата Багорта, он будет у них процветать так же, как и сейчас? Хотя нет, они не хотят, чтобы Багорт процветал так же, как и сейчас. Они уже не верят, что все еще зеленый континент, не изрытый шахтами и полный полезных искапанных и есть совершенный дом. Они видят в Багорте лишь ресурсы. Они хотят пожрать его, как пожрали свои дома. Их ненасытные брюхи уже пучит от переизбытка всего на свете, но остановиться они не в силах, потому что забыли, как жить в единстве с природой. У них ее просто почти не осталось.

Вайес отчетливо представлял своего врага. Имя ему было — невежество и жадность. И он знал, чего ожидать Багорту, если этот враг победит. Не знал он только как показать картину бушующего подбродившему, сомневающемуся народу своего континента. Но тут, как ни странно, ему на помощь пришел его взбалмошный сын.

Вайес делился своими страхами с Моритой, та в свою очередь пыталась найти решение советуясь в Владом. И оно нашлось. С помощью своего нового зеркального изобретения, Влад сумел извлечь видения отца из его головы. Визуализировав его фантазии, он протранслировал их на центральной площади. Шокированная увиденным толпа еще несколько дней пребывала в состоянии полной фрустрации, но впоследствии, когда на Багорт обрушилась разведка боем, Вайес увидел, что затея сына возымела-таки действие. Жители с остервенением порвали, пробивших защиту Ведов чуть не голыми руками. Было много жертв, но сам факт того, что простые крестьяне сумели противостоять трем Ведам, воодушевил людей. Так началось великое противостояние, которое в последствии нарекут каноническим.

Глава 32

Решение



Решение

Юнцы брошенные в огонь сражений перемалывались в металлических жерновах войны, превращаясь в груды трупов. Багортцы не успевали хоронить своих сынов и дочерей, по всему государству росли курганы. Столицу все чаще устилал дым погребальных костров, въедливый, разъедающий глаза и души.

Армии стремительно редели, на поля сражения шли простые мастеровые, горожане и крестьяне, старики и женщины. Но никакая отвага и доблесть простых людей не могла соперничать с магической мощью Лонгвина. Их армия Ведов сминала противостояние как картонные преграды, рушила крепости и бастионы.

Багорт пожирало безразмерное чудище не знающее сытости, а Ян думал только о том как бы уберечь Синий лес. После того как лонгвинцы в очередной раз прорвали их оборону, у него не осталось сомнений — лес падет первым, если только Дея его не запечатает. Ян и желал этого и страшился, ведь если она закроет границы, они могут больше не встретиться.

Ян мчал сквозь облака, задыхаясь от удушливого тумана войны, мчал к своей любимой, но вдруг его стремительный полет оборвался, его закружило, завертело и неизбежно потянуло вниз. Подбитая огромным копьем Маюн из последних сил полоскала крыльями, стараясь удержаться в небе, а Ян жался к ее спине, понимая, что смерть близка. И вот когда их падение закончилось, и оба они встретились с землей, он ощутил страшную боль, открыл глаза и понял, что все это был сон.

Парень вскочил на ноги, затряс головой, будто пытался сбросить с себя тяжесть видения, но ощущение реальности не покидало его. Словно он сам только что побывал на поле боя, будто бы он тоже рубил тяжелым мечем тела противников, а они падали у его ног, но тут же как из-под земли вырастали новые, не давали ему прохода и он сек их как траву, ожесточаясь все больше и больше, а потом летел к ней, к своей любимой, но не долетел…

Нехорошее, недоброе предчувствие закралось в сердце, неуемная тревога овладела Яном. Он понял — началось.

Недолго думая, он подошел к камню, на котором был вырезан коловрат и повернул его по ходу солнца. Стены задрожали, сверху посыпалась кирпичная труха, Ян не удержался на ногах, упал. И тут ему стала открываться тайна прохода: один за другим кирпичики в тупиковой стене стали выезжать, складываться, выворачиваться и через несколько минут открылся проход. Ян

разжег еле светящийся кристалл и ступил внутрь.

Ослепнуть он, конечно, не ослеп, но от непривычной яркости все же зажмурился. Отполированные золотые стены, умножали мерцание камня во сто крат. Ян встал завороженный этой игрой желтых лучей.

Храм солнца оказался круглым, аршин по двадцать в каждом направлении от центра. Стены были гладкими, зеркально начищенными, а вот купол и пол сплошь украшены чеканкой. На куполе красовались изображения людей в длиннополых накидках, какие-то письмена и великое множество разнообразных свастик. Солнечный символ имелся и на полу из. Из самого его центра выходило восемь лучей, которые закручивались и раскручивались одновременно: огненные завихрения что шли от края лучей, загибались влево, а те что были поменьше и шли из центра луча — вправо.

Вспомнить, видел ли он такую свастику прежде, Ян не мог, как ни старался, но понимание ее пришло как-то само собой, будто из подсознания. Такие завихрения могли означать связь земных и небесных потоков — Вселенский Вихрь Преображения. Что он должен был давать или на что указывать, Ян не представлял, понимал только, что когда-то храм этот (если он, конечно, был храмом), построили на месте силы и возводили его не люди.

Он сделал несколько робких шагов к центру и, у него неожиданно закружилась голова, а перед внутренним взором соткалось видение: невероятного роста люди в черных накидках приближались к свастике. Шестнадцать жрецов — восемь женщин и столько же мужчин. Женщины проходили первыми и вставали на завихрениях, что указывали на движения против солнца, мужчины же образовывали второй, внешний круг — они олицетворяли движение по солнцу. Как только Веды внутри кругов взялись за руки, всю залу наполнили огненные вихри, закручивающиеся в разные стороны. Языки пламени вздымались вверх, вырываясь сквозь отверстие в куполе, по стенам метались отражения, огненная пляска очаровывала и устрашала одновременно. Но вот поток иссяк, и на головы Ведам посыпался пепел. Он являл собой суть познания Древних Основ.

Видение исчезло, и Ян поймал себя на том, что вжимается в холодную стену святилища. Как-то сам собой всплыл рассказ Деи о том, что Веды были посланы на Хору, чтобы поделиться с людьми неким тайным знанием. Но опьянев от своего превосходства, они позабыли о предназначении, стали воздвигать храмы в свою честь, требовать поклонения. Это привело к вековому противостоянию. Война была чудовищно-

кровопролитной, пострадало много людей, и Ведов лишили их силы. Этот храм, судя по всему, был похоронен под метеоритным дождем. Гнев Источника был столь велик, что он навсегда заказал жрецам дорогу к тайным знаниям, предоставив познавать истину так же, как это делают простые смертные.

Ян только теперь осознал, насколько бредовой была идея воспользоваться шлемом ужаса. Одно только название должно было отгонять всякое желание приближаться к этому артефакту, а он дуралей купился на громкие слова и вознамерился поиграть в супергероя.

Мало ему было того, что он небесный Сагорт, великой славы захотел, авиаций, могущества. Идиот! Не мог сразу сообразить, что если о таком артефакте мало кому известно, да к тому же он так тщательно прячется, то ни спроста это? Самих Ведов покарали за гордыню. И как покарали! А тут простой (ну ладно, не совсем простой) человек, вознамерился на себя гнев Источника навлечь. И ради чего, ради почестей? Да сдались они ему эти почести такой ценой.

Невероятно злой на себя и на судьбу, Ян загрохотал к выходу и тут у него перед глазами снова поплыло, реальная картина опять сменилась видением, мимолетным, но отчего-то очень пугающим. По берегу вдоль Лад озера бежала женщина закутанная в плащ, а ей на встречу плыли русалки. Она остановилась, когда одна из дев была уже близко и передала ей новорожденную крошку с рыжим чубом и серыми глазами в пол лица. Русалка крепко прижала дитя к груди и скрылась под водой, а женщина умчалась вглубь леса. За ней гнались всадники с палицами и мечами.

— Что же это за место такое?! — простонал растерянный Ян, когда мираж исчез.

Он понимал — видения не реальны, но его не покидала мысль, что ему открывалось в них возможное будущее или даже настоящее. Не в силах сдержать волнения он упал на колени, закрывая лицо руками. Горячие, не прошеные слезы текли и текли, пока Ян не принял решение.

«Пусть меня покарают, пусть я паду от страшного оружия, но я не позволю чужакам, погубить мой дом», — решил Ян и встал, оглядываясь в поисках шлема.

Какого же было его удивление, когда он нашел его прямо посреди залы, в том месте откуда расходились лучи свастики. Осторожно приблизившись к реликвии, он коснулся ее кончиками пальцев, по телу мгновенно прошла горячая волна, а в голове зашумел гомон голосов. Ян содрогнулся, одергивая руку, снял с себя плащ и набросил его на сияющий золотом и ониксами

шлем. Он постоял с минуту, подождал чего-то, а потом плотней обернув «шлем ужаса» в плащ, унес его с собой.

Маневры

Они сидели на берегу, наблюдали за игрой русалок с Велиокой. Девочка, наконец, покинула воздушный пузырь и Дея могла теперь подолгу держать свою крошку на руках, баюкать ее, теребя розовые пяточки и румяные щечки. Когда она прижимала к груди свое крошечное сокровище, когда отдавала ей частицу себя вместе с молоком, искания каких-то непостижимых истин ее возлюбленным, казались ей до нелепого смешными. Он же, с воодушевлением рассказывал ей о своих новых открытиях и о будущих экспериментах, которое позволят ему приблизиться к пониманию некоторых законов мира.

Дею же, законы по которым живет мир, теперь волновали мало. Наверное, от того, что некоторые из них ей открывались теперь сами собой, постигались словно бы невзначай, ненароком. Она имела возможность прикоснуться к волшебству, принять участие в величайшей мистерии, проникнуть за грань реального, прочувствовать как нечто неясное, незримое вдруг обретает форму, отделяется, становясь самостоятельной единицей, но оставаясь при этом частью ее самой.

Такие волшебные метаморфозы теперь наполняли всю ее жизнь, и казалось, счастью не будет конца. Иногда ей грезилось, что они с Владом спят и все эти откровения и переживания, которые лопались в них словно перезревшие плоды, лишь сновидения. В своем неудержимом полете над всем тем, что их окружало они все больше и больше отрывались от реальности. Иногда Деи думалось, что возвышаться больше некуда и однажды утром она проснется и не ощутит собственного тела, потому что оно просто растворится в этом пульсирующем потоке бесконечных откровений. Единственное, что удерживало ее от полного исчезновения из мира материй, сейчас самозабвенно взбивало озерную воду и в беззаботном восторге окатывало маленьких русалят сверкающими брызгами.

Дея поманила Омеллу и та, подхватив резвящуюся Велиоку, поднесла ее к матери. Имя девочки дал Влад, как только он увидел это большеглазое чудо, оно непроизвольно вырвалось у него. Дея была благодарна ему за это абсолютное приятие, хотя, как говорила Морита, это было естественно.

Дея откинула плащ и малышка приникла к ее груди. Влад в такие моменты замирал и не отводил глаз, пока девочка не напьется вдоволь.

— Дашь подержать? — спросил он, протягивая руки, когда насытившаяся Велиока, размякла на руках у Деи.

— Конечно, — она протянула Владу ребенка, и он бережно принял его, стал баюкать, теребя рыжий чуб.

— Дея, — заговорил он, когда ребенок уснул, — ты должна мне кое-что пообещать.

— Что?

— Война уже не просто на пороге — она в наших домах, — говорил он, направляя замерший взгляд куда-то вдаль. — Я вчера был на совете, пришла весть о том, что пять городищ в глубине Багорта уже захвачены. У Лонгвина грамотная военная стратегия, они пробивают защиту там, где ее некому подлатать — вдали от крупных городов и поселений Ведов. Из пяти городищ отбиты только два. Пока они посылают к нам только человеческие отряды, но я уверен, что настанет и черед Ведов. Просто они не хотят разменивать себя на леса и села. Веды примут участие в захвате пяти городов. Когда их армии зажмут Мрамгор в кольцо, а к прибрежным замкам будут иметь подход прямо из центра континента, они ударят по всем фронтам разом, но основные силы, конечно, достанутся Мрамгору.

— Что ты хочешь, чтобы я тебе пообещала? — настороженно спросила Дея.

— Как только Веды придут в Мрамгор, запечатай лес. У нас очень мало шансов выстоять в этой воне, так пусть спасется хотя бы Синий лес. У тебя теперь есть наследница, я могу поискать мальчишек-сирот, и ты приютишь их в своем лесу. А когда они вырастут, русалки возьмут их себе в мужья. И Велиоке может, кто из них приглянется.

Дея накрыла его руку своей и подняла глаза, в сотый раз затапливая его своим безмятежным взглядом.

— Я не боюсь войны, Влад, потому что я не боюсь смерти. Я так счастлива, что мне кажется, уже ничего не может заставить меня страдать. Но я прекрасно понимаю, что все это так только потому, что у меня есть вы — ты и Велиока. Зачем мне долгая жизнь без тебя? Если я запечатаю лес, в него не войдет уже никто, а ты вряд ли захочешь стать моим заложником, ты слишком свободолюбив.

— Но у тебя останется Велиока.

— Нет, Влад, я не стану прятаться, я Хранитель и просто не смогу отсиживаться в стороне, если Багорт начнут рвать на части. И потом, как долго проживет лес в твоем придуманном замкнутом мире? У нас ведь рождаются только девочки, не забыл? Рано или поздно все мужчины вымрут, а вместе с ними и Озерные девы.

Влад еще крепче прижал к груди сопящую девчушку, поцеловал Дею в висок.

— Ты можешь хотя бы не покидать приделов леса и не вывозить отсюда Велиоку. Если ты помнешь, желание твоей матери приобщить тебя к миру простых людей стоило всем очень дорого. Таких уродов как я среди Ведов Лонгвина предостаточно.

— Не называй себя уродом, прошу, — прошептала Дея. — А то выходит, что и я тоже уродка.

— Нет, ты само совершенство.

— Совершенство не может полюбить уродство.

Влад привлек Дею к себе, потянулся к ее губам.

— Пойдем в дом, — зашептал он, зарываясь в ее волосы, — хочу любить тебя, пока это возможно.

Они лежали в постели обнаженные, утомленные, наводненные взятым взаймы счастьем. Влад гладил Дею по пояснице, она рассказывала ему свои сны. Но вот он напрягся, рука его замерла. Влад весь обратился в слух, и Дея поняла — что-то происходит.

Вскочив с постели, он торопливо натянул штаны, рубаху накидывал уже сбегая вниз. Дея успела лишь плащ на себя набросить, нагоняя его.

— Что случилось?

— Большой выброс магических сил где-то очень близко, — отозвался он, не оборачиваясь.

Влад запрыгнул на пасущегося близ дома коня, Дея подозвала Дорену.

Они мчались к тому месту, где творилась ворожба, и оказалось оно совсем близко. Прямо посреди поля, что отделяло деревеньки от Синего леса, открывались врата, и Дея сразу поняла — началось!

— Запечатывай лес! — крикнул ей Влад.

— Ни за что!

— Это стратегический маневр, а не уклонение от битвы. Запри их Дея не дай разбежаться во все стороны, мы зажмем их здесь и заставим сражаться на наших условиях. Снимешь печать, если только нашим войскам понадобиться пройти через тебя.

Дея колебалась.

— Ну же, девочка моя, действуй!

— Не дай им себя убить.

— Обещаю, что не оставлю тебя, — прошептал он целуя ее в висок.

Прежде чем начать ставить печати, Госпожа Синего леса увидела, как Влад в надежде удержать лонгвинцев в западне, возводит барьер по всему периметру поля. И когда из сияющей радужной арки стали вываливаться неисчислимые отряды врага, он скакал уже в сторону замка.

Запечатав все ходы и выходы включая возможность проникновения с воздуха, Дея вернулась к полю и с неуемным сердцебиением наблюдала за высадкой магического десанта у границ ее леса. Небывалое скопление конного и пешего воинства поразило Хранительницу. Она вдруг поняла, что лукавила, когда говорила Владу, что не боится войны. Вот смерти она действительно не страшилась, потому что была счастлива так, как возможно никто в этом мире. Но не страшила ее только собственная смерть. Дея обмирала от одной мысль о том, что кто-то причинит боль Владу, Велиоке, Яну или ее лесу.

Словно притаившийся зверек она замерла в окружении деревьев застывших будто воины. Лес был готов ко всему — Озерным девам она объявила боевую готовность, животным наказала слушать каждый шорох, сама же следила за врагом пойманным в ловушку самонадеянности.

Поняв, что заперты со всех сторон, а в лес ходу нет, лонгвинцы стали пытаться пробить защиту, что Влад наскоро набросил на поле. Много времени на это им не потребовалось, но и армии Мрамгора, что ждала удара в любой момент, не нужно было тратить драгоценные минуты на сборы. Дея увидела как с края поля, за границей защиты открываются врата и оттуда выходят дружины Мрамгора во главе с Ведами, облаченными не в мантии, а в кожаные костюмы, похожие на тот, что когда-то Дея заказала и себе: узкие штаны, короткая куртка и высокие сапоги на плоской устойчивой подошве.

Деи вспомнились первые слова, которые Влад сказал ей при знакомстве, в тот день он назвал ее законодательницей мод. Знал ли он тогда, что все Веды столицы сошьют себе боевую амуницию по ее эскизам? Нет, он думал о прекрасных девушках, венках, любовных утехах. Хотя кто знает, о чем на самом деле думал тогда ее любимый, который по-прежнему оставался для всех, включая и ее загадкой?

Дея всматривалась в толпы людей наводняющих границу поля. Все крестьяне разбежались, побросав свой скарб, как только увидали нестройные ряды воинов. Мрамгортцы теснились, не имея возможности построить войска. Места для такой многочисленной армии было недостаточно и они уже заполонили собою и деревушку, и пролесок, а враг тем временем готовился.

Пока Веды пробивали защиту, растрачивая свои силы, люди строились в боевую позицию. Войско у Лонгвина было разномастное, оружие непонятной конструкции, но военная культура оказалась на высоте. Это Дея успела отметить, когда по команде военачальника, все отряды разбежались и быстро выстроились в простую, но опасную позицию. Пикитеры

образовывали карэ, в центре которого располагались арбалетчики, походило такое построение на танк.

Дея почувствовала, как страх ледяной костлявой ручищей сжимает ей горло. А потом послышался звук оповещающий о готовности убивать — Лонгвин затрубил в сборные трубы, и их танк пошел на деревню сквозь пробитую защиту Влада. Багортцы же кинулись в наступление, пытаясь обойти карэ сбоку. Войска ринулись дуг на друга с такой силой, что земля чуть было не проломилась под ними.

Завязался бой. Земля рыдала на два голоса, небо озарялось всполохами красного и белого, воины рушились под копытами коней. Среди сражающихся Дея разглядела Мориту. Черный кожаный костюм, копна волос тронутых сединой забрана в тугой узел, быстрая и смертоносная она проносилась сквозь поле молнией, поражая врагов на своем пути красными всполохами и черным дымом. Дея поняла, что Морита использует запрещенное когда-то магическое воздействие — сгустки черной энергии, способные выжигать сознание тех, в кого она попадает.

Реальность происходящего обрушивалась на девушку, война разворачивалась пред ней во всех своих тошнотворных подробностях. Она сжимала руки в кулаки, ненавидя себя за то, что вынуждена отсиживаться, пока дорогие ее сердцу люди и Веды отдают за Мрамгор свои жизни.

Но тут ее внимание отвлек зов. Лес звал, он сообщал, что ее ждут войска, посланные Вайесом, что они просят прохода, и она поспешила открыть им печать.

С восточной стороны, не видимой с поля, у плотно сомкнутых ветвей стояла опола Боремира. Возглавлял ее Влад по-прежнему одетый в ту же одежду, в которой и выбежал из дому. Дея сняла печать, пропустила воинов и по просьбе Влада поставила новую. Провожая ополу к тому месту где шло сражение, Дея прислушивалась к разговору, что Влад вел с Боремиром. Они разрабатывали стратегию нападения, Влад давал указания, и в Деину голову закралась страшная мысль.

Уже стоя на границе с полем сражения, она спросила Влада дрожащим голосом.

— Этих людей поведешь ты?

— Их поведет Боремир.

— А Боремир за кем пойдет? За тобой?

— Да.

— Влад, — взмолилась она, — ты обещал мне.

— Я сдержу слово, я вернусь, только отыщу Ихаиля.

Влад склонился и поцеловал ее, прежде чем она сняла печать со стороны поля, позволяя ополе захватить лонгвинцев врасплох.

Исход сражения решился на третьем часу битвы. Когда большая часть армии Мрамгора была опрокинута, и Лонгвин уже готовился праздновать победу, в тыл его конницы ударил засадный отряд Влада.

Этот заранее продуманный им тактический ход, оказался убийственным для войска Лонгвина. Ошеломляющий удар ополы обратил противника в бегство и последующее сражение, скорее походило на преследование, нежели на ожесточенную бойню. Выдохшиеся Веды, которые оказались не подготовленными к столь бурному приему из последних сил пытались открыть врата, но Влад с матерью быстро ставили новые защиты, не позволяя им сбежать.

Одного из таких беглецов удалось поймать и Деи. Когда она увидела, как кто-то бежит с поля боя прямо на нее, то сняла печать, запуская одинокого воина на свою территорию. Тот, оказавшись загнанным в ловушку, не сразу понял что к чему, пытался напасть на Госпожу, но тут же был скручен по рукам и ногам, толстыми ветвями деревьев. Чтобы усемерить пленника Дея воспользовалась подарком Яна — пасть дракона надолго усыпила чужака.

Пока она возилась с горе-беглецом, поле битвы уже покинула большая часть Ведов, пропал из виду и Влад. Застигнутая врасплох буйством собственных эмоций, Дея металась вдоль границы леса, выискивая заветную фигуру в черном. Она уже понимала, что Влад скрылся, преследуя какого-нибудь из лонгвинских Ведов, возможно даже самого Ихаиля.

Часы ожидания и невозможность снять защиту с осаждаемого беглецами леса, вконец извели несчастную девушку, но Влад сдержал обещание, вернулся к ней ближе к ночи. Разгоряченный скачкой, весь вспененный, всклоченный с остервеневшими глазами, но живой. После боя, в котором он сражался с ожесточенным отчаянием, не смотря на обещание беречь себя, им овладела какая-то горячка, которая и погнала его за спасающимися Ведами. Он искал Ихаиля, но его заклятого врага среди бегущих не оказалось.

В этом сражении он будто бы преодолел все страхи, кроме одного — потерять ее. Он отчаянно просил ее не принимать участия в войне, умолял не снимать с леса печати и не отпускал ее от себя всю ночь — любил так, словно это был их последний миг жизни, словно завтра они уже не проснуться. Влад не мог надышаться ею, был не в состоянии остановить свою развинченную неистовость, пока горячка не отступила, и он не заснул каменным сном.

Казалось у него не осталось сил даже на дыхание. Дея сидела

и, насторожившись, улавливала едва заметное вздымание груди. Бледный, изможденный, с разбитой скулой и губой он казался ей сейчас таким хрупким, таким ранимым и немного нереальным, эфемерным каким-то. Она так и не привыкла к его холодной красоте, так и не могла понять, как это природа создала такое совершенство? Уходящая зима была его временем, он был поразительно созвучен с ней: монохромный, звеняще-чистый, опасный. Он как мороз был способен и остужать, и обжигать. Как сама зима он был обманчив во всем — мог обернуться и волшебной чарующей сказкой, и всепроникающим, сковывающим холодом, и снежной бурей. Именно со снежной бурей он ассоциировался у Деи в моменты гнева. Внешне такой холодный и безучастный, он мог обрушить на врагов этот низвергающийся из его рук поток ледяного бешенства.

Во время битвы Дея следила за ним неотрывно, он был прекрасен даже когда нес смерть. Тогда она устыдилась, за то, что любуется им в тот момент, когда от одного взмаха его тонкой руки бездыханные падают люди и Веды. Пусть они были врагами, но ведь в первую очередь они были живыми существами, а это прекрасное, смертоносное создание — ее любовь, крушит их словно куски льда, рассекает по своей прихоти, обращает в ничто.

Дея сидела подле любимого и вспоминала, как не могла тогда оторвать взгляд от этой жуткой, но завораживающей пляски смерти. Все-таки было что-то изысканное в сражении Ведов, ни грязное и пошлое, а феерическое, светоносное. Они уходили так же ярко, как и жили, эти удивительные так и не познанные ею создания.

Однажды она спросила Влада.

— Что есть ворожба?

— Ворожба — это оружие веры, — сказал он ей.

— Во что?

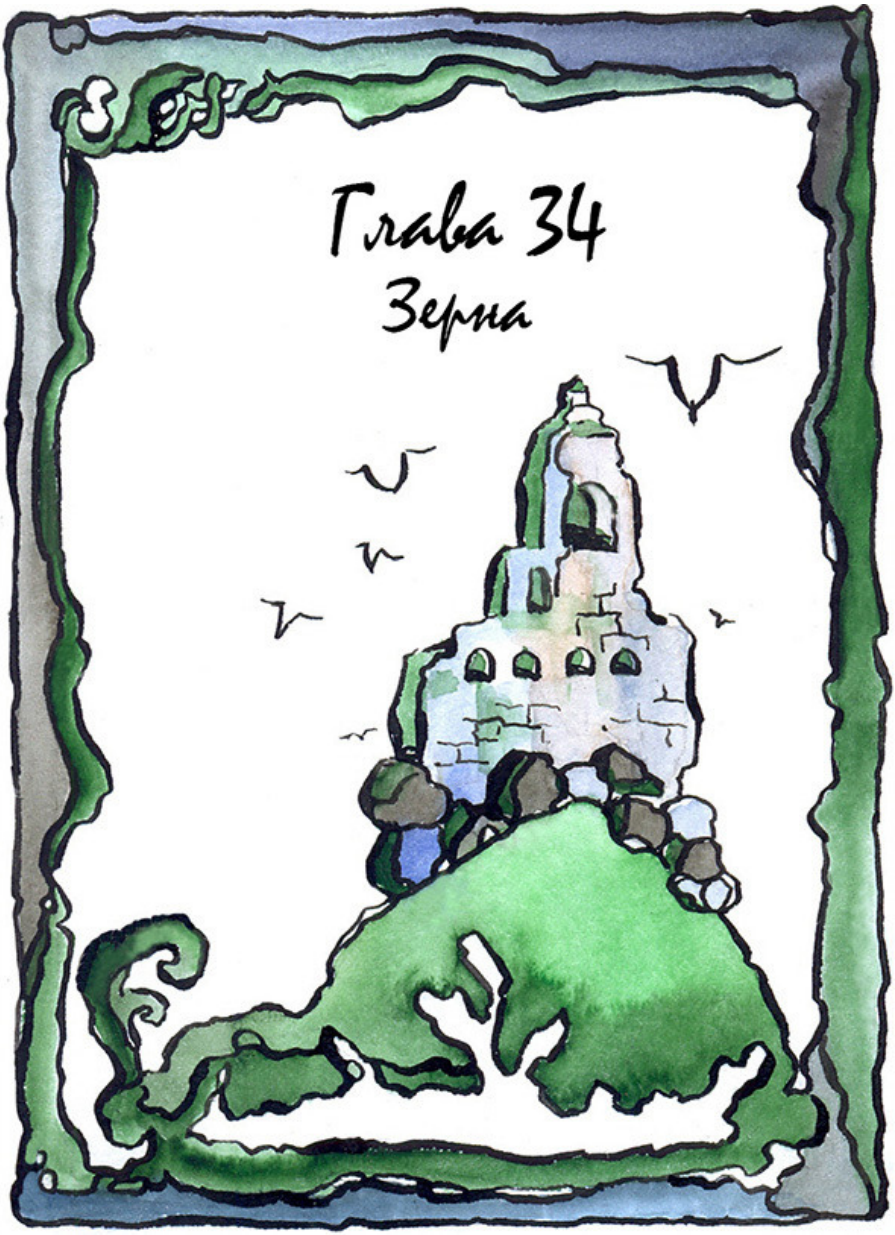
— В себя и силу Источника, — ответил он непонятно.

Теперь Дея понимала, что он тогда имел в виду, потому что видела, как многое может эта вера и насколько она опасна.

«Все, все, что даровано нам свыше имеет обратную, теневую сторону», — думала Дея, сторожа сон любимого.

В эту ночь она впервые взяла Велиоку спать в дом. Положила между собой и Владом и слушала их тихое дыхание, любовалась подрагивающими во сне ресницами, приоткрытыми ртами, вдыхала их запахи, согревала их — детей зимы, своим летним теплом.

Глава 34
Зерна



Зерна

Яну повезло выбраться на поверхность еще до сумерек. Когда он впервые за долгие недели глотнул чистого, вольного воздуха, у него голова закружилась.

— Как мог я так долго находиться в этой затхлости и темени, — подивился парень, чуть не вприпрыжку побежав по каменистой степи.

Когда он был уже на середине пустоши, ему в голову пришла совершенно бредовая мысль, — «а, что если камни завалившие святилище Ведов не просто камни, что ели это метеорит?»

Он бухнулся на колени и стал расчищать один из них. Натерев неровную поверхность валуна, он увидел странный блеск несвойственный простому булыжнику. В камне явно имелись примеси железа. Ян аж задрожал от возбуждения. Если храм жрецов и впрямь похоронили под метеоритным дождем, то это не просто пустошь — это целое магнитное поле. «В большинстве каменных метеоритов имеются включения никелистого железа», — вспомнились слова из учебника по географии.

— Ну, вот и обычные школьные познания начинают пригождаться, — порадовался Ян.

На Земле конечно метеорит так и не научились плавить. Но он ведь сейчас на Хоре и что-то подсказывало ему, что здешние умельцы выплавят ему из этого куска камня чудный меч.

«Небесному Сагорту Небесное оружие», — подумалось Яну, и он стал судорожно разрывать камни помельче. Натолкав в заплечный мешок сокровища пустоши, он отправился в обратную дорогу.

Но путь оказался непростым, последний зимний месяц был богат на морозы, приходилось спать у самого костра и однажды Ян чуть было не подпалил свою отросшую шевелюру. Заплечный мешок, набитый камнями стер плечи, и пару раз Ян порывался его разгрузить, но потом только плотнее подбивал обтрепанный плащ и нес свою добычу дальше. Еще ужасно мучили ноги, сапоги прохудились и шерстяные портянки намокали, стирая в кровь пальцы. Ночью он просушивал свои обмотки, но к обеду они вновь насасывали влаги. И все же несмотря на тяготы, муки похода были ему иной раз даже в радость. Он уверял себя, что так его дух только закалиться, к тому же возможность пить чистую воду и охотиться, компенсировала холод и физическую усталость.

Ян все больше размышлял над тем, почему шлем показался ему не сразу. И пришел к выводу, что некая Сверхсила избрала его для какой-то особой миссии, и для того чтобы ее выполнить,

Яну может понадобиться древний Шлем ужаса. Если бы не уверенность в том, что он нужен Мрамгору, что ему доверили страшное оружие не просто так, он вероятно и не сдюжил бы похода, холод и боль свалили бы его уже давно.

По лесу Ян скитался долго, и когда понял, что отклонился от курса, уже было отчаялся, но неожиданно наткнулся на хорошо сработанные силки. В душе парня забрезжила надежда и он решил, что проще дождаться хозяина здесь, чем рыскать по сугробам в незнакомой местности. Развел костер, принялся ждать. Наутро следующего дня явился мужик.

— Ты чевой тут расселся? — взбеленился он, когда увидал, что у его силка кто-то обустроился. — Не вишь, охота у меня тут? Зря силок простаивает.

— Вижу, дядя, вижу, — отозвался Ян, вставая во весь свой богатырский рост. — Я от того тут и устроился. Ты не серчай, я тебе за простой силка заплачу. А лучше скажи, как мне на большой тракт выйти или в деревню какую. Заблудился я.

Мужик сощурил хитрый глаз, воровато обшарил взглядом исхудавшего, но все ж еще внушающего страх молодца и спросил.

— Заплутал знамо, ну-ну… Сам-то откудова будешь?

— Из столицы я, меня Вайес на секретное задание послал. Коли поможешь обратно вернуться, хорошо заплачу.

— Отчего ж не помочь, — щербато заулыбался дедок. — Тутo и мастеровая деревенька поблизости имеется и до городища верст десять всего.

— А до деревни сколько?

— Деревня-то близехонько, верстах в двух отседова, — дед почесал жидкую бороденку. — За час управимся. Но прежде плата.

— Э-э-э-э нет, дядя. Ты меня сначала к людям выведи, а я уж в долгу не останусь, будь уверен.

— Откудова мне знать? Может, у тя денег нет.

— Какой ты, однако, жадный человек, — подивился Ян и выудил из-за пазухи кошель, показывая серебро. — А если б я гол как сокол был, ты бы меня здесь помирать бросил?

— Нет, не бросил бы. Ну ты ведь сам предложил, так чего ж отказываться?

— И то верно, но деньги потом, — отрезал Ян и закинул на плечи мешок, демонстрируя всем видом готовность идти.

Мужик заохал, закряхтел, но спорить с представительным человеком не стал, повел своими тропами. Уже через полтора часа Ян увидел богатое поселение, раскинувшееся в долине под холмом. На холме, что виднелся издалека, возвышалось городище обнесенное каменной стеной.

— Что за город? — спросил он деда.

— Город — это Мрамгор, а у нас так — городище. Но ничего такое — зажиточное. Его старейшины отстроили еще с полвека назад, стена даже оборонительная имеется и башня. Правда, от кого им туто обороняться, я ума не приложу. Нету тут окромя пяти деревень поблизости никого. Ну, это дело не мое, поговаривают умным людям весть пришла — отстроить на сим холме городище и стену из камней, что под холмом валялись, возвести. Они и отстроили, и назвали городище ся Рагин.

— Почему Рагин?

— А так старейшинам в их видениях наказали. «Отстроите городище и Рагином обзавете». Во как! — старик назидательно возвел палец к небу, лицо вытянул.

— А, что за деревня?

— Так мастеровая, — поясни дед. — Две соседних пахари, нам меж них славно живется, сытно. Они в земле ковыряются, сеют да пашут, курей всяких, свиней разводют, а мы им плуги мастерим и другую утварь. Еще одна деревня коневодов и одна совсем чудная, все подряд делают, ну это их дело.

— А что в этом чудного?

— Так удобней же когда каждая община своим делом занята. У нас тут мастера на всю округу самые что ни на есть лучшие, деток ремеслу сызмальства учим и в других так. Чем больше распыляесся тем проку меньше, мил человек, — старик опять воздел крючковатый палец к небу.

— Ну ладно, держи серебряник, за то что из лесу вывел, и скажи где бы мне тут помыться, подкрепиться и одежду обновить.

Старик осторожно монету на зубок попробовал и от такого неслыханного богатства ошалел.

— Так ко мне пожалуй, добрый молодец. Старуха моя знатная кухарка, да и баньку стопить можно.

— Банька — это хорошо, — у Яна даже на душе посветлело от таких радужных перспектив. — Скажи, а есть у вас в деревне кузнец хороший?

— Обижаешь, как не быть, есть. Бакулой звать! Отменный кузнец, первый на всю деревню.

— И меч выковать сможет?

— От чего ж не смочь, сможет, — заверил мужик.

После стольких месяцев лишений, горячая пшенная каша со сливочным маслом и крынка молока показались Яну амброзией, а теплая печь, на которой он спал, пока хозяин топил баню вообще несказанным счастьем. Шебутная милая старушонка — жена промысловика, оказалась весьма

сердобольной и в тот же день привела в дом портниху, что сняла с Яна мерки и обещалась к завтрашнему вечеру сшить для Господина одежу.

— Как же ты успеешь? — удивился Ян.

— У меня три дочери они мне и подсобят, вам ведь не терпит?

— Не терпит, — задумчиво произнес Ян, а потом спросил. — Почему ты меня Господином назвала.

— Потому, что вы Сагорт.

— Как поняла?

— Я портниха и знаю, кто в какой костюм обряжается, к тому же на вашем плаще перо волшебное.

— Все верно. Ну, ступай.

Ян любовно посмотрел на заветное перышко — связь с его небесной подругой. Но трогать не стал. Не время прибегать к помощи Маюн, она нужна в Мрамгоре, а он пока может и сам дорогу осилить. Здесь слава звездам принимают серебро, а это значит, что не придется задерживаться надолго. Добудет пару хороших жеребцов, справит меч богатырский и выдвинется в путь, отдохнувший и подготовленный.

На следующий день Ян со своим сокровищем отправился к Бокуле. Кузнец — здоровенный детина с рябым лицом, долго рассматривал камни, тер шерстяной тряпочкой, капал на них какой-то раствор.

— Откудова они у тебя? — спросил он после долгих манипуляций с метеоритом.

— С пустыря, что за лесом вашим, в двух неделях пути.

— Ты знаешь, что это?

— Догадываюсь.

— Догадываешься, значит, — недоверчиво протянул кузнец.

— Это метеоритное железо, прилетело на Хору из космоса. Должно обладать уникальными свойствами. Мне отчего-то думается, что ты хороший мастер и знаешь, как выплавить из этих булыжников никель.

— Я не знаю, что такое метеоритное железо и никель, но я вижу такой камень второй раз в жизни. Это — кара небес. Так мы его называем.

— Называй как хочешь, а меч мне из него сделай.

— Сделаю, но плата велика.

— Сколько? — Ян вдруг испугался, что ему не хватит серебра, но кузнец его удивил.

— Отведи меня к этой пустоши.

— Отвести не могу, время жмет. Возьми серебром.

— Нет, — отрезал кузнец.

— Да пойми ты, — не выдержал Ян, — страшная война надвигается, мне в столицу надо попасть как можно скорей, а до пустоши той две недели пути. Давай так, выплави мне меч, а все что останется, себе возьми, а я тебе карту нарисую, как к пустоши той пройти. Ты поход снарядишь, там этих камней видимо невидимо, на себе, знаешь ли, много не унесешь.

— Война говоришь? — Бакула задумался, — А ведь не врешь, про войну уж все знают, наведывались к нам Веды, зашиты обновляли. Говорят, вблизи от столицы уже стычки были.

Ян смачно выругался и принялся ходить взад и вперед по кузне.

— Ехать мне надо срочно, там Маюн без меня одна совсем и Вайесу сообщение письменное нужно.

Бакула на Яна пристально так посмотрел и спрашивает.

— А ты кем будешь-то в Мрамгоре?

— Сагорт я Верховный, — простонал Ян, устало бухаясь на земляной пол.

Что кузнец в нем Господина не признал не его вина, одежду парню еще не пошили, а вместо его грязной и изодранной, сердобольная старуха мужнину рубаху и портки с тулупом всучила.

— Что ж ты так далеко от места службы забыл, Верховный Сагорт?

— Дела государственные, — отмахнулся Ян.

Кузнец немного подумал, потом сказал.

— Ладно, пес с тобой, Верховный Сагорт, возьму серебром, но карту мне нарисуй.

На том и сговорились. Но не успел Ян ни меча своего увидеть, ни коней присмотреть, как в славную долину пришла беда. На рассвете прибежала в дом промысловика ребятня из соседних домов с криками, — «Рагин берут! Смертным боем всех бьют».

Ян вскочил, натянул кожаные штаны и жилет (единственное чем успел обзавестись) и выбежал на улицу. Там творилось страшное: селяне спешно удирали в леса, покидав скарб на повозки. Немногочисленная скотина, что водилась в некоторых домах, беспорядочно носилась по улице и истошно кудахтала, блеяла, мычала. Ян бросил взгляд на холм, там вдалеке кипело сражение. Невысокую каменную стену брали штурмом. Издалека Ян не мог разглядеть, хорошо ли были вооружены захватчики и сколько их всего, но одно он уяснил — Ведов среди них нет. На окрестные городища и селы Лонгвин не тратил волшебной мощи, посылал простых солдат, а это означало, что еще не все потеряно.

Ян забрался на бочку и заорал что было мочи.

— Неужели вы думаете, вам удастся сбежать? Неужто не понимаете, что в лесах вас рано или поздно отыщут, что деревни ваши спалят, а вас самих — свободных людей, сделают рабами? Вы же поселение мастеров! Одних кузнецов только пятеро.

— И что ты предлагаешь? — заголосили из толпы. — Дать им бой и подохнуть на месте?

— Нет, я предлагаю взять их в городище.

— Как?

— Пока не знаю, нужно отправиться на разведку. Но потребуется несколько смелых и ловких мужчин, способных держать оружие.

Народ неодобрительно покачал головами и только ускорился в своих сборах. Но несколько смелых мужчин все же нашлось, и через три часа отряд из семнадцати человек был у подножья холма.

Рагин был взят. В бойницах торчали головы насаженные на пики, по всему периметру крепостной стены висели тела.

— Звери, — прорычал один из мужиков и кинулся вперед.

Ян его еле догнал.

— Спятил?! Хочешь, чтобы нас так же вздернули? — гаркнул он.

— Они убили всех старейшин!

— Они и тебя убьют, и всех тех, кого я привел, а мы не за этим сюда пришли. Нам нужен план.

— Какой еще план?!

— Какая-нибудь военная хитрость, — бросил Ян, уже прокручивая несколько идей в голове. — Пошли в укрытие, не хватало еще дозорным на глаза попасться.

Укрытием послужили острые каменные пики, торчащие из земли, словно обломанные зубы великана, за ними и спряталась горстка смельчаков. Ян долго сидел, молча смотрел на взятое городище, думал. Короткий зимний день подходил к концу, в верхушках деревьев уже притаилась розовая закатная кромочка, когда он увидел шевеление в небе. Над одним из самых высоких домов в городище закружили типцы.

— Что там? — быстро спросил Ян, указывая в сторону высокого дома.

— Знамо дело — голубятня, — ответили ему мужики, — только чего это они так поздно не спят?

— Спугнули знать.

— А чей это дом?

— Так старейшин.

— Угу, а старейшин, стало быть, всех порешили? — уточнил Ян.

— Всех сучьи потроха, всех, — со злостью выдавили мастеровые.

— А имеется ли в Рагине темница?

— Знамо дело имеется. Ну, не то чтобы темница — яма.

— Земляная?

— Ага.

— Глубокая?

— Еще какая, — заверил скорняжник, — знаем, сиживали. Там холодина, сырость. Цельный месяц потом хворал.

— А далеко та яма от центра городища?

— Да уж конечно не в самой середке. На окраине, с той стороны холма.

— Это хорошо, — промурлыкал Ян, — а еще один выход кроме центральных ворот имеется?

— Имеется, только о нем кроме самих жителей города никому не известно.

— Угу, — протянул Ян, чего-то соображая, — возвращаемся в деревню.

— Что? А как же освобождение горожан?

Ян только головой покачал, подумав про себя, что отвага местных граничит со слабоумием. Но вслух сказал совсем другое:

— Вы же не собирались голыми руками крепостную стену брать?

— Ну, нет, — промямлили мужики.

— Нам понадобиться кое-что в деревне. Будем наедятся, что достопочтенные селяне не все вывезли.

Пока шли обратно, Ян все раздумывал, а не опробовать ли ему шлем? Казалось, чего проще — напяль волшебную вещь, обрети силищу невозможную и покруши врага в одиночку, а о тебе потом былины слагать станут, как ты Рагин от захватчиков освободил. Но понимал Ян, не тот это случай когда коварным оружием стоит воспользоваться. Его лучше против Ведов Лонгвина обратить, а здесь обычная человеческая армия, значит ее и без магии одолеть можно. К тому же и план у Яна уже имелся, простой и действенный. Опасный правда, да и жертв будет не избежать, но тут уж не обессудьте. Горожан либо в яме сгноят, либо прислуживать заставят, а так маленькая надежда на освобождение, но все же была. Да и селян не бросишь. Что их ждет после того как лонгвиныц в Рагине освоятся?

В деревне Ян велел прихватить побольше зерна, сети, веревки, проволоку, сено, лестницу и смолы ведро, а еще молоты, мечи, металлические шесты, в общем, все что могло бы в драке

сгодится.

К Рагину подошли еще засветло, страшно уставшие. Ян велел двум мужикам осторожно пробраться к воротам и вылить смолу прямо на них.

— Это зачем еще?

— Увидишь, — только и ответил он.

Сам же рассыпал зерно, приготовил сети и, поставив одного часового, улегся спать, наказав меняться через полчаса. Утром его разбудило голубиное воркование.

— У-у-у, прилетели милые, — порадовался он, — вы уж меня простите, не желал бы я вас такому риску подвергать, но другого выхода не вижу.

С этими словами он накинул на голубей сети. Позже он их отпустил, предварительно поворковав с каждой пойманной птицей, которая улетала, держа в перепончатых лапах соломенную вязанку на длинной веревке. Кузнец высекал из огнива искру, вязанка загоралась, и самоотверженная птаха летела в родную голубятню. Через четверть часа дом старейшин уже вовсю полыхал.

— Пора, — скомандовал Ян, и все направились к воротам. — Тех, кто побежит, задержать не пытайтесь, пусть себе улепетывают, их мы потом нагоним. Сейчас главное город и его люди.

Как и рассчитывал Ян, почти все захватчики бросились на тушение пожара или просто кто куда. На крепостной стене осталось только три человека. Парень велел всем кинуться врассыпную и бежать галсами. Смотровые только зря тратили стрелы, мечась по стене и пытаясь попасть в бегущих. Одного из них Ян снял, выстрелив из лука прямо на бегу. В защите крепости образовалась брешь. Указав не нее трем отобранным еще с вечера мужикам, знавшим город лучше прочих, Ян ринулся туда, что было мочи. Через несколько минут Сагорт и его отчаянная команда уже перелезали в охваченный огнем город, а ошалевшие солдаты Лонгвина пробивались сквозь подожженные врата, за которыми их встречали молоты, пики и вилы.

Пробираться в пылающий городище было безумием, но иного способа спасти заточенных горожан Ян не видел. Он был уверен, что нуждающиеся в обслуге захватчики не стали убивать всех жителей, а покидали большую часть людей в яму.

Похватав подвернувшиеся лестницы и закрывая плащами рты, отряд Яна побежал вдоль стены. До той части города, куда они бежали, пламя еще не добралось, но едкий дым заволакивал воздух, дышать становилось все труднее. Ян и его люди шли на слух, плачь и стенания доносились издалека. Когда же они,

наконец, добрались до ямы, Ян понял, что четырех лестниц мало. Они спустили то, что имелось, и внизу началась страшная заваруха.

— Если вы не прекратите это скотство, — проорал Ян, — я заберу лестницы. Пропустите сначала женщин с детьми.

Но охваченные паникой люди его не слышали, а те, кто слышал откровенно игнорировали, расталкивая локтями своих соплеменников. Ян пытался увещевать, угрожал, ругался, но люди были слишком сильно напуганы, и по-прежнему не обращали на него внимания, пока и Ян не озверел, увидев, как на землю падает скинутый с лестницы мальчонка лет семи. Беднягу тут же раздавила жмущаяся к выходу толпа, и Ян только и заметил, как его удивленное лицо, теряется меж сапогов.

— Вот вы звери! — вскричал он, выдергивая-таки одну лестницу за другой.

— Верни их, верни! — заголосили пленники.

— Пропустите вперед детей, — скомандовал Ян.

Людская масса задвигалась, засуетилась выполняя требуемую рокировку, и вскоре большая часть людей была уже на свободе. Горожане пробирались за стену тайными лазами. Рисковая затея Яна многих лишила крова, но их жизни были спасены. Ни много ни мало около семи сотен человек, готовых распрощаться со свободой, сегодня обрели ее вновь.

Среди заточенных оказались и военные люди, когда пламя догорело, они вернулись в город, отыскали пригодное оружие и отправились на поиски сбежавших лонгвинцев. Ян не завидовал обидчикам, которые попадутся в руки разъяренных жителей Рагина, лишившихся своих домов. Он стоял на окраине леса и провожал взглядом удаляющихся в на поиски беглецов стражников, как вдруг один из них окликнул его.

— Эй ты заступничек.

Ян обернулся, встретившись взглядом с оскалившемся солдатом, чьи желваки недобро перекатывались из стороны в сторону.

— Поговаривают, это ты велел Рагин спалить, — прогнусавил мужик, наступая на Яна.

— Ну я, — отозвался парень, понимая, что стычки не избежать.

— Значит по твоей милости мы домов лишись.

— А ты предпочел бы лишиться свободы?

— Этот город строили мои прадеды.

— То есть за деревянные хибарки ты готов был отдать жизни детей и женщин? Ты в курсе, кстати, что их обычно ждет, кода она становятся рабынями?

— Люди уходят и приходят, а города стоят веками!

— Не деревянные, — возразил Ян. — Ни я так молния спалила бы рано или поздно твой Рагин, оставив лишь каменные строения и стену.

— Ты еще смеешь оправдываться, сукин сын! — пробасил уставший спорить мужик и кинулся на Яна с кулаками. Но он хоть и скитался многие месяцы, и ослаб, а все же оставался воином задруги. Двумя хитрыми ударами Ян уложил смутьяна и вкрадчиво так спросил:

— А был ли Рагин твоим, после того как ты сдал его Лонгвину?

Солдат побагровел, сплюнул Яну на сапог и вырвавшись, ушел в лес, ни разу не обернувшись

Жители, конечно, сетовали на то, что остались без домов, но все же чувство благодарности за спасение их жизней перевешивало. Многие понимали, что дома можно отстроить, а жизнь уж не вернешь, поэтому Яна чествовали как героя. Особенно горячо принимали его селяне. От них он отвел беду, никто не пострадал, все добро было цело. Но долгожданная слава не радовала парня, он понимал, что если война пришла вглубь Багорта, в Мрамгоре идут настоящие сражения, а не эти показательные выступления. Ян хотел было отправиться в путь немедленно, но Бакула его отговорил.

— Не спамши, не жрамши и не собран толком, куда ты лыжи-то навострил? Отоспись, а я жене и сыновьям велю собрать тебя в дорогу. Коня там, провизии, вещей теплых, ну сам знаешь, а сам твой меч ковать всю ночь буду. Как работу справлю, так и отправишься в путь. Без меча энтого тебе в войне против Ведов никак нельзя. Особенный он будет, его ни один жрец не заговорит, мечи из метала небесным огнем опаленного справедливость несут.

Сопротивляется Бакуле было бесполезно, да и прав он — далеко ли Ян уйдет, если вынужден будет тратить время на охоту? Да и коня так скоро не сыщешь, но больше всего ему меч волшебный нужен. Не зря же он себе все плечи этими небесными булыжниками в походе стер? Остался, продрых всю ночь как убитый на протопленной печи.

«Жена Бакулы наверное, чего-нибудь в отвар присыпала», — решил Ян, потому как был уверен, что тревоги не дадут спать спокойно.

Разбудили его поздно, ближе к полудню. Усадили за стол, накормили, и только потом младший сын Бакулы повел его в кузню, смотреть еще не остывший меч. Весь красный, блестящий от пота, уставший кузнец предъявил Яну свою работу.

По зеркальной поверхности клинка растекались темные, отливающие синим и зеленым разводы, рукоять была фигурной в кожаной оплетке, на кончике ее красовалась птичья голова с глазами из ониксов — камней, что символизировали воинское мужество и отвагу.

— Прими его в дар от нашей долины, — пробасил Бакула. — Пусть несет он смерть всем, кто с войной на нашу землю идет.

— Спасибо, Бакула, век не забуду твоей щедрости, — поблагодарил Ян.

— Мы в неоплатном долгу перед тобой, в любое время тебя будет ждать здесь радушный прием. Весть о тебе как о славном воине уже разносится по всей долине.

— Да я и не сражался вроде?

— То-то и оно, что целое городище отбил, селенья от разграбления и рабства спас, и все без армии, хитростью одной. На смерть людей посылать знаш ли, много ума не надо, а вот от нее оградить и честь соблюсти — энто подвиг достойный Великого мужа!

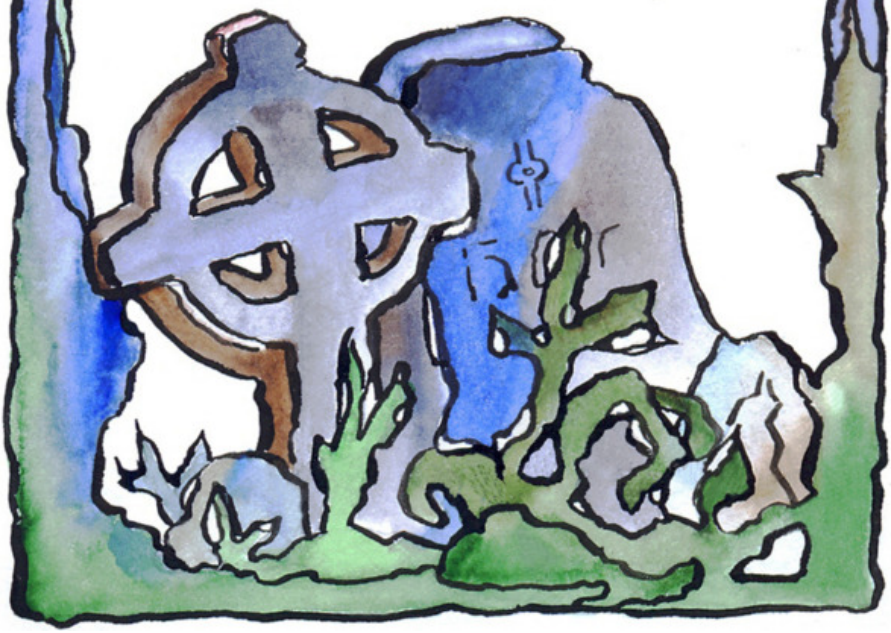
— Ну как скажешь, — улыбнулся Ян.

Коня герою пригнали знатного, богатырского: могучее сложение, грива черным шелком вьется, сразу видно конь победителя. Рядом семенила лошадка попроще, но тоже крепенькая, навьюченная всем, чего не пожалели для освободителя селяне. Колбасы, хлеба, бутыли с пивом, теплые вещи, табак даже имелся (это Ян уж потом на привале ревизию произвел).

Провожали всем селом, долго не желали отпускать, но Ян все ж таки вырвался из благодарных, удушливых объятий и, сверившись с новыми картами, что ему дал промысловик, пустился в путь домой.

Глава 35

Военное время



Военное время

Мрамгор потерял в сражении у Синего леса много людей и немало Ведов. Посекли их лонгвинские воины, словно лес порубили. Реки три дня кровью текли, и все эти дни длилось стояние на костях, пока не отделили своих от чужих. А потом горели погребальные костры, затмевая свет солнца. Все понимали, что они выиграли сражение, но не войну, что будут еще битвы и еще смерти.

Захваченный Деей Вед оказался невероятно полезен. Влад с матерью склонили его к предательству своих. Поклявшись на крови, что сохранят ему жизнь, они заставили его призвать всех своих разбежавшихся соплеменников и уверить, что он нашел лазейку и может открыть врата домой. Многие отозвались и Морита с сыном отправили их на белый остров, спать вечным сном. Они наказали пленнику открыть врата именно туда, он, конечно, долго сопротивлялся, но желание жить все-таки взяло верх. Тогда он не знал, что жить ему придется в бывшей темнице Мориты, которая уже несколько недель пустовала. Клятву мать и сын не нарушили, жизни его не лишили, а о свободе уговора не было.

Но не личное участие Влада в сражении, ни хитроумный маневр с отправкой разбежавшихся Ведов на дурман-остров, не позволили Владу захватить главного их врага. Ихаиль либо скрывался либо вообще не принимал участия в битве. Но одно Дея знала точно — не без его участия развязалась эта война. Неспроста армия высадилась у ее леса. Ихаиль не забыл оскорбления нанесенного ее сестрами и пока он не отомстит, будет кружить вокруг ее дома, изыскивать средства сравнять Синий лес с землей, иссушить Лад озеро, а русалок выжечь, как выжиг Божену.

С давних пор правители Лонгвина мечтали прибрать к рукам жирный и сочный кусок Хоры. Для воплощения этих мечтаний в жизнь им не хватало лишь поддержки гонимых Ведов. Захваченный жрец рассказал, что Ихаиль убедил всех колдунов Лонгвина в том, что Багорт готовит коварный план против чародеев недружественного континента, а потом пообещал правительству поддержку уже настроенных против Багорта собратьев. Убедил всех в том, что настало время объединиться и поставить, наконец, жирную точку в давней вражде. О том, что у него имеются свои счеты с Багортом, он конечно умолчал.

Но несмотря на страх перед магической мощью Лонгвина и неисчислимые потери в первом бою, у багортцев появилась

надежда. Все только и говорили о семье Кариев, без участия которых им ни за что не удалось бы побить врага. Реальное горе и боль утраты, которые вошли в каждый пятый дом Мрамгора, наконец, заставили жителей столицы признать мать и сына достойными уважения.

Но Влад по-прежнему не желал примыкать к армиям Мрамгора и вел отшельнический образ жизни. Да и Морита отныне предпочитала оставаться вольной птицей, хоть и принимала активное участие в военных делах. Она стала еще больше времени уделять занятиям по боевой магии, после знаменательной битвы учеников у нее поприбавилось. Влад же практически не покидал леса, и если и оставлял Дею, то только для того, чтобы повидаться с матерью и иногда с отцом.

Их отношения с Вайесом походили теперь на медленно оттаивающую глыбу льда. Благодарность за то, что сын спас не только Синий лес, но и сам город с прилегающими к нему поселениями выражалась у Вайеса в полном принятии всех странностей своего сына. Он больше не упрашивал его вступить в регулярную армию, не выведывал лишнего, с готовностью исполнял все его странные просьбы. Он понял, наконец, что только при условии полной свободы действий его сын может быть полезен Багорту.

Верховный Хранитель все еще надеялся, что найдет способ помочь своему континенту. Но сколько бы времени Лонгвин не дал Мрамгору на подготовку, его все равно оказалось бы мало. Не доставало всего: людей, жрецов, оружия. Столица посылала отряды в самые незащищенные части Багорта — туда где строились небольшие деревянные городища, где теперь царили смерть и разорение. Набеги лонгвинцев подобные вулканической лаве равняли с землей некогда богатые селения, городища же они использовали как перевалочные пункты.

На многочисленных советах, которые теперь собирались ежедневно, глава Мрамгора со своими лучшими военачальниками строили новые и новые стратегии и планы, но изыскать способ победить в этой войне, они так и не могли. Вайес был уже готов к тому, чтобы издать указ о запечатывании. Он не видел иного способа спасения если не людей, то хотя бы природы.

Жителям неспособным держать в руках оружие, было предложено селиться в охраняемых лесах и горах. Большая часть горожан наводнила неприступный замок. Мрамгор готовился к осаде. Только чудо могло спасти Багорт от надвигающегося врага.

Глава 36

Огонь войны

— Ты не можешь, быть рядом со мной каждую минуту, Морита и Вайес тоже нуждаются в тебе.

— Но я нуждаюсь только в вас, — протестовал Влад, лежа на спине и подбрасывая в воздух хохочущую Велиоку.

Дея забрала у него дочь.

— Влад, ты не виделся с ними полмесяца.

— Они и сами могли бы нас навестить. Отец с матерью, если помнишь, не меньше моего настаивали на том, чтобы ты не покидала леса. А как давно они к тебе приходили?

— Две недели назад.

— Вот именно, — Влад повернулся на живот и посмотрел на Дею исподлобья.

— У них и без нас забот полно, я не в обиде.

— Ладно, я съезжу к ним, — сдался Влад, — но пообещай мне, что ни на шаг не отойдешь от озера, пока я не вернусь.

— Обещаю, хотя и убеждена, что это излишне учитывая, сколько защит вы с матерью понаставили на мой лес.

— Любую магическую защиту можно взломать, — отвечал Влад, поднимаясь и подзывая коня, — кроме твоей. Но ее ты отчего-то упорно не желаешь ставить.

— Мой лес теперь приют для людей, не забыл?

— Угу, будь они не ладны, — проворчал Влад, запрыгивая в седло.

— Передай им от меня привет, — крикнула Дея удаляющемуся мужу.

В обласканном солнцем Мрамгоре весна наступала рано. Лес Деи уже зашуршал первыми прыткими листочками, зажурчал ручьями, сбросившими с себя ледяные оковы, наполнился новыми звуками. Пробуждались от зимней спячки звери, воздух становился гуще, ароматнее. Словно протестуя против войны людей, природа рождала новую удивительную жизнь. Никогда не замерзающее Лад озеро, оживилось еще больше, первые за многие годы дети Озерных дев, заполняли пространство леса своим смехом, водными брызгами, игрой с отцами.

Дея сидела у берега, баюкая Велиоку, и любовалась маленькими проказницами. Двойняшки Звентаны теребили пришедшего навестить их отца за длинные усы. Он пытался сопротивляться, пихал им в красные ротики леденцы, но девчонки не унимались, заставляя мать заливаться звонким смехом. На противоположном берегу сидело целых пять отцов в окружении юрких русалят и ласковых жен.

Дея наслаждалась этой идиллией и размышляла, на что она пойдет, если явится Ихаиль и попытается разрушить это природное благолепие, как вдруг раздался грохот такой силы, что ей показалось, земля разверзлась и туда рухнул, по меньшей мере, сам Мрамгор.

Русалки похватали своих детей и скрылись на дне, их мужья приняли боевую стойку, лес замер, а животные метнулись в подземные лабиринты. И тут же раздался рев труб и дробь военных барабанов. Дея поняла, что это начался штурм замка или города и поспешила отдать дочь, подплывшей Велене.

Она хотела было запечатать лес, но не смогла заставить себя сделать это. За границей ее владений оставался Влад, и где-то еще странствовал Ян. Девушка чувствовала, ее друг жив и возвращается в Мрамгор. Не могла она запереться от них, да и просто отсиживаться тоже не могла.

— Иди же! — прокричала она своему единственному врагу. — Я готова! — затем развернулась к озеру и скомандовала вынырнувшим Озерным девам, — Полная боевая готовность! Защищать детей и будущую Госпожу ценой жизни. Я чувствую, он идет.

Не успела она договорить, как над ее головой засверкали красные и белые искры. Защита, что так тщательно накладывали Влад и Морита рушилась. По земле застелился удушливый дым и из него вышли четыре фигуры, Ихаиль шел впереди.

— От чего же ты не запечатала лес, юная Госпожа? — обратился он к ней, наступая. — Твоего спасителя рядом нет, сегодня тебе не одержать победы.

— Я не собираюсь ни бегать от тебя, ни прятаться, — проговорила Дея замирая.

Она, стараясь отрешиться от всего, что происходило сейчас за пределами Синего леса, пыталась сделать невозможное, то чему ее когда-то научила Морита.

«Однажды тебе может понадобиться сила — та сила, на которую имею право я и мой сын. Но благодаря нашей с тобой кровной связи ты тоже имеешь к ней доступ. Призови силу моего рода, когда любая другая будет не способна защитить тебя и твой лес. Она не сделает тебя Ведом, но даст защиту, позволит сражаться с подобными мне»

Дея воздела руки к небу, представила деда своего мужа и обратилась к нему.

— Призываю тебя Перворожденный, Отец Ведов и источник первоначальной неиссякаемой силы и знания! Призываю тебя, благословить меня на бой с тебе подобными.

Первые несколько секунд ничего не происходило, но потом

золотой диск солнца стал растворяться в белом свете, и Земля под Деиными ногами затряслась, когда с неба обрушился его поток. Он проливался на нее, омывал, слепил, обжигал, а когда иссяк, она ощутила невероятный прилив энергии.

Веды шарахнулись от этого энергетического потока, и только Ихаиль продолжал наступать.

— Эти фокусы тебя не спасут, девочка. Ты не жрица и не можешь воспользоваться нашей силой.

— Вашей нет, но могу приумножить свою, — тихо ответила она, бросаясь на врага.

Завязалась драка. Поначалу опешившие Веды пришли в чувства и бросились на Госпожу леса вслед за Ихаилем.

Магических способностей Дея и правда не приобрела, но сила рода хранила ее, делала неуязвимой. Ни черный туман, ни искрометные энергетические удары не могли свалить Госпожу, они отскакивали от нее словно каучуковые шарики. Дея распалялась, высекала из себя искры, словно была кремнем, стремительно вращалась и взлетала в воздух, подхваченная воронками, что кружили вокруг нее.

Лес бушевал, деревья тянули свои ветви и коренья, пытаясь сцапать и обвить нападавших, по берегу озера виднелись затаившиеся русалки, готовые кинуться на добычу в любой момент. Одного Веда им удалось схватить, и Дея краем глаза увидела, как они раздирают его на части, даже не пытаясь брать в плен.

Потеряв одного из собратьев Веды стали осторожничать, решили взять хозяйку леса не силой, а хитростью. Напустили дым, да такой, что ни зги не было видно. В этом непроглядном тумане, слопавшем бьющихся, были видны только красные всполохи, да разлетающиеся во все стороны камни.

Дея поняла, что попала в западню, что даже с силой рода ей не выстоять одной против трех сильных Ведов. Но и сдаваться было нельзя. Стоит врагам добраться до озера, они в момент выжгут всех русалок, у них-то защиты рода Кариев нет.

Дея почувствовала, как ее схватили за руку. Яростно отбиваясь, она вцепилась когтями наугад и оцарапала невидимке лицо. Спотыкаясь, путаясь в плаще, она вырвалась из едкого, удушливого марева и тут ей в голову пришло решение, катастрофическое, непозволительное для Хранителя, но единственно верное. Мысленно она обратилась к лесу, прося совета.

— Приказывай, Госпожа, — отозвался лес, — я существую для того, чтобы охранять Лад озеро и его обитателей. Лес выстоит, не все мы пострадаем. Главное — девы будут спасены.

— Простите меня, — проговорила она, с трудом сдерживая слезы, — но я не воин, я только мать и сестра. — С этими словами она вскинула руки и, хлопнув в ладоши, приказала, — гори!

Деревья, что окружали Ведов, вспыхнули словно факелы. Загнанные в ловушку чародеи заметались, но куда бы они ни бежали, пламя преследовало их, и никакая магия не могла потушить огонь ненависти к обидчикам. Лес горел вместе с теми, кто на него напал.

Глава 37
Жемчужная
тайна

Жемчужная тайна

Он стоял, облокотившись о дверной косяк и умирал от скуки. Мать и отец спорили о стратегии. Морита настаивала на том, что нельзя уводить из столицы так много Ведов на борьбу с захватчиками городищ. Отец же пытался оправдывать это расточительство.

— Как ты не понимаешь, Морита, там ведь тоже люди Багорта живут. Столица обязана их защищать. Ну не могу же я, в конце концов, их на произвол судьбы оставить.

— Да Лонгвин только того и ждет! — бушевала Морита. — Они для того и разоряют самые незащищенные наши территории, чтобы мы рассредоточили свои и без того немногочисленные ведические армии. Как только Мрамгор лишиться своей основной защиты, Лонгвин нападет на замки. Ему не нужны поля и леса, он нацелен на крупные города.

— Хорошо, что ты предлагаешь? — сокрушался Вайес. — Не отправлять войска в центральные леса и долины, засесть здесь и ждать? А они тем временем разграбят весь Багорт, обустроятся в наших городищах, окрепнут, подтянут туда все основные силы и начнут наступать во все стороны. Тогда-то мы уж точно не сможем им противостоять. У них больше Ведов чем у нас в десятки раз, у них усовершенствованная военная техника.

— Через врата им ее не протащить.

— Через врата нет, но как толкло они возьмут все прилегающие к портовым городам земли, они возьмут и эти города. А в портах будь уверена, уже стоят корабли начиненные диковинными орудиями смерти.

— Влад, — обратилась Морита к сыну, — ты-то чего молчишь? Посоветуй нам чего-нибудь.

— У вас и без меня советчиков хватает. Я пришел повидаться с горячо любимыми родителями, посидеть, поболтать по душам пока это возможно, но вы, как я погляжу, слишком заняты войной. Я, пожалуй, к Деи вернусь.

— Влад, не начинай, — как можно мягче попросил отец. — Ты ведь знаешь, что у нас с матерью нет сейчас более насущной проблемы, чем война.

— Как, впрочем, и всегда. Ладно, был рад видеть вас в добром здравии. Пойду придаваться радостям жизни, пока она не кончилась.

Вайес подошел к сыну, взял за руку.

— Какой же ты еще ребенок, Влад.

— Пойдемте лучше в трапезную, пообедаем вместе, —

предложила Морита.

— Обещаю за едой не говорить о войне, — выпалил с готовностью Вайес и приобнимая сына, вывел из кабинета.

Но дойти до трапезной они так и не успели. Влад почувствовал бешеный всплеск магической энергии, как тогда, когда перед Деиным лесом открывался портал. Но на этот раз он был значительно ближе и мощнее. Не сговариваясь, они с матерью побежали к смотровой площадке, крича на бегу Вайесу, чтобы командовал боевую тревогу.

Когда они добежали до балконов, защита, что покрывала все небо над Мрамгором уже полыхала красным. По небу метались сирэны и страж-птицы и, только Маюн удалялась куда-то, мерцая в дали перламутровым бликом.

Стражники и воины уже выстраивались на крепостных стенах замка, но мать и сын знали, что замок в отличие от города лонгвинцам не взять и эта атака лишь отвлекающий маневр, настоящая битва будет за столицу. Морита навела врата в город, и их выбросило прямо на центральной площади.

— Я должен вернуться в лес! — заявил Влад.

— Тебе не о чем беспокоиться, Дея наверняка его запечатает.

— Сильно в этом сомневаюсь.

— Поверь мне, как только она почувствует угрозу, она сделает это, — уверяла Морита. — Она теперь мать, а для матери нет ничего важнее ребенка. Она сделает все, чтобы защитить свое чадо. К тому же, в лесу сейчас две дюжины новорожденных русалят. Ты думаешь, она подвергнет их опасности?

Размышлять над этим вопросом Владу не пришлось. Над их головами полыхнуло красным, прокатился чудовищный гром, а затем небо разверзлось и из него стали сотнями сыпаться горящие стрелы. Морита и Влад только успевали ставить барьеры над городом. Стрелы втыкались в них, гасли и мертвыми палками повисали в небе.

— Купол не простоит вечность, ставь защиту на дома, — скомандовала Морита.

Они носились по городу, словно ветер, а в небе уже открывались и другие врата, из которых повалили тысячи воинов. Они бежали к стенам города, осаждали их, рушили. Мирный, жизнелюбивый Мрамгор наводнился криками отчаяния. Ошалевшие люди бегали по его улицам, моля о помощи, пытались прятаться в тех домах, на которые еще не была поставлена зашита, прочие были запечатаны наглухо.

Пока человеческие армии осаждали крепостную стену, падая с приставных лестниц и захлебываясь кипящей смолой, Веды пробивали накинутый над городом купол. Впавшие в немую

оторопь жрецы Мрамгора, высыпав из своих келий, стояли сбившись в кучки и, со страхом смотрели на все это безумие.

— Сколько Ведов в городе? — спросила Морита, ловя за рукав, крадущегося в тени лип главу их братства.

— Двадцать, — проблеял тот.

— Так мало?! — выдохнула Морита. — Рассредоточь по двое и не слишком далеко друг от друга. Защищайте центр, стену удержит опола.

— А вы?

— Мы займем позицию на главной площади.

Но не успели мать и сын добежать до мозаичной крышки подземелья, как она задрожала под ногами, приземляющихся чародеев Лонгвина. Их было в разы больше нежели Влад мог предположить, но они не были так же искусны в бою как Ихаиль и его мать, которую после сражения у Синего леса прозвали «несущая смерть».

Вдвоем они сражались против семерых. На удивление Влада жители города не желали тихо отсиживаться в своих домах. Через открытые окна, на Ведов Лонгвина летела домашняя утварь: чаны с кипятком, ночные сосуды, цветочные горшки, а одна из девиц набросила на двух атакующих Влада Ведов рыболовную сеть. Ему хватило секундного замешательства врагов и те были обращены в пыль. Мать тоже неплохо справлялась, не без труда уворачиваясь от летевших из окон чугунков. Убила троих, но, кажется и сама была ранена.

От семерых нападавших осталось двое, но они не желали сдаваться так просто, да и на подмогу им уже летели новые Веды. Влад заозирался по сторонам, пытаясь определить, откуда угроза придет первой и тут увидел ее.

С их последней встречи прошло уже много месяцев. Они иногда пересекались в городе или в замке, но Родмила всегда опускала глаза и проходила мимо, ни разу не удостоив его и взглядом. А сейчас она неслась им на подмогу. Порывистая, молниеносная, с развевающимися черными волосами, в алом платье, том самом платье, что он подарил ей перед балом в ее честь. И как в ту самую ночь она выбрасывала из необъятных рукавов мерцающую пыльцу. На этот раз излюбленное оружие Родмилы, разъедало лица нападающих.

Так и не взглянув на своего бывшего любовника, она пронеслась мимо Влада пламенным облаком, ввязываясь в ожесточенную схватку сразу с тремя Ведами. Те хватались за шипящие, растекающиеся лица, с воплем падали наземь и умирали в судорогах. Но на их место приходили новые. Влад выбросил сгусток черного дыма на бегущих в сторону Родмилы

лонгвинцев и, те упали замертво, так и не успев достигнуть цели. Расправившись с Ведами, он уже был готов отражать, несущейся в его сторону огненный шар, как вдруг его всего затрясло. Он нашел взглядом мать, ее тоже била дрожь.

— Ты призываешь силу рода!? — крикнул он через площадь. Морита покачала головой и схватилась за горло.

— А кто же тогда?! — взревел он, уже понимая, что зовут не их, а его деда.

— Она, — проговорила Морита одними губами, прежде чем ее увлекла нова стычка с врагом.

Влад не разглядел лица матери, а поразмыслить о том, кто еще мог призывать его дела времени не было. Его зацепил пламенный сгусток, и не успел он вскрикнуть от боли, как на него накинулось трое лонгвинцев. Влад даже не сразу понял, что надо защищаться, он получил сильный удар в живот, упал на колени и, наверное, в тот самый миг распрощался бы с жизнью, не помоги ему Родмила. Девушка подлетела к атакующим его Ведам и обрушила на них светоносный шар, невесть откуда взявшейся у нее в руках. Те засветились изнутри, полыхнули синим и осыпались пеплом. Но один все же увернулся и схватил Родмилу за горло. Они повалились на мозаичное стекло и, сцепившись намертво, покатились по хрупкой поверхности. Влад только и видел, как колышется красным маком платье его бывшей подруги.

В бешенстве он ударил что было мочи по переливающейся, стеклянной крышке лабиринта, и она осыпалась со звоном и скрежетом. И он сам, и сцепившиеся враги полетели вниз, догоняя сверкающие цветные осколки. Влад вовлекаемый в страшную бездну вслед за Родмилой и Ведом Лонгвина, видел только свою подругу. Вед в своем черном облачении просто растворился в густой тьме подземелья, Родмила же летела, словно полыхающий факел. Алое платье развивалось и трепетало будто языки пламени, а лицо мелькало фарфоровым бликом.

Его спасло только то, что он приземлился на уже бездыханное тело девушки. Влад не сразу понял, что она мертва, кроваво-красный наряд сыграл с ним злую шутку. Он тряс Родмилу, гладил атласистые локоны черных как ночь волос, плакал на ее груди, прежде чем понял, что оба они лежат в луже крови — ее крови. Она растекалась пурпурным цветком, пропитывала ее платье, и Влад вдруг понял, что уже видел это однажды. В день турнира, вот так же как он сейчас, Родмила убивалась над своим разбившемся миражем. Его обдало холодом и мраком, словно бы он заглянул в дверную щель и увидел, что там после, увидел то место, в которое отправилась его подруга.

Шатаясь, он поднялся на ноги, вытер окровавленной рукой слезы и посмотрел вверх. Огромные сирены кружили над городом и рвали, клевали, потрошили всех тех, кто пытался выходить из врат над Мрамгором.

Влад выбрался из лабиринта и увидел, что в небе развернулось настоящее побоище, а вдалеке ослепительной точкой горит нечто напоминающее солнце. Точка эта стремительно приближалась, а за нею летели тучи сирэнов. Но разглядывать диво-дивное у Влада времени не было, его мать сражалась одна против пяти Ведов. Он кинулся ей на подмогу, и пока они крушили лонгвинцев, ослепительное, солнцеподобное нечто все ярче озаряло небо над Мрамгором.

Еще издалека Влад услышал клекот Маюн, призывающий всех боевых птиц. А когда она распростерла свои лучезарные крылья над городом, то увидел и ее наездника. Могучая фигура всадника тонула в нестерпимом свете, что исходил от шлема венчавшего его голову.

— Не может быть, — протянула Морита, открывая рот.

— Что не может быть?!

— На нем шлем самого Лучезара.

— Какого еще Лучезара?

— Я думала это миф, но выходит — правда. Это Шлем ужаса, он дарует его обладателю небывалую силу. Вот оно чудо, Влад! Вот то, что спасет Багорт! Где же он его нашел, шельма? — лепетала Морила истерически посмеиваясь.

Словно в доказательство ее слов, Маюн со своим несущим свет всадником спикировала к стенам города, прямо на головы осаждающих врата лонгвинцев. Что там творилось, Влад мог только догадываться, душераздирающие крики доносились и до его слуха. Те Веды, что пытались захватить город изнутри кинулись на подмогу осаждающим, еще не успев разобрать, что к чему.

Влад с матерью тоже побежали к стенам. Забравшись наверх в смотровые башни, они увидели, что со стороны ворот, которые вели к замку, разворачивалось немыслимое сражение. Поначалу Влад даже подумал, что это солнце упало на землю и продолжает по инерции вращаться, но приглядевшись понял, что это Ян со скоростью молнии кружиться сам и вращает мечем, полыхающим зеленым племенем. Меч, как и шлем тоже был не простым — это Влад понял сразу. От него гибли не только люди, но и Веды. Никто не мог приблизиться к солнцеподобному воину, чьим оружием были свет, скорость и небесный огонь. Ян вихрился как смертоносный огненный шар, обрушивался на врагов, словно и сам был небесным огнем, а над полем уже

стоял клекот сирэнов, парящих над всем этим безумием войны. Птицы клевали и рвали огромными когтистыми лапами всех, кто пытался покинуть поле боя.

Воодушевленные чудом и опьяненные запахом крови ополовцы, не могли больше прятаться за стенами города. Ворота осажденного Мрамгора распахнулись и из них посыпали воины. Они мяли, крушили, рубили ополоумевшего врага. Исход боя был предрешен, Влад и Морита выдохнули, но ненадолго.

— Что это вдалеке? — спросила Морита, указывая в сторону Синего леса.

Влад взглянул вдаль и обмер. Ощущение было такое, словно в него влили расплавленный чугун, когда он понял, что вздымающийся черный дым и рыжее марево над кромкой леса — это пожар.

— Лес горит, — прохрипел он, хватаясь за грудь. Его мутило из-за охватившего ужаса, он не мог держаться на ногах, чувствовал, что еще мгновение и сердце его взорвется.

На помощь пришла мать. Она хлестала его по щекам с криками:

— Приди в себя, нам нужны врата! Ну же очнись!

И он очнулся, коротко кивнул и стал наводить вместе с матерью врата прямо к озеру.

То, что они увидели, превзошло все его страхи. Лес полыхал на три сажени от озера, русалки истошно вопили, зовя свою Госпожу и умоляя ее скрыться в озере, а в бушующем огне метались фигуры. Все казалось далеким и недосягаемым, словно те видения, что он просматривал в своей зеркальной инсталляции. На живом, дышащем жаром фоне черными силуэтами метались две фигуры, будто исполняя древний танец. Влад кинулся было в огонь, но мать остановила его.

— Сгоришь как щепка!

— Она там! — крикнул Влад, вырываясь. — И он тоже.

Мать наскоро успела поставить на бегущего сына защиту от огня, но она не понадобилась, потому что в тот момент, когда он приблизился к полыхающей стене деревьев, Дея и Ихаиль словно коршуны вылетели из пламени. Девушка заметила Влада и отвлеклась на одно лишь мгновение, и Ихаиль не упустил мимолетного замешательства, сделал коварный бросок, молниеносно вынув из сапога клинок, он на миг поднес к губам и метнул. Заговоренная сталь летела как продолжение его руки, летела точно в цель — в горячее, жизнелюбивое, открытое Деино сердце.

Осознание происходящего пришло не сразу. Влад смотрел на растекающееся по Деиной груди темное пятно, не понимая,

что это кровь. Невозможность происходящего обездвижила всех, заставила замереть даже сердцебиение. Само время остановилось, словно позволяя Владу, в последний раз насладиться ее ускользающей красотой.

Он видел только ее лицо. Прекрасное, бледное с яркой полоской растягивающихся в медленной улыбке губ. Она смотрела на него, влажные ресницы подрагивали, глаза источали то, чего в ней всегда было в избытке — любовь. Но вот она медленно вынула из груди нож, и время снова ожило.

Влад видел, как жизнь вырывалась из его любимой непрерывными, неровными толчками. Но вместо того чтобы упасть замертво, она раскинула в стороны руки, запрокинула назад голову и возвратив силу рода обратно Источнику, осыпалась наземь тысячами жемчужин.

Маленькие белые шарики покатились к ногам Влада, тихо перестукиваясь, а он смотрел на них неотрывно и не понимал, что произошло. Впрочем, никто из присутствующих не мог наверняка сказать, что за мистерия развернулась сейчас пред ними. Истекающая кровью молодая Госпожа вместо того чтобы упасть замертво, обратилась в жемчуг. Все, что осталось от Деи — это ее плащ, валяющийся в том месте, где она только что умирала, да лужица крови, уже успевшая впитаться в землю.

Влад упал на колени, стал собирать жемчуг и целовать его, словно тот и был его возлюбленной. Он шептал ему что-то, о чем-то просил. Казалось, Вед лишился рассудка, он не верил в то, что ее больше нет, просто не в силах был поверить в это. Занятый собиранием Деи по частицам, потонувший в музыкальном перестуке жемчужин, он не замечал того, что происходило вокруг.

За его спиной убивались в слезах Озерные девы, стонали деревья, а его мать и Ихаиль сошлись в смертельной схватке, распаляя бушующее пламя.

К одуревшему Владу подошел залитый слезами леший и протянул огромную раковину. Вед машинально взял ее, и они вдвоем принялись собирать в нее опавший жемчуг.

Сколько прошло времени, прежде чем появились другие Веды и Ян уже без сверкающего шлема, Влад не знал. Он впал в какое-то оцепенение, сидел на том месте, где стояла раненая Дея, качался из стороны в сторону, прижимая к груди раковину и шептал:

— Я знаю где тебя искать, я знаю где тебя искать, я знаю…

Глава 38

Черные птицы

Черные птицы

Небо озарилось недобрым пламенем, когда Ян был уже близок к Мрамгору. Но не успел он и представить, что за проклятие обрушивается на его дом, как над ним пророкотал оглушительный гром. И тогда Ян понял, что не успеет. Не колебавшись более ни минуты, он позвал Маюн. Верная соратница и подруга откликнулась немедленно, и Ян ни подвел ее, ни заставил устыдиться того, что она покинула Мрамгор в самый отчаянный миг.

Он безошибочно распознал тот самый момент, когда ему надлежит использовать дарованное ему смертельное оружие. Казалось, шлем наполнял силой не только его, но и Маюн. На ее призыв откликнулись тысячи боевых птиц, они обступили их и летели на врага смертоносным, черным, клекочущим облаком.

Ян чувствовал, что переполняющая его сила, передается всем, кто вставал под его крыло. Даже маленькая и безобидная овсянка становилась боевой единицей, попадая под магическую волну, под влияние «шлема ужаса». Сам же Ян уже не помнил самого себя. Как только он увенчал свою голову шлемом, то тут же в его сознание ворвались неведомые сущности и прежние обладатели этого орудия смерти. Он слышал голоса, нашептывающие ему, что и когда делать, а в какой-то момент вдруг понял, что летит, бежит, сечет и рубит не он сам, а кто-то внутри него и этот кто-то в сотни раз превосходит его самого. Он лишь меч в чьих-то руках, лишь брошенный сгусток пламени, светоносной щит ограждающий царство живой природы от тли и саранчи, что пытается его пожрать.

Так исполняя волю Источника, он сражался у стен Мрамгора, затем у стен замка, преследовал врага так далеко, как только тот мог удрать, пока не заметил, что из центра Синего леса, факелом вырывается пламя, а вслед за этим пламенем столб белого света. Этот свет был живым, разгоняющим огонь и он разливался по небу, распространялся во все стороны, заставляя лазуревый купол дрожать. А потом внезапно пропал, просто схлопнулся и остался только столб пламени и черного дыма в центре леса. Бросив поле битвы, Ян устремился туда.

Лес наводнился стенаниями, вокруг озера все полыхало, а прямо в огне вспыхивали белые искры — это сражались Веды. Ни долго думая, Ян бросился туда, но к огню подойти не смог. Он разглядел лишь, что две фигуры — это мужчина и женщина. Повинуясь инстинкту, Ян метнул свой меч прямо в огонь, целясь в мужчину. И как только тот пал, пламя перестало бушевать,

опало, и парень увидел, что женщина — это вовсе не его возлюбленная.

— Где Дея? — крикнул он, обращаясь к незнакомке.

Она ничего не ответила, только кивнула в сторону, и Ян, наконец, увидел Влада. Он валялся на земле, сжавшись в комок, трясся и прижимал к груди что-то большое, белое. Рядом сидел и заливался слезами леший.

— Что здесь произошло? — обратился он к спасенной женщине.

Та смотрела на Яна, не торопясь отвечать, но потом все же сказала.

— Пока мы с сыном спасали город, Ихаиль напал на лес.

— Где Дея? — казалось, это были единственные два слова, которые обезумевший Ян мог сейчас извлекать из себя.

— Ее больше нет, — прошептала Морита, опуская глаза.

Он ожидал какого угодно ответа, но только не этого. Могло не быть Мрамгора, Вайеса, самого Багорта, в конце концов, но только не ее. Она была всегда! Она вечно должна была быть неиссякаемым светом, путеводной звездой, огнивом, что выжигала в нем искру, быть кем угодно — только быть.

Слово «быть» звенело в его голове, разливаясь расплавленным железом. Яна затошнило, потом закружилась голова, он почувствовал, что земля делает кульбит, начинает вращаться во все стороны одновременно. В этот момент кто-то содрал с его головы шлем, а его самого подхватил под руки и облокотил о нагретый камень.

В себя Ян пришел когда пожар уже был потушен. Шлем лежал рядом завернутый в окровавленный Деин плащ. Первым желанием было убить кого-нибудь и тут же подвернулся претендент. Ненавистный Вед по-прежнему находился в том самом месте, где Ян видел его до обморока. Только теперь он не лежал, а сидел и, раскачиваясь, что-то бормотал себе под нос.

Парень поднялся, подошел к Владу. Тот выглядел настолько жалким, что Яну даже расхотелось его бить, хотя еще секунду назад, он был уверен, что убьет его за то, что не уберег их Дею от смерти. Но теперь Яна и самого охватила какая-то странная немота и опустошенность. Он вглядывался в своего соперника, который в этот час так же, как и он потерял любимую, а потом сел рядом и повинуясь воздушным колыханиям, тоже стал раскачиваться.

Влад продолжал непрерывно бормотать, но что именно Ян не слышал, не до этого ему сейчас было, он тер свою горевшую грудь, казалось, ему сыпанули на открытую рану перца. Там все жгло, зудело и невыносимо пульсировало, разнося нервные токи

по всему телу, оповещая это тело о том, что произошло непоправимое, что-то такое чего не изменит уже никакое волшебство.

Впервые за долгие месяцы проведенные в Багорте Ян осознал, что как бы волшебен не был этот новый мир, люди в нем умирают так же, как и везде — по-настоящему и безвозвратно. Он только что видел смерть, сам нес ее, сеча своим огненным мечем тысячи солдат. Но вот парадокс — он ее не замечал, не осознавал. Он воспринимал бой как игру, будто бы это все было не взаправду, будто бы там у ворот города и потом у стен замка от его меча падали не люди, а тени и даже не падали, а просто уходили в другой мир, может даже в лучший чем этот.

От чего же сейчас ему не кажется, что Дея просто ушла в другой, лучший мир? Отчего же у него такое ощущение, будто в нем образуется черная пустота, дыра, провал? Эта дыра разрасталась так стремительно, что казалось, скоро от него самого уже ничего не останется, он, как и Дея, как и те, кого он убил, превратиться в дым и развеется по ветру.

От черных мыслей его отвлек разговор. Морита и Вайес приближались к ним сзади и тихо переговаривались, думая, что их не слышат.

— Ни в коем случае не напоминай ему, что он спас город, — говорила женщина.

— Но почему? — недоумевал Вайес. — Ведь это действительно так.

— Его лучше вообще сейчас не трогать. Еще немного и он возненавидит Мрамгор за то, что он отбит у врага ценой ее жизни.

О ком именно говорили Морита и Вайес, Ян не понимал, но вполне был согласен с Ведуньей. В нем, и правда, нарождалось ядро ненависти. К чему именно он не знал, просто этот сгусток черной, едкой дряни рос в нем как снежный ком. А Вайес с Моритой все продолжали шептаться за их спинами.

— Ты все-таки склоняешься к тому, что она мертва? — спрашивал глава Мрамгора. — Может это какой-то трюк, волшебство, магия Источника?

— Вайес, не будь наивным ребенком! Я была здесь, когда это произошло, и видела все своими глазами. Ихаиль вонзил ей заговоренный клинок прямо в сердце, после такого не выживают.

— Но она не упала замертво. И тело пропало.

— Согласна, то, что здесь произошло — несомненно, чудо. Осыпаться жемчугом, раствориться в потоке Источника или что с ней на самом деле произошло, может не каждый? Вайес, у Хранительниц этого леса своя магия, а Дея еще и призвала силу

моего рода. Я даже не представляю, что за мистерия развернулась у нас перед глазами, но в одном я убеждена — любить маленькие красивые камушки так же, как прекрасную молодую женщину невозможно, они не заменят ему жену.

— Согласен, но может можно обратить эти камушки обратно в Дею.

— Это запредельная магия, Вайес, мне она не доступна?

Они говорили еще что-то, но Ян их уже не слушал, в его голове со скрежетом заворочалось одно единственное слово — жена. Он понял, наконец, что говоря «он», собеседники имели в виду Влада. Понял, что пока он скитался в поисках шлема, Дея была тесно связана с этим холодным, бесцветным куском льда, замеревшем сейчас словно статуя. Он понял, что Дею у него отняли не сейчас, а когда он отправился скитаться по Багорту.

Ян присмотрелся к тому предмету, который Вед прижимал к груди. Это была огромная, полная жемчуга раковина. Он держал ее так, будто она принадлежала только ему, будто никто другой не имел на нее права. И в Яна снова вонзилось это слово — жена. Все сложилось: рассказ Мориты, ступор Влада, сверкающие камешки в его руках. Она не просто умерла, она превратилась в то, что этот ледышка вжимает сейчас в свою тощую, белую грудь.

Ян перевел взгляд с раковины на лицо Веда. Оно ничего не выражало, Влад просто застыл, словно в камень обратился. Ян потряс его за плечи.

— Это все, что от нее осталось? — просипел он, указывая кивком на жемчуг.

Влад отрицательно покачал головой, а потом взял и удивил его.

— Хочешь подержать? — спросил он слабым голосом, протягивая раковину.

Ян кивнул и принял то, что стало урной для его любимой. Как только он прикоснулся к прохладным переливающимся жемчужинам, его словно кипятком обдало, от неожиданности он даже руку одернул, а Влад посмотрел на него из подобья и как-то странно улыбнулся.

— Чувствуешь дыхание? — спросил он.

— Да, — тихо отозвался Ян, поняв почему Вед выглядел так странно. Он просто был сосредоточен, прислушивался, пытаясь уловить легкое трепыхание исходившее от маленьких, белых камушков. Жемчужины, перекатывались под пальцами Яна, подрагивали, они были живыми — они были ею. Ян поцеловал их и тихо заплакал, а Влад наклонился к нему и прошептал в самое ухо.

— Она ждала тебя, знала, что ты идешь, потому и лес не запечатала.

Ян вскочил на ноги, рассыпая жемчужины. Влад бережно собрал каждую и тоже поднялся, забирая у него раковину.

— Что еще от нее осталось? — спорил Ян, вспоминая, что жемчуг не единственное Деино наследие.

— Это она покажет тебе сама, — меланхолично ответил Влад.

— Как она мне что-то покажет, если ее больше нет?!

— Кто тебе это сказал?

— Твоя мать, ведь это она стоит там с Вайесом? — он указал рукой в сторону, где затаились отец и мать Влада.

— М-м-м… В каком-то смысле она права, — согласился Вед. — Моя мать очень многое знает, но я многое чувствую. Каждый человек больше чем кажется, много больше, и пока ты этого не осознаешь — будешь бояться расстаться с телом. Но я больше ничего не боюсь, поэтому знаю где ее искать, я знаю, знаю… — прошептал он, и Ян увидел, как его черные глаза полыхнули белым.

«Да он обезумел», — сообразил Ян, вспоминая, что именно эти слова Влад и бормотал, сидя на земле.

Ян вдруг понял, что если не сделает сейчас что-нибудь сверхъестественное, умопомрачительное, абсурдное, шальное, его постигнет та же участь. Разум его затуманится, глаза остекленеют, сознание уснет вечным сном, останется лишь хиреющее тело бывшего воина — небесного Сагорта.

— Стой! — крикнул он, хватая за рубаху уходящего Влада. — Стой, у меня к тебе просьба!

— Говори, — промямлил тот бесцветным голосом.

— Открой врата в Лонгвин.

— Зачем? — безучастно спросил Влад.

— Открой врата и отправь туда меня. Я разнесу этот источник зла, камня на камне не оставлю! Я убью их правительство! Я их всех порублю!

— Главный источник зла — это человек. В данном случае — ты.

— Да, что с тобой?! — вскричал Ян. — Неужели ты не хочешь отомстить за нее?!

— Месть порождает месть. Замкнутый круг, понимаешь?

— Нет, не понимаю, и если ты не поможешь мне убить их, я убью тебя.

Влад лениво улыбнулся и встал перед ним, разводя руки в стороны.

— Бей прямо в сердце, иначе меня не убить.

— Да что с вами со всеми твориться-то?! — взревел Ян.

Его переполняла ненависть, он хотел рвать, крушить, бить, но никто на этой выжженной земле не разделял его горя. Тихо сошедший с ума Влад брел к озеру, русалки беспомощно выли, прижимая к груди своих детей, лес скорбел безмолвно, и только Морита и Вайес, казалось, были в здравом рассудке. Они так и стояли в отдалении и смотрели на него с опаской, не решаясь подойти.

Ян хотел было уже обратиться со своей просьбой к Морите, ведь она по слухам была сильным Ведом и могла навести врата в Лонгвин, но в тот момент, когда он направился к ним, Морита отвернулась. Она теперь смотрела не на него, а на своего спятившего сына. Тот вел себя как настоящий умалишенный — зайдя в воду по колено, он разбрасывал драгоценные камешки, те падали, образовывая круги на воде. Некоторые жемчужины ловили Озерные девы, целовали и опускали на дно озера.

Ян бросился к Владу, крича на бегу:

— Идиот, ты что делаешь?

Но когда он добежал до края берега, наткнулся на невидимую преграду.

«Этот псих закрыл себя щитом, чтобы совершить какой-то абсурдный ритуал», — понял Ян, замирая в ожидании и прислушиваясь к тому, что бормотал Влад.

— Моя душа всегда стремилась к твоей, — шептал он, выбрасывая очередную горсть камней, — я уверен, что отыщу тебя, я знаю где искать. Я иду. — С этими словами он высыпал оставшиеся жемчужины в озеро, запрокинул голову к небу, а руки выбросил в стороны.

Все дальнейшее происходило так стремительно, что никто ничего не успел предотвратить. Ян не понимал, что происходит, но чувствовал, это не простой ритуал, это нечто большее и совершает его не Влад, а та неведомая сила, которую Веды называли Источником. Он лишь обращается к ней с какой-то просьбой, а какой именно Ян даже не представлял.

По озеру вдруг прокатилась одна большая волна, оно задрожало и вокруг Влада стала образовываться воронка. Сам Вед засветился словно лампа. Он становился все прозрачней и прозрачней, пока не обратился в сплошной свет, а потом из воронки вылетели черные птицы. Их было так много, что они затмевали собой белое свечение.

Ян услышал за спиной душераздирающий, нечеловеческий, полный отчаяния крик матери. Но обернуться он не успел, защита рухнула, и парень упал лицом в воду.

Когда он поднялся, света уже не было, а черные птицы кружили над Моритой и удерживающим ее Вайесом. Бедная

женщина стояла совершенно потерянная, ничего не понимая, она смотрела на взбесившихся птиц. Вайес пытался поймать хотя бы одну, но они не давались, лишь разгонялись все быстрее и быстрее, пока не превратились в черную тучу, которая стремительно таяла. Птицы испарялись и все что от них оставалось — это иссини-черные, шелковистые перья, которые Морита собирала трясущимися руками.

Ян, спотыкаясь подбежал к убивающийся матери и тоже поднял одно перо. Оно, как и жемчуг было живым, легкое подрагивание, вибрация дыхания и тепло исходили от него.

— Куда он пропал? — спросил Ян Мориту.

— Развоплотился, — ответила она, смотря при этом на склонившегося к ней Вайеса.

— Не умер? — с надеждой в голосе спросил тот.

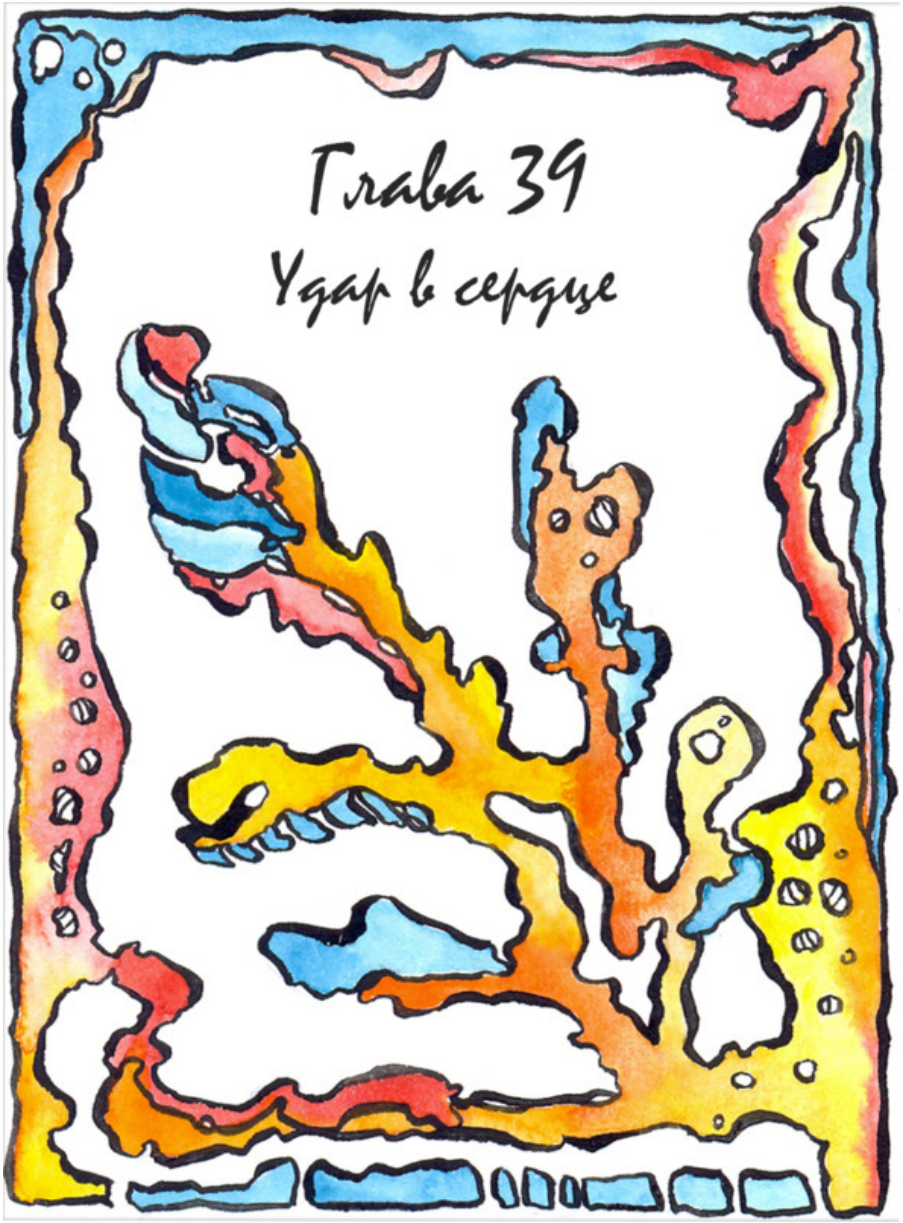
— Нет, — ответила Морита, — но мы его больше не увидим. Вот все, что он нам оставил, — она протянула ему перо и заплакала.

— Но, Морита, откуда ты можешь знать наверняка?

— Я слышала, что он просил у Источника, я слышала, слышала, слышала…

Глава 39

Удар в сердце



Удар в сердце

Уговорить их отомстить Лонгвину оказалось не сложно. И он, и Морита были сокрушены потерей сына. Ян же убиваясь по Деи, стал одержим мыслями о мести. Он обещал им навсегда избавить Багорт от нападок Лонгвина, говорил, что хочет прекратить вечную вражду, изничтожив врага.

— Отправьте меня в сердце Лонгвина, — умалял он, — я вырву его и брошу к вашим ногам. Эти звери навсегда запомнят наш урок. Ни одно поколение больше не решиться выступать против Багорта, если вы отправите туда меня.

И они отправили. Вайес правда просил его подождать хотя бы день, дать солдатам и Ведам отдохнуть, но Ян был непреклонен.

— Нет, — настаивал он, — мы должны напасть немедленно. Они не ожидают такого поворота. Им и в голову не придет, что осажденный город, способен наступать. Их корабли и орудия стоят в портах, а центр не защищен. Мы застанем их врасплох, размажем, уничтожим, сотрем в пыль.

Противостоять напору Яна не было никакой возможностей. Он говорил столь воодушевленно, был так патетичен, что любые протесты разбивались о его убежденность в собственной правоте.

Совет сдался. Морита вместе с остальными Ведами, выжившими после сражения за город и замок, пробила защиту Лонгвина, и Ян вторгся в самый центр континента с тысячной армией. Никакие уговоры оставить шлем не могли возыметь действия. Небесного Сагорта больше не страшила смерть от неведанного оружия, он не побоялся воспользоваться им во второй раз, он вообще больше ничего не боялся, потому что самое страшное с ним уже произошло.

Добровольцев пожелавших встать под его знамя оказалось очень много. Все, кто сражался у стен города и замка, все, кто видел, на что способен «шлем ужаса», пошли за ним. Не взяли только раненых, Хранителей и Маюн. Она отчаянно протестовала, но Вайес смог убедить ее в том, что Ян просто не желает рисковать ею, ведь в дали от Багорта она станет простой птицей. Большой, прекрасной, но не способной слышать своего Сагорта — их связь разорвется за пределами Багорта.

Осталась и Морита, она тоже получила ранение еще при сражении за город, а потом и во время драки с Ихаилем. У нее едва хватило сил на то, чтобы навести точку для врат, затем понадобилась мощь всех Ведов Мрамгора, которые и сотворили эти врата.

Вайес смотрел на их работу и вспоминал как его сын делал

это в одиночку. Уже тогда глава Мрамгора понимал, что еще очень и очень долго не сможет смириться с тем, что эта война забрала у него Влада. Еще долго он будет представлять, как бы его великий сын справился с той или иной задачей и еще много лет пройдет, прежде чем сам Мрамгор поймет, кого потерял.

Когда взбудораженные воинственным настроем Яна и возбужденные сборами воины Мрамгора, скрылись в сияющих вратах, Вайес раздал особо ценные указания и вернулся обратно в лес. Они с Моритой хотели побыть с Озерными девами, хотели убедиться, что с бушующей Хранительницей все в порядке и теперь сидели на берегу и нянчили крохотную, большеглазую девочку.

Вайес пытался думать о маленькой Госпоже, но у него плохо это выходило, мысли упорно возвращались к утраченному сыну. И хоть Морита и убедила его в том, что их мальчик не вполне мертв, последний миг когда он его видел, уже прошел. Подрагивающие и напоминающие о том, что их сын где-то есть черные перья, которые Вайес носил при себе, не могли его заменить, как не мог их сыну заменить жену жемчуг, что оставила после себя Дея.

Позже, когда они немного пришли в себя от потрясений этого страшного дня, Морита рассказала ему о просьбе сына. Влад отказался от тела, чтобы отыскать любимую, которая застряла между мирами. Молил Источник, позволить ему быть рядом с ней, и тот откликнулся на его просьбу.

— Они развоплотились и теперь едины в сиянии чистого разума, — повторяла ему Морита снова и снова, сидя на Берегу Лад озера. — Их строптивым душам было тесно в нашем мире запретов и ограничений, но теперь они свободны как ветер. Ни одному Веду со времен Великой битвы не дозволялось прожить вечность рядом с любимыми, — говорила она. — Все мы вынуждены скитаться по темным мирам в одиночестве без права на перевоплощение. Радуйся — твоему сыну дарована свобода.

Но Вайесу трудно было понять, как можно быть и не быть одновременно. Он все сокрушался о том, как много потерял мир и он сам после ухода их сына.

— Он был так умен, так талантлив, — говорил Вайес, гладя пальчики Велиоки. — Все стремился постичь законы, по которым живет Вселенная, познать истину…

— Судя по всему, он ее и познал, раз ему позволили соединиться с любимой, — отвечала Морита. — Они и раньше были неотделимы от Вселенной, теперь же они в каждом ее вздохе. Они теперь дыхание ее, понимаешь?

— Не вполне, — отвечал Вайес, тяжело вздыхая.

— Рано или поздно их чистое сознание раствориться в вечности, но до тех пор они с нами. Они незримы, но они рядом, просто поверь и тогда ты сможешь почувствовать это.

— А ты чувствуешь?

— Пока нет, но я думаю им тоже нужно время. Может, он ее пока еще не отыскал.

Морита верила, что их сыну позволили сбросить с себя оковы времени и соединиться с Источником. Она чувствовала — Влад и Дея еще даже не ступили на Дорогу духов, по которой идут все мертвые, чтобы засиять на небесном склоке новой звездой.

Глава 40

Последний дар

Последний дар

На то чтобы отбить у Лонгвина желание продолжать войну, потребовалось поразительно мало времени. Как и предполагал Ян, правительство воинственного континента никак не ожидало удара со стороны осажденного Багорта. Они уже праздновали легкую победу, когда над их небом разверзлись врата, и из них посыпалась разъяренная армия Багорта.

Захват правительственной резиденции и конклава не занял и трех часов. Суд был скорым и жестоким. Лонгвин был сокрушен, их столица разгромлена, правительство перебито, а на полях Ян приказал высеять солью канон Хоры — тот самый символ, что когда-то ему показала Дея.

Вернувшись в Мрамгор после долгих месяцев скитания, он по-другому посмотрел на свой город. Он увидел, что практически на каждом доме было изображено символическое, абстрактное миропонимание Багортцев. Высечен символ, отображающих их канон — три круга, в которых все стремиться к единству в бесконечном проникновении друг в друга. Именно эти круги они и изобразили на немногочисленных полях Лонгвина.

Багортцы не были зверьем, желающим стереть с лица земли всех жителей этого воинственного и заблудшего, по их представлениям, континента. Нет, они только хотели напомнить им о законах Источника и о том, чем грозит их нарушение. А еще хотели оставить память об этой войне на века, такую чтобы отбивала у последующих поколений желание нападать на Багорт. Потому-то они и не засеяли все поля солью, не стали лишать людей пищи. Но теперь возделывая свои пашни, лонгвинцы будут помнить о том, что и на их землю может прийти смерть. А еще о том, что не смотря на отсутствие технического прогресса Багорт остается одним из самых сильных континентов на Хоре.

Вернувшись, Ян застал свой город в плачевном состоянии. Крепостная стена сильно пострадала, половина мастерового квартала тоже выглядела изрядно помятой. По всему городу виднелись следы борьбы. Но народ не сидел сложа руки, заглушал боль утрат упорной работой — трудился над восстановлением родного края.

Одно порадовало Яна — замок и прилегающие к нему территории нисколько не пострадали. Его и впрямь защищала древняя магия, он был несокрушим, как сам закон Источника так почитаемый в Багорте.

Близ Синего леса вырос второй курган, в нем были преданы священному огню все воины, погибшие при осаде Мрамгора.

Первый, как объяснили Яну, образовался после битвы за Синий лес. В ней, по словам мрамгортцев, пострадало немало добрых воинов, но если бы не Влад Карий, заперевший вторженцев на поле и проведший через лес в засадный полк, война кончилась бы еще тогда.

Теперь у курганов ежедневно раздавались стенания, люди несли к месту сражения бумажные цветы и ароматические масла, кропили землю слезами, просили Источник принять их близких. Ян видел эти извечные прощальные ритуалы, когда скакал на своем богатырском коне в сам Синий лес. Он хотел побыть на месте гибели любимой, прикоснуться к тому, что было с ней тесно связанно, хотя отношение к Синему лесу у него странным образом менялось. Нет, не то чтобы он винил его в смерти Деи, но не будь она Хранителем ей не пришлось бы умирать за него.

С того момента когда Ян видел лес в последний раз, прошло уже три дня. Он запомнился ему израненным, почерневшим, пропахшим гарью и смертью. Сегодня все было иначе. Ян ожидал, что лес будет стоять в печально-молчаливом трауре, поникший и удрученный, но он был таким как прежде — когда в нем еще жила Дея.

Ян спешился и повел коня под уздцы по широкой тропе, ведущей к озеру. Там картина изменилась мало, деревья стояли обугленными, черным мачтами, земля тоже еще хранила следы пожара, но все остальное дышало жизнью. На другом берегу сидели молодые и не очень папаши, нянчили маленьких русалят, подле них ворковали Озерные девы. Некогда облюбованный русалками правый берег — нынче выжженный и омертвевший, теперь был пуст. Именно здесь Ян и отпустил своего коня, а сам пошел к воде. Но побыть в одиночестве ему не дали, из озера вынырнула Велена, за ней еще несколько русалок.

— Ты вернулся с победой? — спросила она его.

— Можно и так сказать, — ответил Ян.

— Она гордиться тобой, — сказала Велена и улыбнулась.

Яна вдруг охватила злость. К чему эти нелепые, ненужные слова, призванные утешить его? Разве они могли ее вернуть или заменить, зачем они вообще пришли, зачем не оставят его в покое?

И тут Велена, словно бы прочла его мысли и нежно, по-матерински улыбнувшись ему, скрылась под водой. Остальные девы не говоря ни слова, последовали за ней. А полом произошло чудо. Слегка ребристая от легкого ветерка поверхность озера преобразовалась, натянулась, словно шелковое полотно и на зеркальной, живой поверхности проступил лик — ее лик.

Ян замер, а потом чуть было не кинулся в воду, словно хотел

поймать мираж. Но мутный, словно разбавленный образ покачал головой, останавливая его. И тут Ян осознал, что он живой, что это не галлюцинация и не видение. Волшебный образ Деи не растворялся, не был статичным, а улыбался ему. Улыбка эта была и ее — Деина, и не ее одновременно. Появилось в ней нечто потустороннее, лишенное земных страстей что ли, чего-то такое, чего Ян в ней прежде не замечал.

Она еще немного покачалась на водной поверхности, а потом стала медленно таять и вскоре совсем растворилась.

Ян заозирался по сторонам, подумав, что это какая-то магия, ведь происходило что-то энигматическое, недоступное для понимания. Но не успел он и дух перевести, продолжая искать того, кто творит эту магию, как из озера снова вынырнула Велена.

На этот раз старшая дева была не одна, а с крошечным ребенком на руках. Он утыкался личиком в грудь русалки, цеплялся за ее влажные косы. Велена подплыла к самому берегу, шепнула что-то девочке, и та обернулась к Яну.

Словно луч света, пробивающий мутную туманность были ее огромные серые глаза. Родные, до щекотки знакомые они смотрели на него с озорным интересом, ко лбу лип рыжий чуб. Ян узнал бы эту девочку и в многолюдной толпе, и на расстоянии трех аршин, не то что в такой интимной близости. Эти чудные, милые сердцу несовершенные совершенства: ямочки на щеках и изящно изогнутые ножки так похожие на символ, олицетворяющий все неизвестное.

Девочка потянула к нему пухлые ручки, а потом время сделало непроизвольный скачек, и Ян очнулся, только когда понял, что старательно закутывает ее в свой плащ.

— Ей дали имя Велиока, — сказала Велена. — Я оставлю вас наедине.

Яну не надо было ничего разъяснять, память услужливо подбросила слова Влада о том, что от Деи остался не только жемчуг. И конечно ему не надо было объяснять, что эти серые, озорные глаза в пол лица не Влада и даже не Деины.

Эпилог

Дорога в бесконечность.
Наша дорога простая:
День, сумерки, ночь, рассвет.
Мы тихо ступили из круга
В свет.

В тонкую сеть мирозданья,
В паутину волшебных грез.
В бесконечное, вечное, встречное,
Сквозь дожди ваших искренних слез.

В сиянии чистого разума,
Мы растворимся здесь.
Две точки на карте неба,
Вам шлют о бессмертии весть.

Мы дети во чреве Вселенной,
Разве же мы одни?
Мы радуемся свободе,
Мы в нее влюблены.

Эпилог

Дорога в бесконечность

Наша дорога простая:
День, сумерки, ночь, рассвет.
Мы тихо ступили из круга
В свет.

В тонкую сеть мироздания,
В паутину волшебных грез.
В бесконечное, вечное, встречное,
Сквозь дожди ваших искренних слез.

В сиянии чистого разума,
Мы растворимся здесь.
Две точки на карте неба,
Вам шлют о бессмертии весть.

Мы дети во чреве Вселенной,
Разве же мы одни?
Мы радуемся свободе,
Мы в нее влюблены.